

ПРИСЯГНУВШИЕ МОРЮ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Российская академия наук
Дальневосточное отделение
Национальный научный центр морской биологии
им. А.В. Жирмунского

ПРИСЯГНУВШИЕ МОРЮ

Владивосток

2020

УДК 082
ББК 94.3
П77

П77

Присягнувшие морю / Национальный научный центр морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2020. – 242 с.: 189 ил.
ISBN 978-5-7444-4805-9.

Составители этой очерковой книги, посвященной полувековому юбилею Института биологии моря – Национального научного центра морской биологии Дальневосточного отделения Российской академии наук, исходили из того, что следует не только отметить эту знаменательную дату, но и рассказать об исследователях – людях пытливых, талантливых. Их было немало в не такой уж вроде бы длительной истории нашего института, но они были, они есть. Этот коллективный рассказ также показывает, что пути развития морской биологической науки на Дальнем Востоке с первых шагов деятельности института были выбраны правильные и перспективные.

© Национальный научный центр
морской биологии
им. А.В. Жирмунского ДВО РАН,
2020

ISBN 978-5-7444-4805-9

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Судьба ученого, как творческого человека, в какой-то степени трагична. Трагедия ученого – в двойственной природе его научной деятельности. С одной стороны, она крайне персонифицирована, поскольку открытие, как и любой другой акт творения, осуществляется, как правило, в одиночку. Однако результаты научной деятельности крайне деперсонифицированы. Например, исследователь самоотверженно кладет жизнь на алтарь познания тайн природы, но выясняется, что суть его открытия могут понять лишь несколько специалистов. А уже через 20–30 лет оно может обесцениться и превратиться в хрестоматийную банальность.

За полвека в Институте биологии моря работали почти 4000 человек. Сотрудников с высшим образованием – 1130. Кто-то работал временно, некоторые увольнялись, возвращались, как говорится, восвояси. Сейчас в нашем коллективе, вошедшем в 2016 году в состав Национального научного центра морской биологии им А.В. Жирмунского, трудятся 456 человек, в их числе 191 научный сотрудник. Есть у центра еще и филиалы: Дальневосточный морской заповедник и Приморский океанариум.

Моими коллегами по Институту биологии моря были разные люди: кто-то жил одним днем, имея душевный, телесный и материальный комфорт; кто-то хотел реализоваться в своих научных открытиях и был готов здесь и сейчас на любые лишения, чтобы остаться в науке своими статьями, книгами, в своих учениках. Но все – люди интересные.

Институт с первых же дней своей организации уделял внимание улучшению системы образования и просвещения во Владивостоке. Десятки сотрудников стали преподавать в Дальневосточном государственном университете, студенты проходят полевые и производственные практики на базе ИБМ, готовить курсовые и дипломные работы. Была создана Малая академия морской биологии для школьников. Когда существовало общество «Знание», десятки моих коллег выступали перед населением по всему Приморскому краю. И сами мы стремились познать историю морской биологической науки, усвоить опыт наших предшественников. Отечественные зоологи традиционно много внимания уделяли изучению морских животных. Первой морской биологической станцией, активно принимавшей российских исследователей, была Вилла Франка на Средиземном море, недалеко от Ниццы. Академик Александр Онуфриевич Ковалевский, получив постоянное место в Зоологическом институте в Санкт-Петербурге, тут же начал хлопотать об организации подобной станции в России. Она и была создана – в Крыму, Карадагская. Новая биостанция появилась и на Соловецких островах в Белом море, позднее перебазировалась на Баренцево, в Дальние Зеленцы. На Белом море были созданы еще две базы: Беломорская Зоологического института (мыс Картеш) и Беломорская МГУ (Кандалакшский залив вблизи поселка Пояконда). А затем и Ленинградский университет организовал на Белом море свою биостанцию. Наличие морских биостанций, конечно же,

сыграло положительную роль в развитии биологии в нашей стране. Но известно, что богатство биоты Японского моря несравненно выше, чем в названных районах, поэтому Институтом биологии моря была создана целая сеть биологических станций – от юга Приморья до Камчатки: в заливе Петра Великого – вблизи Находки, в Посъете и на островах Фуругельма и Попова; на Сахалине и на Камчатке. На эти биостанции в летние месяцы приезжали биологи и студенты из многих университетов и институтов. Творческая атмосфера тех лет, царившая на биостанциях, достойна особого художественного описания...

Собранные в этой книге очерки написаны от чистого сердца. Они интересны документальностью и эмоциональной окраской событий, очевидцами и участниками которых оказались их авторы. А жизнь, сказал бы я, – это коллекция воспоминаний. Их никто и ничто не может у человека отнять. Авторы очерков помогают нам в какой-то степени почувствовать также историко-философский дух конца 20 – начала 21 веков. Что, в свою очередь, вселяет в составителей книги надежду: интерес к ней проявят не только сотрудники прежних отдела биологии моря ДВНЦ АН СССР – Института биологии моря им. А.В. Жирмунского ДВО АН СССР/РАН, но и нынешнего Национального научного центра морской биологии ДВО РАН.

Анатолий ДРОЗДОВ, профессор, доктор биологических наук

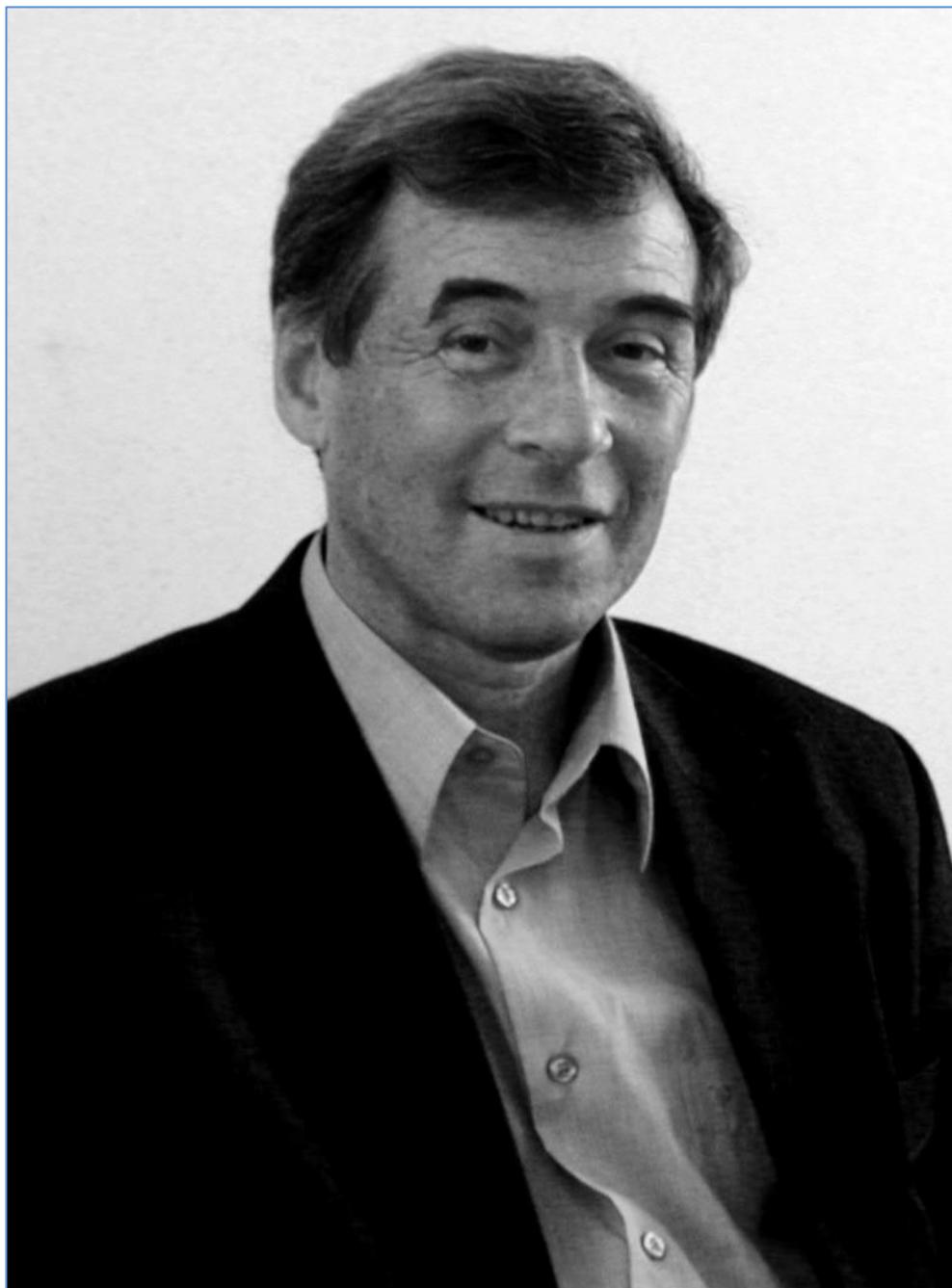
Идея подготовки книги к 50-летию Института была озвучена тогдашним его директором Андреем Владимировичем Адриановым на собрании сотрудников ИБМ – почти четыре года назад. И мне хотелось собрать материалы (или написать хотя бы краткие справки) о каждом, кто работал и жил среди нас. И начала это делать. Но случилось так, что я выпала даже из нормальной жизни из-за тяжелой и продолжительной болезни моего мужа Виктора Евгеньевича Васьковского. А потом мне стало все безразлично, да и пришли иные времена, имена...

По поводу институтского юбилея слышала много невнятных толкований, включая «грядущий кризис РАН». Спасибо Анатолию Леонидовичу Дроздову – он взялся довести до ума и дополнить собранное мною. Но она, наша история, по моему мнению, началась тогда, когда были зачислены в штат первые сотрудники, и она не канула в Лету. А потому считать наше начало по официальным именованию-переименованиям – это не совсем правомерно. Горько и обидно, что не все увидят эту книгу – своеобразный памятник нашему творческому пятидесятилетию. Я благодарна всем, кто откликнулся. Очень жаль, что не получилось вовремя реализовать задуманное.

Тамара ТЕРЕХОВА, кандидат биологических наук, ученый секретарь ИБМ в 1983–1997 годах

Академик Алексей Викторович Жирмунский, организатор и первый директор Института биологии моря в 1970–1989 годах

Академик Владимир Леонидович Касьянов, директор Института биологии моря в 1989–2005 годах

Академик Андрей Владимирович Адрианов, директор ИБМ ДВО РАН (с 2016 года Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН) в 2005–2017 годах. Научный руководитель (Президент) ННЦМБ ДВО РАН с 2017 года

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Валерий АКУЛИН

Об организации Института биологии моря я узнал в конце шестидесятых годов, в аспирантский период своей жизни. Мне рассказали об этом знакомые из Института цитологии, упомянув, что директором будущего учреждения станет их сотрудник Алексей Викторович Жирмунский. Вскоре у меня появилась возможность познакомиться с будущим директором-организатором – Алексей Викторович приходил к моему руководителю Евгению Михайловичу Крепсу. На него, как я узнал позднее, Президиум Академии наук возложил ответственность за организацию Дальневосточного научного центра. Вероятно, такое поручение уважаемый академик получил в связи с его неравнодушным отношением к Приморью, где в молодые годы он проводил активные научно-исследовательские работы. Здесь же, и не по своей воле, ему приходилось бывать в более поздние времена.

Близился к концу мой аспирантский срок, реальной стала возможность остаться в лаборатории, где проходил обучение. Но, по совету Евгения Михайловича, я вернулся во Владивосток, но не в ИБМ, а в ТИНРО, откуда меня направляли в целевую аспирантуру. Поэтому изначально за первыми шагами молодого института я наблюдал со стороны. Надо сказать, что отношения между нашими институтами были дружественными. Было много общих знакомых. Однако обстановка в новом коллективе разительно отличалась от тинровской явно ощущавшейся романтической раскованностью. Сотрудниками там в большинстве были молодые люди, приехавшие из западных городов, и многие – действительно из романтических побуждений. Вскоре А.В. Жирмунский предложил мне перейти в его институт. Это оказалось не так просто – из ТИНРО меня не отпускали, предлагая организовать новую лабораторию, близкую по специальности к ибээмовской. Да и не было подходящей свободной ставки. Но в конце концов такая возможность появилась.

Активные миграционные процессы были характерны для ИБМ с самого начала. Наряду с постоянно подъезжающими новыми сотрудниками были и убывающие. Вот когда один из отъезжающих (в Израиль) освободил место старшего научного сотрудника, а в ТИНРО менялся директор, я, воспользовавшись ослаблением контроля,

«выскользнул» к морским биологам. Так что новый, 1972 год встретил полноправным ибээмовцем. Лабораторией популяционной экологии, в которую я пришел, заведовал мой близкий друг Слава Коновалов, он же был заместителем директора ИБМ. Лаборатория занимала одну комнату на пятом этаже огромного здания Дальневосточного геологического института, где вперемежку располагались разные институты. Пятый этаж занимали преимущественно лаборатории Биолого-почвенного, этаж ниже – Биоорганической химии. Дирекция ИБМ, его службы и несколько лабораторий находились на втором этаже.

Институт был уже довольно крупным по численности. Количество лабораторий существенно превышало количество лабораторных комнат. В проекте имелось новое здание, рассчитанное на гораздо большую численность. Картинкой проекта этого здания мы любовались в кабинете директора, если случалось, а пока в некоторых лабораториях можно было только стоять, и то не всем. Да все никогда и не собирались вместе – сотрудникам, ранее работавшим в западных институтах, разрешалось прикомандировываться к своим бывшим организациям, что они и делали в большинстве случаев. Некоторых из них я знал только по фамилиям – за три года работы в ИБМ увидеть их так и не удалось.

При дефиците лабораторных помещений особой популярностью пользовались диваны на широких лестничных площадках. На них и вокруг них постоянно группировался научный люд, часто обсуждали проблемы мировой (иногда отечественной) науки. Нехватку рабочих мест существенно облегчали и создававшиеся экспериментальные станции. Шло бурное их строительство. Уже работала станция на острове Попова в проливе Старка – в качестве рабочего помещения использовали старое складское здание. Жили в больших палатках. Специальное здание только начинали строить. Громадная стройка разворачивалась в заливе Восток. Там станция изначально претендовала на то, чтобы стать базовой. Так и получилось. Здесь трудились сотрудники разных лабораторий, а летом и многочисленные приезжие. Остальные стационары были специализированными в том смысле, что в их создании принимала участие, обустривая под собственные нужды, какая-то из лабораторий. Так на Сахалине в поселке Сокол работали гистологи из группы Саши Максимовича, в то время ученого секретаря ИБМ, человека, с которым мы учились во Владивостоке в параллельных классах средней школы. Биохимики из группы Славы Сова подбирались к поселку Витязь, используя неформальные связи с руководством Тихоокеанского флота. Бухта Витязь принадлежала военным и была, естественно, закрыта для гражданских работ. Проект казался абсолютно аферистичным, тем не менее успешно реализовался. На этих станциях я

бывал редкими наездами, а вот в создании камчатской станции «Радуга» участвовал активно.

Надо сказать, что все названные станции и стационары находились в цивилизованных местах – примыкали к крупным поселениям. Даже сахалинский «Сокол». Но «Радуга» была не только самой удаленной от института, она располагалась на почтительном расстоянии от каких-либо населенных пунктов. Правда, в нескольких километрах находились остатки бывшей столицы Камчатки – Нижнекамчатского острога, но к семидесятым годам о нем напоминали только развалины маленькой деревянной церкви да полузаброшенное кладбище. А среди буйной камчатской растительности разгуливали непуганые медведи.

Станцию строили на берегу протоки, связывающей озеро Азабачье с рекой Камчаткой. Большая стройка началась в мае 1972 года силами сотрудников лаборатории и коллег из разных институтов, приехавших на заработки и оформленных в качестве строителей. Сотрудники лаборатории популяционной экологии совмещали строительные и полевые работы. Продуктивность наших трудов оказалась фантастической – за несколько месяцев построили лабораторный (большой и очень красивый) и жилищно-бытовой (со столовой и каминным залом) корпуса, жилой дом и, конечно, баню. Это и не удивительно, ведь строительными навыками владели почти все сотрудники лаборатории. (Замечу, что по своему составу лаборатория популяционной экологии, как и весь институт, была сформирована в основном из людей, приехавших на Дальний Восток из других регионов, и далеко не все имели профильное биологическое образование.) Боевой актив представляли физики (если не ошибаюсь, атомщики) Шура Шевляков и Влад Ильин, имевшие за плечами незаконченную аспирантуру в авторитетном харьковском институте. Как и многие в ИБМ, они приехали к настоящему морю. Но если для части приезжих жизнь у «настоящего синего моря» ограничилась несколькими годами, то сотрудников, пополнивших лабораторию популяционной экологии, Дальний Восток привязал на долгие годы. Виной тому стала Камчатка, с ее магическим притяжением людей, в основном хороших.

В общем, станцию построили быстро и, как мне теперь кажется, очень легко. Была ли какая-нибудь проектная документация на столь масштабное дело, не знаю. Никаких бумаг видеть не приходилось. А только что отстроенную хорошую баню после первой апробации разобрали и построили другую, более удобную и в новом месте. Новые строения как-то оформляли, документы сдавали соответствующим органам, в том числе и пожарным. По приобретенному позже опыту знаю, как сложно сдавать пожарным службам новострой, да еще и деревянный.

Но на «Радуге» таких трудностей не возникало. Партийно-хозяйственные органы Усть-Камчатского района относились к нам с большой доброжелательностью и во всех хозяйственных и организационных вопросах шли навстречу – руководство района явно гордилось дружбой с наукой. Конечно, в те времена отношение к науке в стране вообще было иным, а на окраинах особенно.

Отвлекаясь от строительной темы, вспомню один из хозяйственных эпизодов, вполне типичный. Дизельное топливо в больших количествах на весь сезон мы завозили из Усть-Камчатска. Оплата большого плашкоута была почасовой и очень высокой (с северными коэффициентами). На тридцатикилометровый маршрут против течения быстрой реки тяжело груженный плашкоут затрачивал много времени. Мы вполне обоснованно опасались, что отпущенных на это экспедиционных средств не хватит. Чтобы сократить время простоя, разгрузку вели до глубокой ночи. Во время одного такого штурма капитан плашкоута отдыхал в каминном зале под рассказы «за науку», которые ему явно нравились. Покидал станцию он крайне неохотно, а оплату оформлять вообще отказался. Сегодня это кажется неправдоподобным. Но в те времена деньги действительно не имели такого значения, как сегодня, а на Камчатке очень высоко ценились добрые отношения между людьми. Зато не совсем благосклонно оценили нашу строительную эпопею в Президиуме Дальневосточного научного центра во Владивостоке. Выяснилось, что стройка велась под видом капитального ремонта – «капремонт в необитаемых местах!». Тогда за такие выкрутасы в расходовании финансов директоров строго наказывали. Крайним сделали Коновалова, но обошлось строгим выговором. А мудрые люди оценили такой исход как большое везение. Вообще же везение тогда часто сопровождало нашу жизнь. Однако шутки с пожарными обернулись драматическими событиями – из-за неосторожного обращения с огнем студентов сгорел дотла наш замечательный лабораторный корпус. Он стоял с края в вытянутом вдоль реки ряду других строений. Сгореть могло все. Только поистине героическими усилиями удалось спасти другие дома. Так что и здесь все-таки повезло. Заряд рабочего энтузиазма, полученный в год строительства, нам удалось сохранить на несколько лет.

Режим на станции установили нестандартный: выходных не было, а праздниками считались только дни рождения кого-то из сотрудников. В такой день после двадцати двух часов можно было сесть за праздничный стол и отдыхать хоть до рассвета. Утром все должны были быть на своих рабочих местах. Формально так и выходило. При таком распорядке особо ценились сотрудники, родившиеся летом.

Мое появление в ИБМ совпало с организацией в нем совершенно новой структуры – совета молодых ученых. Тогда в каждом институте Дальневосточного научного центра создавали свои советы, а при Президиуме действовал большой СМУ. Мне предложили возглавить институтский совет и войти в общецентровский. Его открытие проходило очень торжественно: собрались в актовом зале Президиума, присутствовало руководство ДВНЦ, представители всех институтов. Исполнявший обязанности главного ученого секретаря Президиума Виктор Евгеньевич Васьковский, он же и организатор СМУ, подробно рассказал о задачах, а главное – о возможностях новой структуры. Возможности действительно воодушевляли. Восторг от услышанного несколько поумерил заместитель председателя Президиума Борис Александрович Неунылов. В заключительном выступлении он поправил В.Е. Васьковского, который среди задач СМУ упустил, по мнению Бориса Александровича, главную – воспитание у молодежи коммунистического отношения к труду. В течение нескольких лет совет работал очень активно, а возможности были просто замечательными. Из первых составов СМУ вышли известные ученые и крупные руководители науки на Дальнем Востоке. Хотя, вполне возможно, они достигли бы таких рубежей и без всяких советов.

Вскоре я получил первое боевое крещение. Молодой организации поручили ответственное задание – провести всесоюзную научную школу по молекулярной биологии. Первую на Дальнем Востоке! Чтобы не наткнуться на административные барьеры, которыми тогда изобиловал Владивосток, закрытый для свободного посещения, решили собраться в Находке. Материальное обеспечение мероприятия взяло на себя крупнейшее промышленное предприятие Находки – судоремонтный завод. За организацию отвечал председатель базового профкома, с которым я, как председатель оргкомитета школы, находился в постоянной связи. Нам отвели территорию пионерского лагеря в бухте Отрада, вероятно, лучшего в Приморье. К сентябрю пионеры покидали лагерь, и база была в отличном состоянии. Надо сказать, что руководство Приморского края в те годы уделяло большое внимание Дальневосточному научному центру, при таком же внимании шла и организация школы. А в Находке ее работу лично курировал первый секретарь городского комитета КПСС. Была дана команда: все должно быть по высшему разряду. И все действительно так и было. Открывал школу академик-секретарь отделения биологии Александр Александрович Баев. Наряду с крупными учеными лекции читали и молодые – впоследствии в большинстве они стали академиками.

Именно тогда многие исследователи, обитатели столицы и других западных городов, только открывали для себя Приморье – край, где в сентябре еще настоящее лето, тогда как на большей территории страны – осень.

Участие в проведении всесоюзной школы по молекулярной биологии реально способствовало становлению СМУ в качестве работоспособной организации. Ее оргкомитет стал центром общеинститутского совета, который несколько последующих лет вел основную работу в молодежной среде. Как долго продолжалась эта активность, мне судить сложно, поскольку через два года пришлось вернуться в ТИНРО. Возвращение не было добровольным. Получилось так, что Станислава Максимовича Коновалова почти в принудительном порядке назначили директором ТИНРО, а он сказал, что перейдет вместе со мной. Мы оба искренне надеялись, что через несколько лет вернемся в ИБМ, выполнив поставленную партийно-хозяйственными органами задачу – поднять уровень рыбохозяйственной науки на Дальнем Востоке. Но тинровская жизнь со всеми ее сложностями, присущими прикладной науке того времени, быстро втянула нас в водоворот разнообразных событий. Хотя по сравнению с работой в ИБМ здесь были и преимущества. Прежде всего, несравненно больший масштаб исследований – весь Мировой океан; после лодок и катеров – огромный флот, работающий на акваториях от Арктики до Антарктики. Но главное – ясность задач и постоянное ощущение полезности своего труда.

В категорической форме вопрос о возвращении в ИБМ у нас никогда не возникал, и потому в должности директора ТИНРО Станислав Максимович проработал десять лет, а мое пребывание в этой организации затянулось более чем на сорок лет. Совет молодых ученых мы организовали и в ТИНРО, но все советы существенно отличаются от того, первого. Да по-другому и быть не может – другая система, другие времена, другие люди. Но, пожалуй, самое главное – установилось иное отношение к науке в стране. А тот трехлетний ибээмовский период моей работы был временем не только больших надежд, но и хороших результатов, поэтому с ним и связаны только хорошие воспоминания.

ЕМУ ТОГДА БЫЛО СЕМЬДЕСЯТ...

Иван АРЗАМАСЦЕВ

Памяти А. В.

2004 год

А. В. – так многие сотрудники Института биологии моря называли своего директора академика Алексея Викторовича Жирмунского. Я многим обязан ему. Главное – тем, что он пригласил меня и моих товарищей из западного далека на работу в свой институт и спустя десять лет он же нас всей лабораторией оттуда и удалил. За это мы ему тоже очень благодарны, так как этот маневр сильно расширил наш кругозор.

Об А. В. написаны статьи и книги, в его память установлены мемориальные доски, его именем назвали институт, наверное, когда-нибудь назовут и научно-исследовательское судно. Он легендарная личность, которая идет впереди и ломает стены, а следующие за ним – разбирают и сортируют обломки некогда неприступной цитадели (так, кажется, высказался герой актера Глузского в фильме «Монолог»). В нашей судьбе именно он повернул нашу лодку в море житейском на Владивосток и намертво связал нас с Дальним Востоком. Биографов у А. В. много и еще больше о нем будут писать. Я же хочу рассказать несколько историй, связанных с Алексеем Викторовичем, свидетелем или участником которых либо был я сам, либо мне рассказывали их мои друзья.

Халат

В 1970–71 годах институты Дальневосточного научного центра значились в основном только на бумаге. У Алексея Викторовича организованный им Институт биологии моря располагался в его квартире по проспекту 100-летия Владивостока, 104. Здесь была институтская библиотека, точнее – личная библиотека А.В., кабинет, точнее кухня, где за чаем проводились собеседования с новыми сотрудниками, и гостиница – пустая комната, где на полу вповалку ночевали в ватных спальниках будущие светила морской биологии.

Большая часть жизни научных сотрудников тех времен проходила в командировках. Чтобы наука на Дальнем Востоке не превратилась в провинциальную самодеятельность, нельзя было терять связей с метрополией, центральными университетами,

библиотеками и ведущими специалистами. «Распространение наше по планете особенно заметно вдалеке...» – к примеру, поднимаясь из недр самого глубокого метрополитена в Ленинграде, во встречном потоке на эскалаторе обязательно увидишь кого-нибудь из Дальневосточного научного центра. А у организаторов дальневосточной науки самолетное кресло было таким же привычным рабочим местом, как письменный стол в кабинете. Поездка в Москву обходилась младшему научному сотруднику в его месячную зарплату, и грех было не послать его поработать в центральной библиотеке. Сейчас м.н.с. и за год не заработает на дорогу, зато днюет и ночует в интернете.

Алексей Викторович часто уезжал, а его квартира продолжала жить самостоятельной жизнью: на полу ночевали в основном почему-то бородатые люди, плакали и писали на пол дети, оставленные приезжими учеными родителями, неизвестно откуда возникали штабели ящиков и рюкзаков и так же загадочно исчезали. За квартирой приглядывали, но порядка в этом проходном дворе не было. Материальных ценностей там сроду не водилось, исключая тапочки Алексея Викторовича и махровый халат – весьма дорогая и экзотическая вещь для эпохи развитого социализма.

...А.В. возвращался из командировки. Ключей от квартиры не было – оставил при отъезде ночевавшим специалистам из Питера, а второй и третий комплекты давно потеряны. Пришлось довольно долго давить на кнопку электрического звонка. Наконец послышались шаги, замок щелкнул и дверь распахнулась.

Поднимая тяжелые дорожные сумки, хозяин квартиры сначала увидел свои тапочки, затем свой любимый махровый халат, а затем худощавое лицо абсолютно незнакомого молодого человека, который, несомненно, очень уютно чувствовал себя в чужом наряде. Молодой человек покурил сигаретку и пребывал в том благодушном состоянии, когда «не пьян, но водкою разит».

– Что вам нужно? – спросил он у изумленного Алексея Викторовича.

– Вот так мы и познакомились с А.В., – закончил свой рассказ Валера Щербаков, один из первых водолазов Института биологии моря.

– Как ты в квартире-то оказался? – спросил я.

– А кто-то сказал, что водолазы нужны. Я и приехал.

Очки

1982 год. Вьетнам. Большая экспедиция Института биологии моря на «Каллисто». Война окончилась здесь не так давно. В стране

полно оружия и боеприпасов, а в джунглях – партизан. В составе экспедиции большой отряд вьетнамских ученых. Все наши действия, конечно, согласованы и с гражданскими, и военными властями. Границы и острова Вьетнама доверено защищать очень серьезным людям. Они с детства с оружием в руках сражались с американским империализмом, а потому кроме военного ремесла ничего другого не знают. И тут во вверенных их охране водах появляется наш белоснежный научный лайнер. С непонятными намерениями он начинает бороздить прибрежные воды, высаживать с лодок крикливую публику, а на заминированных десантоопасных мелководьях проводить водолазные работы.

Это мы потом узнали, что мелководья заминированы. Причем ясность в то, что там работать нельзя, была внесена сразу и однозначно – двумя длинными очередями из крупнокалиберного пулемета. Наш катер, развив рекордную скорость для мотора «Вихрь», почти мгновенно скрылся за ближайшими скалами. Там мы перевели дух и замысловатыми зигзагами, чтобы снайперы в нас не попали, пошли обратно на судно прояснять обстановку. Нам уточнили район работ и рекомендовали продолжать начатое. Продолжать искренне не хотелось, особенно около угрожающе кудрявившихся прибрежных джунглей. Выбрали полигончик попроще – подальше от леса и поближе к маленькой деревеньке. Бросили якорь. Пока по секстану привязывали к карте точку, водолазы оделись и ушли под воду. Не успели они расслабиться в теплой и слегка мутноватой воде, как по барабанным перепонкам жестко ударил отдаленный взрыв, потом еще один. Водолазы всплыли, слава богу, не кверху брюхом. Разгадка причины военных действий оказалась предельно проста – селяне добывали рыбу с помощью гранат. Пока проводили разъяснительную работу с местным населением – день пропал. Теперь каждый раз, прежде чем начать работу, мы посещали гражданские поселения и ближайший военный гарнизон и выясняли взаимные обязательства – чего можно, а чего нельзя.

В этой почти боевой обстановке пришло известие, что при бункеровке в Хошимине (до переименования – Сайгон) судно посетит наш дорогой директор, оказавшийся пролетом во Вьетнаме. И не просто посетит – выйдет с нами в море и примет участие в работах. А это означает, что академика нужно погружать под воду. Для Алексея Викторовича всегда было ясно как день: только тяжелобольной морской биолог в экспедиции сам не собирает свой материал. Больным Алексей Викторович себя не чувствовал, и было неизбежным то, что он просто оденется в гидрокостюм, нырнет и легко для своих

лет воспарит над тропическими рифами, как его учили много лет назад в Ленинграде и как он не раз делал на Черном и Белом морях. Но организацию спусков и, главное, их безопасность нужно было стопроцентно обеспечить.

Снаряжение директору подобрали. Выбрали рабочий полигон – чтобы ни взрывов, ни стрельбы. Выбрали и отряд, в составе которого Алексею Викторовичу предстояло нырять. Это был наш – ландшафтный отряд, а я его начальник. Нужно сказать, что к этому времени отношения между Алексеем Викторовичем и нашим завлабом Борисом Владимировичем Преображенским были не самыми лучшими. Естественно, что на простых сотрудниках эти сложности отражались тоже. Поэтому на совете отряда мы решили в натуральных условиях показать своему директору образцово-показательные спуски, чтобы он понял – какие мы молодцы и как классно умеем работать. И начали готовиться.

Тем временем «Каллисто» пришвартовалось в Хошимине, встреча экспедиции со своим научным руководителем произошла, судно бункеровалось водой и топливом, а экипаж был отпущен на берег. В послевоенном Хошимине были две достопримечательности, мимо которых нельзя пройти. Первая – это Серебряная улица. Конечно, она именовалась совсем по-другому, а так называлась только среди нашей публики. Здесь на каждом углу стояли лотки, с которых продавали или меняли на сигареты всякие серебряные побрякушки: цепочки, перстни, кулоны и бог знает что еще. Огромное количество этих блестящих штучек было вывезено нами на родину и раздарено налево и направо. У этих изумительных ювелирных украшений была одна особенность: через неделю они темнели, а потом превращались в обыкновенные медяшки.

Вторая достопримечательность – это уличная барахолка, где среди всякого хлама: проволочек, болтиков, сломанных абажуров можно было найти статуэтку Будды, россыпи бронзовых ложек и вилок с фигурными ручками, курильницу для благовоний и много разных разностей, которые украшают домашние полки бывалых путешественников. Были там и книжные развалы, где кроме литературы на вьетнамском языке попадались книги далеких колониальных времен. Однажды Юра Яковлев приобрел там старинный офицерский англо-вьетнамский разговорник, сплошь состоявший из таких фраз: «Поддай сапоги, желтая обезьяна!»

Вечером после утомительных походов по раскаленным улицам Хошимина и ужина большая часть экипажа оказалась в матросском интерклубе рядом со стоянкой нашего судна. Под навесами столики по

периметру большого двора, а в середине громадная клетка, разделенная на две половины: в одной скучал небольшой бурый медведь, а другую населяла галдящая толпа обезьян. К клеткам можно было подходить и кормить мартышек арахисом прямо с руки, а мишке засовывать что-нибудь вкусное через мелкую ячейку клетки. Мы покормили животных и с холодными бутылками знаменитого вьетнамского пива «33» сами угнездились в удобных креслах. Когда ажиотаж посетителей вокруг клеток утих и животные поняли, что больше им ничего не перепадет, обезьяны уgomонились на своих насестах, а медведь, покрутившись, свернулся клубком и мирно засопел. Одна из обезьян крадучись спустилась из-под потолка клетки, где они сидели на деревянных перекладинах. Просунула тонкую лапку сквозь решетку, дотянулась до медведя и изо всей силы вцепилась ему в шкуру. В медвежьей клетке раздался дикий рев, а в обезьяньей – восторженный гвалт. Героиня вернулась наверх в стаю, а миша, побегав по клетке и грозно порычав на обезьян, снова улегся на том же месте. Через пять минут все повторилось, о чем мы узнали, услышав возмущенные вопли медведя и шумную радость обезьян. Видимо, этот аттракцион был особенностью интерклуба.

Неожиданно входная дверь распахнулась, и в окружении свиты из вьетнамских чиновников появился Алексей Викторович Жирмунский. Они подошли к вольерам. Тут же академику протянули пакетик с арахисом, чтобы он мог дать зверям лакомство. Мартышки сначала настороженно, поодиночке, подсакивали к решетке и хватали орешки с протянутой ладони. Потом осмелели и, вконец обнаглев, устроили крикливую свалку, вырывая друг у друга арахис. Обезьяны орали, А.В. с упоением натуралиста наблюдал за животными, вьетнамские чиновники почтительно стояли в стороне. Вдруг из клубка обезьяньих тел сквозь решетку высунулась лапка и с неуловимой скоростью сорвала с академического лица очки. Раздался многоголосый восторженный вопль. Все обезьяны взлетели под крышу вольера и затихли, примеряя и обнюхивая очки гостя из России. Зато теперь заорали и замахали руками вьетнамцы, сопровождавшие Алексея Викторовича. Но ни посулы, ни крики, ни россыпи арахиса – ничто не заставило обезьян расстаться с дорогим приобретением. Ситуация разрешилась, когда появился служитель клуба, зашел в вольер и показал мартышкам бамбуковую палку. Этот аргумент оказался решающим. Через минуту очки с незначительной степенью помятости вновь водрузились на своем законном месте. Все гости умиротворенно расслабились, звери затихли, да и нам пора было

собираться на судно – в ночь выходить в море, а утром – на полигон и работать.

Образцово-показательные спуски

В целом рейс этот выдался тяжелым. Короткие переходы и неделя-две работы на полигонах. После десяти-пятнадцати дней непрерывного водолазного труда начинаешь тупеть. Красоты тропиков проскакивают где-то над сознанием. По утрам с глубоким отвращением влезает в сырой неопрен гидрокостюма – и вперед на веревку, натянутую по дну трехсотметровую трансекту, вдоль которой происходят наши изыскания.

После захода в Хошимин появилось второе дыхание и дополнительная, как сейчас принято говорить, мотивация к работе – образцово-показательные спуски директора института в составе нашего отряда и демонстрация нашей замечательной трудоспособности и результативности в труде. К 1982 году наша лаборатория тропических морей превратилась в слаженный механизм по проведению подводных картографических работ. Когда она создавалась, мы слабо представляли, что такое коралловые рифы и как их нужно изучать в стремительном режиме морской экспедиции, если на одном острове или рифе обычно отводится по три–семь дней на работу. Нужно было очень быстро и максимально информативно запечатлеть каким-то образом ситуацию на полигоне, а уже дома, в тиши кабинетов ее раскручивать и заниматься научными спекуляциями. Речь идет не о продаже кораллов и раковин с целью наживы, а исключительно о философских и природоведческих умозрительных построениях. Идеально подходящим для нас методом быстрого сбора информации оказался ландшафтный подход, более столетия применяемый географами на суше. Но для моря, для работы на дне, да еще на коралловых рифах, не было ни разработанных методов, ни даже теоретической литературы. Единственный человек на земном шаре, кто занимался подводными ландшафтами, был Кирилл Михайлович Петров, доктор географических наук, один из зачинателей изучения и картографирования подводных ландшафтов на основе водолазных исследований и дистанционного зондирования. Но и он работал на Черном и Каспийском морях. Поэтому методику подводного ландшафтного картографирования для рифов пришлось начинать практически с нуля. Обкатывать же придуманное, сделанное и сконструированное перед редкими тропическими рейсами нужно было в родных япономорских водах. Из-под воды мы практически не вылезали. Работали и летом, и зимой. У каждого из нас был четко

определен круг обязанностей: один занимался гидрологией, другой освещенностью, третий продуктивностью, четвертый – донными отложениями, двое – описанием подводных ландшафтов и все – отбором проб и погрузочно-разгрузочными работами. Борис Владимирович, наш шеф, затачивал каждого из нас под им придуманный механизм лаборатории, чтобы не скрипело и функционально работало. К моменту описываемых событий мы уже достигли определенной степени святости на нашем поприще и могли ходить в экспедиции даже без чуткого руководства шефа.

В «образцово-показательном» нырянии мы хотели поразить директора института тем, как слаженно, четко, по-военному лихо работает наш отряд. К сожалению, мы не учли, что Алексей Викторович не стучал сапогами на армейском плацу, как мы когда-то, а неторопливо сбивал фашистские самолеты под Грозным из зенитных пушек. Это, как говорится, две большие разницы. Судно, как и планировалось, на рассвете бросило якорь недалеко от полигона. Плотный завтрак, быстрая погрузка – и вот мы на месте работ. Пока бросали якорь, связывались по рации с судном, ребята быстро оделись.

– Юра, разматывай катушку. Курс 130° до глубины 35 м. Пошел!
– Водолаз, сверкнув ластами, кувыркнулся за борт, держа в руках армейскую вьюшку от телефонного кабеля с намотанным на нее шнуром, размеченным через каждые 5 м.

– Витя, бери клизму и делай течения в характерных точках! – Витечка ухнул за борт со спринцовкой, наполненной специальным красителем, и мерной рейкой. Этой «клизмой» надежнее всего можно измерить течение у дна.

– Кол! Тотальная съемка по трансекте! – Коля исчез в пучине с большущей фотокамерой с двумя осветителями.

– Чип! На отбор грунта по веревке! – Нечипор с питомзой, набитой пустыми геологическими мешочками для проб грунта, без всплеска ушел под воду.

Алексей Викторович с живейшим интересом наблюдал за нашими действиями и даже прекратил натягивать штаны гидрокостюма. С ним под воду для страховки готовился идти начальник экспедиционной водолазной службы, на обеспечении сидел наш водолазный доктор Лева, а на фотопленку под водой это историческое погружение должен был запечатлеть Серега Шейко.

Наконец, Алексей Викторович надел снаряжение, аккуратно спустился по трапу, окунулся в воду и, показав на пальцах, что у него все в порядке, занырнул. Вслед за ним на полкорпуса сзади парили в

водной толще пугающий Юра и фотографирующий Сережа. Они были готовы отбивать А.В. от акул, барракуд и змей. Конечно, мы со скрытой усмешечкой наблюдали за приготовлениями и нырянием своего директора, а зря. Еще в начале шестидесятых годов Жирмунский поставил перед собой задачу научиться нырять с аквалангом. Тогда в Ленинграде обстоятельно учили водолазному делу с взрывными работами, подводной сваркой и подъемом судов в основном только в тяжелом трехболтовом снаряжении. Хорошо выучиться на водолаза-аквалангиста можно было только в Институте физкультуры им. Лестгафта, где на одном из факультетов готовили тренеров нового вида спорта – подводного плавания. Алексей Викторович, как человек обстоятельный, поступил в институт, прошел весь курс обучения и в 1965 году получил диплом о высшем образовании по специальности «тренер по подводному плаванию». А мы в 1965 году, сопливые школьники, еще только начинали мечтать о «голубом континенте». Наше пижонство А.В. конечно замечал и тихо посмеивался про себя.

Но вот у Алексея Викторовича подошел к критическому 30-килограммовому давлению запас воздуха в баллонах. Он вышел из воды. Все пугающие и обеспечивающие директорский спуск расслабились. Мы же, как и планировали, продолжали свои выступления.

Кол, стоя на трапе, подает подводную фотокамеру:

- Что следующее? – спрашивает он.
- Макросъемка по рамкам. Лева, подай ему вон ту камеру.
- Серега, бери корзину с кувалдой и зубилом и иди рубить рамки.
- Слава, установи треногу на дне.
- Витя, готовь вертушку к постановке.

Мелькают одно за другим лица у трапа. Меняются акваланги, передается водолазам аппаратура и хитроумное снаряжение. Раздаются команды. Работа кипит! Душа радуется!

Вдруг эту вулканическую деятельность прервал голос Алексея Викторовича:

– Ваня, а почему они у вас все время что-то спрашивают? Они не знают, что им делать?

Стало предельно ясно, что весь наш «цирк на воде» провалился. Единственным зрителем мы не поняты и освистаны. У Алексея Викторовича был менталитет одиночки-натуралиста, который бродит в природе сам по себе и решает ему одному ведомую научную сверхзадачу. Наши же «учебно-штабные учения, максимально

приближенные к боевым», были чужды ему и по духу, и по массовости привлеченных исполнителей.

Проявленные и напечатанные поздно вечером подводные кадры вбили последний гвоздь в наш образцово-показательный спуск. Вспышка барахлила, почти все было не в фокусе, и хорошо получился только один кадр: на снимке выхвачено три четверти лица директора и его широко раскрытый глаз из-за бликующего стекла маски. Обнародовать этот фотошедевр мы не стали.

Через год отношения между Алексеем Викторовичем и Борисом Владимировичем окончательно разладились, и мы всем составом перешли работать в ставший нам со временем родным Тихоокеанский институт географии.

Прошло почти десять лет. Жирмунский помирился с Преображенским. Мы уже почти все позащитали диссертации, и еще продолжали бороздить моря и океаны наши научно-исследовательские суда. Я пришел на 44-й причал встречать друзей из рейса. Экспедиция была Института биологии моря. Одним из первых по трапу легко сбежал Алексей Викторович Жирмунский, заметив меня в толпе, подошел и с гордостью сказал:

– Ваня, а я ходил под воду!

Ему тогда было семьдесят лет...

СНИЛИСЬ НАШИ КРУГЛЫЕ КОРИДОРЫ

Ирина БАРСЕГОВА

Яркое утреннее солнце разбудило меня: «Неужели я опять оставила свет? Но такой яркий?» Нет, я в Севастополе, в домике среди сада – и это солнце! А послезавтра мы уже вылетаем в наш замочный и жаждущий солнца Владивосток...

Мысли перенеслись в наш институт, родной институт, куда опять войду к своим. «Я как все – и все как я», – было мое первое впечатление и чувство, когда я, еще вольным переводчиком, в 1974-м пришла с вопросами по переводу к специалистам. А когда в памятные всем девяностые пришлось уйти на заработки, мне снились наши круглые коридоры, и по ним идут наши сотрудники – все такие родные и красивые... Это чувство радости и гармонии (по крайней мере, так было для меня, слава богу, избавленной от сложностей трудных административных и финансовых дел) сохранилось и пребывает во мне. Сохраняется и сейчас, когда многих, слишком многих уже нет с нами, и мы вспоминаем их за каждым праздничным столом, где каждому понятны слова благодарности нашим «отцам-основателям» – академиком Алексею Викторовичу Жирмунскому и Олегу Григорьевичу Кусакину, а со временем уже и к другим, навсегда ушедшим, сотрудникам, товарищам по работе, авторам, друзьям...

Внезапные потери, боль утрат – и опять новые утраты. Даже за немногие дни моего отсутствия. Ушел Виктор Евгеньевич Васьковский... Легендарный Васьковский! Такой красивый, веселый, но гораздо чаще сосредоточенный. Последние годы мы его встречали по пути на работу: утром он, направляясь в свой другой институт, уже выходил из ИБМ – здесь до начала нового официального трудового дня он уже успел что-то сделать. В 1992 году я оказалась в Испании, в порту Виго, на Атлантическом побережье, почти на границе с Португалией (на достройке траулера «Солидарность» для Владивостокской базы тралового и рефрижераторного флота). На какой-то из улиц обнаружила Научно-исследовательский институт моря (*Instituto de Investigaciones Marinas, CSIC, Vigo*) и не могла туда не зайти – свободно мимо вахты, прямо в какую-то лабораторию – с дрожью в коленках (ведь по-испански я еще не говорю!). Но там оказались такие же «наши» ребята с пробирками, и они говорили по-английски совсем «по-нашему!» «Институт биологии моря? Владивосток, Жирмунский? Нет, не знаем...» – «Я работаю с Кусякиным!» – «Не знаем...» – «У нас есть биохимик Васьковский!» – «Васьковский?!» По-испански – в открытые двери:

«Ребята! Бегите сюда! Здесь пришла женщина, она Васьковского видела!» Прибежали другие, смотрят на меня с интересом. Ну что я могла сказать им? Ведь я не химик, в то время даже переводить химию боялась. Зато... – но об этом потом, чуть ниже. А пока я в испанском городе, среди ребят-биохимиков, и они что-то спрашивают, восторженно машут руками и восторженно на меня смотрят. Из их горячей речи я понимаю, что они работают по методике Васьковского, и это *такая* методика!!! И поэтому они теперь знают и Институт биологии моря, и Владивосток, и Жирмунского, и меня!

А «потом» – это «до», еще в конце 70-х: Виктор Евгеньевич один из первых понимал, что наука возможна только интернациональная, и что без английского тут не обойтись, а мы, те, кто пришел в научные переводчики, к этому никак не подготовлены. И потому Васьковский принес нам первый для нас учебник – статью американского редактора научных журналов «How to write scientific paper in English», фактически это руководство для авторов, как писать, ну и для нас поэтому, как вообще к этому делу подступиться. И потому эту очень ценную (до сих пор!) статью мы читали-перечитывали и знаем, надеюсь, чуть ли не наизусть. Вот такое важное дело сделал для нас, переводчиков, Васьковский, значит, и наш Учитель...

А поездки в колхоз! Ну, кто их не помнит? Можно сказать, наш исторический курьез – и муки, и романтика, и простой жизненный опыт для всех. И здесь Васьковский знал, что нужно. В то время как мы, считая, что переработали, старались вознаградить себя за «жертвы» и как-то развлечься и расслабиться, наш Васьковский в свободное время зашивал порванные мешки для картошки. Мы удивлялись этому, не понимали, но смутно чувствовали, что Виктор Евгеньевич и тут считает себя ответственным за все и действует по какой-то своей логике.

Больше я никак не пересекалась с Виктором Евгеньевичем – не работала вместе, не помогала даже переводами, не была другом его семьи, разве что трудилась под мудрым и добрым руководством его жены Тамары Александровны, тогда ученого секретаря ИБМ. И теперь, обращаясь к Виктору Евгеньевичу, ушедшему от нас, и проливая настоящие слезы в это сияющее крымское утро, я говорю ему, также как Олегу Григорьевичу – «мой Учитель», как Алексею Викторовичу – «наш Отец-Основатель». Светлая память!

На днях мы вернемся, и уже на следующей неделе я войду в наш родной и самый лучший Институт биологии моря ДВО РАН. Который навсегда!

Севастополь, 2016 г.

ГЕНЕТИКОЙ РЫБ ИНТЕРЕСОВАЛСЯ ЕЩЕ СО СТУДЕНЧЕСТВА

Владимир БРЫКОВ

Родом я с Южного Урала, окончил Уральский государственный университет в Свердловске, там же работал первый послеуниверситетский год. Но меня интересовала генетика рыб, а этим в нашей стране тогда занимался только Юрий Петрович Алтухов в Институте биологии моря во Владивостоке. Я написал ему письмо. Но он к тому времени уже вернулся в Москву, в Институт общей генетики, где позже стал директором. Письмо попало к тогдашнему заведующему лабораторией генетики Александру Ивановичу Пудовкину, и он предложил мне приехать во время отпуска – поработать, посмотреть. Так я попал во Владивосток, где работаю и сегодня.

Александр Иванович придумал мне работу с ДНК. Тогда такие исследования на Дальнем Востоке практически не проводились. Необходимо было осваивать новые методы. Для этого ехать на стажировку в Москву или Ленинград. Поскольку в институте было много ленинградцев, договорился поехать в Институт цитологии в лабораторию к Владимиру Иосифовичу Воробьеву. Написал заявление на командировку и отдал в приемную. Тогда не было проблем с командировочными деньгами. Я летал и в Москву, и в Питер, иногда по два–три раза в год. Время от времени вписывал в командировку Институт экологии растений и животных в Свердловске. Общался с одноклассниками и заезжал к маме.

ЛЕНИНГРАДЦЫ-ПЕТЕРБУРЖЦЫ В РАЗВИТИИ МОРСКОЙ БИОЛОГИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Анатолий ДРОЗДОВ

Сегодня, впервые в истории антропогенеза, люди оказались в гиперинформационном пространстве. Ранее человек, закончив жизнь, уносил с собой бóльшую часть, а то и все 100 процентов информации, которую копил всю жизнь. Кто-то думал, что он на редкость одаренная личность, и потому непременно надо фиксировать свои мысли, собирать архив, писать мемуары. Но и мемуаристы нередко выбрасывают свои бумаги, и лишь кое-что попадает, например, в руки историков. И все же в 21 веке появились новые огромные хранилища информации. Так что при остром желании даже о каждом научном сотруднике ИБМ можно смонтировать фильм, хотя бы из его выступлений в дискуссиях на защитах диссертаций. (По циркуляру Всероссийской аттестационной комиссии ныне все выступления фиксируются на видеокамеру и хранятся.)

В условиях современной гиперинформации и развитой демократии отдельная личность практически не в состоянии выйти на уровень гегемонизма, равно как и в фундаментальной науке не может быть глыб уровня Ломоносова, Ковалевского, Столетова, Резерфорда, Бора... Зато, благодаря интернету, любое высказывание любого человека может быть многократно обсуждено. Но это присказка, а сказка такая. История Института биологии моря свершалась в гипоинформационную эпоху. Событийность о его создании, формировании каких-то традиций, о людях, оказавшихся на берегу безбрежного океана, хранится прежде всего в памяти очевидцев, а их становится все меньше. Поэтому вполне разумно перевести собранные воспоминания в цифровой формат – так они бесконечно сохранятся в резервуарах виртуальной памяти. К тому же особенности человеческой психики таковы, что наша теперешняя жизнь представляется такой ненадежной, колеблющейся: после «перестройки» живем в режиме ожидания новых циркуляров по поводу реформирования науки, образования, следовательно, и нашего института и Дальневосточного университета. Да, прошлая институтская жизнь вспоминается качественной, кажется, все в ней было однозначно, незыблемо. Сейчас мы судим о первых десятилетиях формирования и роста института по лучшим его сотрудникам того времени и ярким событиям...

Земли России омывают три океана и полтора десятка морей, и этим несомненным фактом диктуется освоение нами морей и океанов. Важные страницы морской истории страны начинались с Санкт-Петербурга, который строился как морская столица, морские ворота на запад. Но нужны были такие же ворота и на восток. Ими стал город с символическим названием – Владивосток. Эти два замечательных города связаны многими задачами и хранят Россию: один – с северо-запада, другой – с юго-востока. Когда им хорошо, хорошо и России. Когда хорошо России, хорошо и Ленинграду–Петербургу, и Владивостоку. Уже более ста лет назад для изучения биологических ресурсов дальневосточных морей было организовано несколько экспедиций. Так, в 1899 году Географическое общество снарядило Корейско-Сахалинскую экспедицию ихтиолога Петра Юльевича Шмидта. Он занимался изучением ихтиофауны дальневосточных морей всю свою жизнь. Большую ценность представляет его книга «Рыбы Охотского моря» (1950). В 1899–1901 годах в Охотском и Японском морях работала экспедиция от Департамента земледелия под руководством Владимира Константиновича Бражникова, а в 1907–1913-м под руководством авторитетного ихтиолога профессора Владимира Константиновича Солдатова. Были собраны обширные материалы по фауне и флоре Японского, Охотского и Берингова морей. Часть коллекций этих экспедиций долго хранилась во Владивостоке в Обществе изучения Амурского края, пока у него был свой музей. Изучение дальневосточных морей прервалось войнами и возобновилось в 1923 году, когда в Приморье занесло авторитетных биологов – профессоров Георгия Николаевича Гассовского, Константина Азарьевича Гомоюнова, Виктора Алексеевича Захваткина, Георгия Устиновича Линдберга, Александра Ивановича Разина. С молодыми сотрудниками Дальневосточного университета и студентами они инициировали создание во Владивостоке морской биологической станции, которая появилась осенью 1924 года в районе Садгорода. Еще через год организовали Тихоокеанскую научно-промысловую станцию (ТОНС). Руководить ею пригласили профессора Ленинградского университета Константина Михайловича Дерюгина. Через четыре года ТОНС была переименована в ТИРХ (Тихоокеанский институт рыбного хозяйства), затем ТИНРО – Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии. Он сыграл, без преувеличения, чрезвычайную роль в развитии отечественной морской биологии – стал главным научным центром по изучению биологических ресурсов дальневосточных морей. В 1932–33 годах К. М. Дерюгин и П. Ю. Шмидт организовали комплексные работы по изучению ресурсов Японского, Охотского и Берингова морей. Впервые

удалось выяснить состав водорослей и животных, обитающих от литорали до глубин 4000 метров. На основе этих коллекций составлены определители по многим группам флоры и фауны. ТИНРО спасал от безработицы многих сотрудников Дальневосточного университета, когда тот дважды закрывали – в 1932 и 1939 годах. Это позволило сохранить кадры морских биологов и в 1956 году воссоздать биологический факультет после очередного открытия ДВГУ.

В послевоенные годы заметно интенсифицировались биологические исследования ленинградцев в морях Дальнего Востока. Одна из причин этого – возвращение отторгнутых Японией в начале 20 века южного Сахалина и Курильских островов с богатыми морскими ресурсами, их необходимо было изучать. Зоологический институт АН организовал выпуск серийного издания «Исследования дальневосточных морей СССР» – публиковались результаты многих экспедиций. Был издан «Атлас беспозвоночных дальневосточных морей СССР» (1955) – в нем описано около 700 массовых видов беспозвоночных. В 1962–75 годах в наших морях работали прибрежные экспедиции ЗИНа, и впервые широко использовалась легководолазная техника. Начинали в заливе Посьета и продолжили в прибрежье Сахалина, Камчатки и Курильских островов.

В середине прошлого века в дальневосточных морях начали работать также и экспериментальные биологи. В 1957 году состоялась япономорская экспедиция только что организованного ленинградского Института цитологии Академии наук. Предполагалось экспериментами на гигантских нервных волокнах кальмаров разрешить спор между мембранной и сорбционной теориями проницаемости. Полученные результаты убедили физиологов клетки, что на уникальных морских объектах можно решать фундаментальные проблемы цитологии. Поэтому, когда в 1967 году Президиум АН постановил создать в Дальневосточном филиале Сибирского отделения научную структуру по изучению биологии моря, на должность директора-организатора был приглашен А. В. Жирмунский – специалист по клеточной физиологии из Института цитологии. Отдел, с 1 января 1970 года получивший юридическое лицо как Институт биологии моря, решает задачи изучения биологических ресурсов в основном дальневосточных морей, проводит экспериментальные исследования на морских объектах с целью изучения фундаментальных закономерностей эволюционной биологии, эмбриологии, цитологии, генетики, физиологии, биохимии и молекулярной биологии.

Вопрос об учреждении во Владивостоке института по изучению океана обсуждался еще в 1965 году благодаря великолепному

организаторскому таланту, научной грамотности и высокой настойчивости А.В. Жирмунского, и ему было предложено написать записку о перспективах развития здесь морской биологии. «В своей записке я предложил создать отдельно институт биологии моря и другие институты, связанные с изучением Тихого океана и его морей. Разрабатывая программу, принципы и план развития института, я поставил задачу создать биологическое учреждение нового типа, в котором сочетались бы полевые и экспериментальные исследования, широко использовались методы подводных работ с аквалангом, а уровень научной работы был бы не менее высоким, чем в Москве и Ленинграде», – вспоминал Алексей Викторович. Много лет главной опорой для него были коллеги-единомышленники Олег Григорьевич Кусакин и Владимир Леонидович Касьянов. Все задуманное осуществилось: создан институт, построено для него просторное здание, организован морской заповедник, учрежден журнал и сделано чрезвычайной важности дело – Алексей Викторович воспитал нового талантливый руководителя, в которого поверил и весь коллектив.

Перед институтом, с самого его основания, стоят также задачи изучения общих законов формирования и функционирования морских экосистем, изучения фундаментальных законов жизни. Замечательно, что ведущие ученые ИБМ, ленинградские биологи, впоследствии академики А. В. Жирмунский, О. Г. Кусакин и В. Л. Касьянов не только приглашали многих ленинградских биологов для работы во Владивостоке, но и посылали выпускников Дальневосточного университета стажироваться в лабораториях ленинградских институтов, обучаться там в аспирантуре.

Академик А. В. Жирмунский (1921–2000)

После защиты диссертации о парабиотической природе реакции мышц млекопитающих на денервацию А.В. Жирмунский был принят в Зоологический институт АН и сразу же занялся изучением тепловых адаптаций морских беспозвоночных. Его первой морской экспедицией стала работа в Крыму на Карадагской и Севастопольской биостанциях. В 1957 году был командирован на Дальний Восток – изучал животных разных биотопов, от юга Японского моря до севера (Зарубино, о-в Путятина, Антоново, Поронайск, Корсаков, Муравьево, о-в Тюлений). В последующие годы Алексей Викторович участвовал в морских экспедициях на Черном, Азовском, Баренцевом, Белом, Желтом, Южно-Китайском, Адриатическом, Средиземном морях, побывал на Камчатке, на островах Кунашир, Птичий и Беринга. Совершенно логичным было в 1965 году приглашение со стороны Президиума Дальневосточного

филиала СО АН СССР его, еще кандидата наук (докторскую диссертацию по теплоустойчивости клеток морских беспозвоночных он защитил в Институте цитологии в 1972 году), подготовить предложения о развитии морской биологии на Дальнем Востоке. В 1966 году он выступил с докладом «Перспективы развития экспериментальной экологии морских животных» на Отделении общей биологии АН. Богатый опыт работы на разных морях Мирового океана привел Алексея Викторовича к убеждению, что биота Японского моря лучше всего подходит для экспериментальных исследований, и базой для таких исследований должен стать Владивосток. Интерес к гуманитарным наукам стимулировал Алексея Викторовича к издательской деятельности – в Ленинграде он стоял у истоков организации журнала «Цитология», а потому во Владивостоке сразу же стал хлопотать об издании журнала «Биология моря», потом позаботился и о возобновлении выхода «Вестника ДВО АН», редактором которого его назначили.

Первой заведующей редакцией журнала «Биология моря» была Валентина Ивановна Коценец, ранее работавшая в информационном отделе Биолого-почвенного института. Как-то встретившись в коридоре с АВЖ (да, так многие и часто между собой называли Алексея Викторовича), рассказывала Валентина Ивановна, она сказала ему, что на филологическом факультете ЛГУ слушала лекции его отца Виктора Максимовича. «Давайте работать вместе!» – воскликнул АВЖ и привлек ее к организации журнала.

Академик О. Г. Кусакин (1930–2001)

Поступив на биолого-почвенный факультет ЛГУ, Олег Григорьевич неожиданно выяснил, что университет – это «100-метровая кирпичная стена», которую надо преодолеть за пять лет. Выучить языки (латынь, немецкий, английский), математику, физику, химию неорганическую, органическую, коллоидную и физическую, пятнадцать биологических дисциплин. Да и гуманитарные науки: история, философия, политэкономия тоже в учебном плане. Задача очень тяжелая. Пусть дипломы получают все, но стену преодолевают единицы. Не знаю, как Олегу Григорьевичу это удалось. Но, безусловно, самодисциплина и работа по столько часов в сутки, сколько было нужно, свою роль сыграли.

Неспроста ореол мифов и легенд окружал Кусакина. И в самом деле, у него, например, была редчайшая способность к концентрации – мог работать над рукописью в комнате, где разговаривали несколько человек; отвлекаясь по неотложным делам, на разговоры с посетителями, мог прервать написание фразы на полуслове, а вернувшись к рукописи, сразу же продолжить. Олег Григорьевич утверждал: жизнь человека – это мечта

и ее осуществление. Учился всю жизнь. Чувствуя пробелы в гуманитарном образовании, постоянно устранял их.

Как биолог он сформировался на кафедре гидробиологии Ленинградского университета и принадлежал к плеяде блестящих морских биологов, возвращенных школой К.М. Дерюгина. Был хорошо знаком и сотрудничал со многими учениками этого профессора. Еще до перехода в штат владивостокского отдела биологии моря Кусакин много лет изучал биоту дальневосточных морей – от залива Посъета до Берингова пролива...

Академик В. Л. Касьянов (1940–2005)

Учась на кафедре эмбриологии ЛГУ, Владимир Леонидович проникся убеждением в важности изучения биологии размножения и развития морских животных. Авторитет питерских эмбриологов Александра Онуфриевича Ковалевского, Петра Павловича Иванова, Ивана Ивановича Соколова подкреплял эти воззрения. В наш институт Касьянов приехал в 1971 году. Через два года организовал лабораторию эмбриологии для изучения биологии размножения и развития морских животных. Экспериментальной базой стала биостанция «Восток», на которой поныне успешно функционирует аквариальная и созданы условия для содержания взрослых животных и культивирования их эмбрионов и личинок. Директорские обязанности Владимир Леонидович начал исполнять в 1989 году. В 1994 был избран членом-корреспондентом, в 2001 – академиком. «...По утрам одним из первых он приходил в институт, в свою лабораторию, потом в директорский кабинет. Ехал в Президиум или в деканат академии морской биологии и биотехнологии Дальневосточного университета. Много людей связывали с ним свои научные или служебные дела», – написали о нем его ученики и друзья в прощальном слове.

Коллеги, коллеги...

За полувековую историю Института биологии моря в его штате числилось около 80 сотрудников, получивших образование в Ленинграде. Уникально, что в стабильной советской системе люди срывались из культурной столицы страны и ехали за 10 тысяч километров, можно сказать, на край света. И только немногие из них были аспирантами с целевым назначением для ИБМ – числились в штате короткое время, в течение которого так и не смогли добраться до Владивостока: кто сменил место работы, а кто-то и страну. Прославили же институт, а ИБМ, в свою очередь, дал состояться им как ученым, его сотрудники: Арзамасцев И.С., Алексанян В.И., Аронштам А.А., Бениаминсон Т.С., Бессонов Б.И.,

Бирзнек (Ростова) В.И., Боброва И.Ф., Брехман И.И., Бусев В.М., Буторина Т.Е., Волохонская Л.Г., Вольфсон В.Г., Воскобойников Г.М., Вышкварцев Д.И., Гинзбург Э.Л., Глебов О.Н., Глубоковский М.К., Долматов И.Ю., Дроздов А.Л., Жадан П.М., Жучихина А.А., Загальская Е.О., Заленский О.Н., Исаева В.В., Казанский Б.Н., Касаткина А.П., Кафанов А.И., Корчагина (Гудкова) Д.А., Косюк (Челомина) Г.Н., Коценец В.И., Кропачева И.В., Лаврова Т.В., Лейбсон Н.Л., Луцик Н.В., Мантуленко В.Б., Маргулис Б.А., Мартынов А.В., Марушкина Н.Б., Марченко А.А., Матвеев Вл. Вас., Матвеев Вл. Вл., Мигас Э.А., Николаева М.В., Новожилов А.В., Орбов В.В., Парфенов В.Н., Парфенова Е.В., Питрук Д.Л., Погребов В.Б., Подгорная О.И., Пропп М.В., Пропп Л.Н., Пугачев О.Н., Пудовкин А.И., Регель К.В., Рижамадзе Н.А., Рыбаков А.В., Свешников В.Г., Славошевская Л.В., Тарасов В.Г., Тартаковский А.Д., Терехова Т.А., Туроверов К.К., Туроверова Л.В., Тюрин В.А., Хайтлина С.Ю., Цвиленева В.А., Ходаковская А.В., Шуколюков С.А.

Сотрудники нашего института, окончившие вузы в других городах: Гульбин В.В., Даутов С.Ш., Иванова М.Б., Коренбаум Е.С., Ли С.Е., Максимович А.А., Малютин В.Ф., Одинцова Н.А., Преображенский Б.В., Сова В.В., Суханов В.В., Титлянов Э.А. и др., тесно сотрудничали с учеными из ленинградских научных учреждений, часто бывали там в командировках, имели с ленинградцами совместные работы. Сегодня в ИБМ работают выпускники ЛГУ: Долматов И.Ю., Исаева В.В., Карпенко А.А., Кондрашова Л.Г., Шелудько Н.С. Ленинградский электротехнический институт закончил В.А. Денисов. Каждый из названных мною коллег – личность со своей историей как в доибзэмовский период, так и после. Окончить ЛГУ посчастливилось и автору этого очерка.

Яркую страницу в историю института вписали супруги Михаил Владимирович и Луиза Николаевна Пропп. Они закончили химический факультет Ленинградского университета. Студентом Михаил Владимирович пристрастился к подводным исследованиям и уехал в Мурманский морской биологический институт, на Баренцево море, в Дальние Зеленцы. Там ему пришлось не просто. Его коллеги гидробиологи собирали животных и водоросли, определяли до вида, фиксировали, считали и взвешивали. Химика-экспериментатора описательная наука не устраивала, он стремился развивать экспериментальную гидробиологию, перейдя к исследованию и измерению процессов в море. С точки зрения химика, море можно представить как многофазную систему: вода – атмосфера – грунты – морские организмы разных видов... Процессы метаболизма, то есть фазового обмена на поверхностях раздела, непосредственно измерить удается редко, обычно определяют разности концентраций и их динамику во времени. Важен энергетический обмен,

тесно связанный с дыханием и фотосинтезом, т.е. обменом кислорода. Это задача аналитической химии, часто называемой в науках о море гидрохимией. В январе 1974 года Михаил Владимирович с коллегами перебрался в ИБМ и организовал экспериментальную лабораторию морской продуктивности. Луиза Николаевна, уже ставшая кандидатом химических наук, обеспечивала гидрохимические исследования, осуществляя метаболические измерения, в первую очередь концентрации кислорода и биогенных элементов. Исследователи, занимающиеся экспериментальной работой, обязательно ориентированы на открытия. На это были заряжены и сотрудники лаборатории продуктивности. Они несколько лет исследовали поверхностные гидротермальные экосистемы. Начали с изучения бухты Кратерной на Курилах и продолжили в зонах высачиваний в мелководных бухтах на других островах Тихого океана...

Некоторые итоги и многообещающие надежды

За полувековую историю Института биологии моря его сотрудниками, выходцами из Ленинграда, определены основные направления научных изысканий, собран обширный материал о том, какие организмы обитают в морях Тихого и Индийского океанов. Специалистами описано много новых для науки видов животных и водорослей. Создана естественная многоцарственная система живых существ, основанная на выяснении их родственных отношений. Изучены состав и структура прибрежных биоценозов. Много интересных и важных данных получено благодаря использованию уникальных специализированных морских организмов для изучения фундаментальных основ живой материи. Эмбриологами описано эмбриональное и личиночное развитие массовых, коммерческих и модельных видов морских гидробионтов. Предстоит выяснить цитологические и молекулярно-биологические механизмы дифференцировки клеток в ходе морфогенеза и регенерации многоклеточных животных.

Биохимики изучают состав липидов морских гидробионтов: бактерий, водорослей, беспозвоночных, рыб. Биофизиками изучены сократительные системы мышечных и немышечных клеток моллюсков и иглокожих. Физиологи исследуют процессы зрительной адаптации рыб к разным условиям освещенности. Многих сотрудников интересуют проблемы таксономии и эволюции морских гидробионтов, молекулярных генетиков и биохимиков – структура популяций морских беспозвоночных и рыб.

Традиционно сильно в ИБМ направление по изучению биоразнообразия. Этим занимаются биологи всех биологических специальностей во всех регионах Дальнего Востока. Биоразнообразие

изучается на биохимическом, молекулярно-генетическом, физиологическом, эмбриологическом, экосистемном уровнях. На эти исследования направлены крупные силы. От юга Приморья и до северо-восточной оконечности Чукотки организованы и действуют биологические станции, стационары, базы, Дальневосточный морской заповедник в заливе Петра Великого и заказник в заливе Восток. Морскую биоту здесь изучают круглогодично. В институте проведена гигантская работа по подготовке серийного издания «Биота дальневосточных морей России», опубликовано несколько томов, работа успешно продолжается.

Для рационального использования биоресурсов морей необходимо тщательно изучать морских обитателей. Изучение морских организмов дает очень много для развития биологии. Ведь моря и океаны занимают более 72 процентов поверхности нашей планеты. В них возникла и миллиарды лет эволюционировала земная жизнь. В современных морях обитают представители всех известных царств и типов живых существ. Очень важны морские обитатели и в практическом отношении. Многие водоросли, беспозвоночные, рыбы и млекопитающие используются в пищу, многие содержат уникальные биологически активные вещества. Очень многое дает изучение уникальных и экзотических организмов. Используя эти специализированные морские организмы для изучения фундаментальных основ живой материи, ученые получили много интересных и важных фактов. Морские организмы удобны для решения конкретных проблем экспериментальной биологии. Например, морские ежи – классический объект эмбриологов всего мира. Благодаря им удалось выяснить многие цитологические и молекулярно-биологические механизмы дифференцировки клеток в ходе морфогенеза и регенерации многоклеточных животных.

Но еще много предстоит узнать: изучить механизмы формирования и функционирования морских экосистем, биологию фонообразующих видов в морских сообществах. Нельзя забывать, что морские экосистемы очень уязвимы, их надо беречь. Для рационального использования биоресурсов морей необходимо тщательно изучать морских обитателей. Моря все еще хранят от нас много своих тайн. Будем надеяться, что многое осуществится силами ученых из недавно созданного Национального центра морской биологии им. А.В. Жирмунского, в который вошли Институт биологии моря, Дальневосточный морской заповедник и Приморский океанариум.

ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1960 – 1980 годы)

Вячеслав ИВАНКОВ

Эти строки писались к 40-летию образования Дальневосточного научного центра РАН, которое отмечалось в 2010 году. В свое время его создание предопределило открытие новых институтов и развитие новых научных направлений фундаментальной науки на Дальнем Востоке. Мне представлялось необходимым дать некоторые сведения о связях развивающейся на Дальнем Востоке фундаментальной науки и Дальневосточного государственного университета (начиная с середины 1960-х годов). Прежде всего, вспомнить первые шаги и дальнейшее развитие одного из подразделений ДВНЦ – отдела, а затем Института биологии моря, в котором я, после окончания в 1966 году аспирантуры, работал несколько лет. В очерке также приводятся некоторые примеры плодотворного сотрудничества Института биологии моря и других институтов ДВНЦ АН СССР – ДВО РАН и Дальневосточного государственного университета.

Вторая половина 50-х – первая половина 80-х годов 20 века были временем интенсивного развития науки в СССР, временем больших надежд, энтузиазма и великих свершений, когда наша страна была на передовых позициях в науке и культуре. Это было время активного освоения космоса и Мирового океана, развития образования, открытия новых просветительных и научных центров. Это был золотой век отечественной науки. Научные центры развивались не только в европейской части страны, но и в Сибири, и на Дальнем Востоке.

Мне в 1966–70 годах довелось работать в Дальневосточном филиале СО АН СССР (ставшем потом ДВНЦ АН СССР). В то время во Владивостоке уже организовалось несколько естественно-научных институтов: в 1959-м – Геологический, в 1962-м – Биолого-почвенный, в 1964-м – Институт биологически активных веществ. За пределами Владивостока, в Магадане, открыт Северо-Восточный комплексный НИИ (1960 г.), на Камчатке – Институт вулканологии (1964 г.).

Стараниями известных дальневосточных ученых Алексея Ивановича Куренцова, Петра Григорьевича Ошмарина и Гордея Федоровича Бромлея в 1960 году была создана краевая комиссия по охране природы (на улице Ленинской, ныне Светланской, 50). В 1966-

м Президиум СО АН назначил сотрудника Института цитологии АН СССР кандидата биологических наук Алексея Викторовича Жирмунского директором-организатором Института биологии моря. Сначала был создан отдел. Заместителем директора предложили стать кандидату биологических наук Олегу Григорьевичу Кусакину, который до этого работал преподавателем на кафедре гидробиологии и ихтиологии Ленинградского университета. Осенью 1966 года в составе отдела числилось всего несколько человек. Я в это время завершал обучение в аспирантуре при ДВГУ, готовил диссертацию, а мой руководитель, профессор Борис Николаевич Казанский, должен был организовать в новом учреждении лабораторию экологии и гистофизиологии рыб. Сославшись на договоренность с А.В. Жирмунским, Борис Николаевич предложил мне устроиться в эту лабораторию. Поскольку Жирмунский был в командировке, принимал меня на работу председатель президиума филиала академик ВАСХНИЛ Борис Александрович Неунылов, который уже знал о решении зачислить меня в отдел.

В то время у отдела своих помещений не было – на Ленинской, 50, на третьем этаже ему были выделены две комнаты в помещениях комиссии по охране природы. Кроме меня, за соседним столом сидела специалист по асцидиям Тамара Сергеевна Бениаминсон, чуть раньше приехавшая из Ленинграда. В соседней комнате – ихтиолог Т.П. Жиленко, которая перешла в отдел из комиссии по охране природы. В помещении Геологического института, на Академической, работал специалист по остракодам Евгений Иванович Шорников. Вскоре подъехали О.Г. Кусакин с женой Аллой Петровной Касаткиной, специалистом по щетинкочелюстным, кораллист Евгений Васильевич Краснов, физиологи Нина Львовна Лейбсон и Олег Тимофеевич Мовчан, ихтиолог-паразитолог Станислав Максимович Коновалов, генетик Юрий Петрович Алтухов с сотрудниками, Лариса Владимировна Пашкова. Из владивостокских специалистов в отделе вскоре стали работать заведующий кафедрой в мединституте Павел Александрович Мотавкин и его аспирантка Светлана Макаровна Гнездилова, Арнольд Дмитриевич Конев и выпускники ДВГУ Таисия Флегонтовна Тараканова, Мария Борисовна Иванова и др.

В течение двух-трех лет сформировалось несколько основных научных направлений. Изучение теплоустойчивости морских животных возглавил А.В. Жирмунский. О.Г. Кусакин руководил исследованиями жизни литорали дальневосточных морей, Ю.П. Алтухов – генетики популяций тихоокеанских лососей, Е.В. Краснов – палеоэкологии морских животных, С.М. Коновалов – популяционной экологии лососей

(на примере нерки оз. Азабачье, Камчатка). Н.Л. Лейбсон возглавила направление по физиологии морских беспозвоночных. Кроме того, начались исследования эволюции репродуктивных адаптаций и динамики популяций рыб (В.Н. Иванков), биологии морских водорослей (Валентина Федоровна Макиенко), широко развернулись исследования систематики и экологии остракод (Е.И. Шорников) и щетинкочелюстных (А.П. Касаткина).

На первых порах основу, костяк отдела составляли ученые, приглашенные из центральных НИИ страны. Однако они не могли обеспечить выполнение всех намеченных исследований и наполнение экспедиционных отрядов, которые начали осваивать широкие просторы водоемов Дальнего Востока. Так, экспедиции под руководством гидробиолога, будущего академика О.Г. Кусакина исследовали биоту литорали от Чукотки до южных Курил и южного Приморья. Для этого нужны были молодые, активные помощники. К участию в экспедициях приглашали студентов и аспирантов Дальневосточного государственного университета. Большую роль в исследованиях биологии прибрежных вод играли и преподаватели, гидробиологи и паразитологи университета доценты Валерий Александрович Кудряшов, Анатолий Кузьмич Цымбалюк, Олег Иванович Белогуров и другие. Организаторами и руководителями экспедиций на Шантарские острова и на западное побережье Камчатки (район реки Тигиль), участниками и руководителями отрядов комплексной экспедиции (ОБМ–ДВГУ) на Курильские острова были В.А. Кудряшов и А.К. Цымбалюк. Результат – уникальные материалы по литоральной фауне и паразитологии животных прибрежной зоны моря.

Наиболее масштабные исследования по изучению жизни литоральной зоны дальневосточных морей проводил тогда еще кандидат наук О.Г. Кусакин, организовавший лабораторию гидробиологии. Он счел целесообразным основной состав лаборатории формировать из студентов, оканчивающих биолого-почвенный факультет Дальневосточного госуниверситета, и активно привлекал их в экспедиции уже с 3-го – 4-го курсов. Наиболее перспективных приглашал на работу под конкретную проблему, необходимую для развития лаборатории, или под определенную систематическую группу морских беспозвоночных. Многие из этих выпускников университета стали известными специалистами – Мария Борисовна Иванова, Владимир Григорьевич Чавтур, Александр Юрьевич Звягинцев, Владимир Васильевич Гульбин, Марина Валентиновна Малютина и многие другие.

Существенную лепту в исследование биоты литорали внес сотрудник лаборатории Е.И. Шорников, впервые исследовавший фауну остракод (ракушковых ракообразных) дальневосточных морей. Вспоминаю, как на следующий год после организации отдела Алексей Викторович, рассказывая об уже имеющихся результатах работы отдела, особенно отметил достижения Шорникова: «Шорников за год открыл 60 новых для науки видов!» В настоящее время в ННЦМБ успешно работает ученик Евгения Ивановича – д.б.н. профессор В.Г. Чавтур, известный специалист по пелагическим остракодам.

Возвращаясь к исследованию литорали морей Дальнего Востока, следует также отметить, что за сравнительно короткий период (1967–середина 1980-х годов) удалось получить уникальные сведения о биоте литорали. Результаты исследований опубликованы в ряде тематических сборников и в центральных журналах. Была проделана колоссальная работа по обобщению полученных данных. Экспедиционные материалы обрабатывали более 75 специалистов из Ленинграда, Москвы, Владивостока и других городов. Ни одна страна в мире не выполнила столь масштабные и подробные исследования литоральной зоны моря.

Постоянной заботой Олега Григорьевича были и его любимые изоподы, систематику и биогеографию которых он подробно изложил в нескольких объемных томах, опубликованных в издательстве «Наука». Эта работа отнимала у него много внимания и времени. Обычно довольный выходом очередного тома «Равноногих ракообразных ...», в беседе со мной он однажды посетовал, что мало биологов пользуется его трудами, в стране, да и за рубежом, очень мало специалистов по равноногим ракам. Чувствовалась потребность в более широких научных обобщениях.

Возможность широкого обсуждения проблем морской биологии Олег Григорьевич нашел в Дальневосточном университете, где он работал более тридцати лет: сначала в должности доцента, затем профессора на кафедре морской биологии и аквакультуры (ранее гидробиологии и ихтиологии). С увлечением читал курс общей гидробиологии и вел практические занятия по разделу большого практикума, намечалось чтение им курса «Морские экосистемы». Активное участие принимал и в межкафедральном семинаре «Общая и водная биология». В октябре 1989 года я попросил его сделать на семинаре доклад о мегасистематике. Он согласился. Доклад вызвал живую дискуссию и большой интерес, и мы договорились, что Олег Григорьевич подготовит учебное пособие для студентов и аспирантов о современной системе органического мира. Его соавтором стал А.Л.

Дроздов, который уже несколько лет поддерживал контакты с кафедрой. В результате в 1994 году вышел первый, а в 98-м – второй том «Филемы органического мира». В этой работе проявилась недюжинная эрудиция Олега Григорьевича и в большей мере реализовались его идеи и замыслы, касающиеся мегасистематики и количества царств органического мира. Были и новые планы, в частности, по биоразнообразию на разных уровнях организации живых систем, но их не удалось осуществить. Однако того, что успел сделать для науки О.Г. Кусакин, достаточно, чтобы он с полным правом вошел в плеяду лучших российских биологов – исследователей жизни Мирового океана.

С 2001 по 2016 год лабораторией хорологии, шефом которой был О.Г. Кусакин, руководила его ученица М.В. Малютина. Как и ее учитель, она известный специалист по равноногим ракообразным. Среди отечественных и зарубежных специалистов она признается несомненным авторитетом, что позволяет ей быть постоянным консультантом и исполнителем международных грантов.

Большой вклад в изучение структуры планктонных сообществ дальневосточных морей внесли исследования щетинкочелюстных, проведенные Аллой Петровной Касаткиной. Ныне она доктор биологических наук, сотрудница Тихоокеанского океанологического института. Ее работы перевернули представления о величине таксономического разнообразия щетинкочелюстных дальневосточных морей.

Уже в первый год существования отдела биологии моря начались активные исследования популяционной экологии, структуры и динамики популяций тихоокеанских лососей. Работы по нерке *Oncorhynchus nerka* возглавил Станислав Максимович Коновалов, тогда только что защитивший кандидатскую диссертацию; по горбуше, кете, а также по нерке озера Красивое на острове Итуруп – автор настоящих заметок.

Для создания лаборатории генетики из Москвы по приглашению А.В. Жирмунского прибыл специалист по популяционной генетике рыб Юрий Петрович Алтухов вместе со своими сотрудниками – Еленой Александровной Салменковой, Галиной Дмитриевной Сачко и другими. Начались исследования по популяционной биохимической (аллозимной) генетике тихоокеанских лососей. В них принимал участие уже работавший в отделе Владимир Тимофеевич Омельченко. Изучение популяционной генетики начали на кете и горбуше, заходящих для размножения в реки Сахалина. Была создана экспедиционная лаборатория на территории рыбоводного завода в

поселке Сокол на реке Найба – притоке реки Большой Такой. На ее основе возникла постоянно действующая станция «Сокол», которая функционирует и в настоящее время. Лаборатория стала базой не только для изучения генетики сахалинской популяций лососей, но и для исследований физиологии лососей (в основном симы *Oncorhynchus masou*), которые проводила группа Александра Александровича Максимовича. В исследованиях участвовали и студенты-практиканты ДВГУ. Среди них – будущий доктор наук Юрий Федорович Картавец.

На Камчатке на берегу озера Азабачье создали биологическую станцию «Радуга». Сотрудники лаборатории популяционной биологии, которой руководили С.М. Коновалов, а затем Михаил Константинович Глубоковский, ежегодно проводили здесь исследования популяционной структуры и динамики численности нерки. Вскоре были организованы исследования по генетике популяций лососей. Станция стала базой для всестороннего изучения биологии лососей (морфологии, остеологии, экологии, генетики, паразитологии, этологии, динамики популяций). Сюда приглашали специалистов из других институтов и лабораторий, в том числе из западных регионов страны. Следует упомянуть посетивших станцию с научными целями ведущих генетиков рыб, докторов биологических наук Валентина Сергеевича Кирпичникова, Бориса Михайловича Медникова, Юрия Петровича Алтухова.

Активно работали на станции студенты кафедры гидробиологии и ихтиологии биофака ДВГУ В.А. Паренский, Н.С. Романов, О.А. Рассадников и другие. Многие из них стали сотрудниками Института биологии моря.

В результате исследований, начатых в ОБМ в конце 60-х и продолженных в 70–80-х годах уже в Институте биологии моря, получены новые интересные сведения о популяционной организации, генетической структуре популяций лососей Камчатки, Сахалина, южных Курильских островов, Приморья, бассейна реки Амур и других районов. Исследованы как дикие популяции рыб, так и популяции, созданные в результате интродукции, а также смешанные, воспроизводящиеся как на естественных нерестилищах, так и искусственно разводимые на рыбозаводах. Кроме того, в лаборатории популяционной биологии и в лаборатории пресноводной гидробиологии Биолого-почвенного института проведены фундаментальные таксономические исследования гольцов рода *Salvelinus* Камчатки, Чукотки, Сахалина и Курильских островов. Получены новые данные, позволившие по-новому взглянуть на таксономическое положение и родственные отношения этого экологически полиморфного рода.

Не менее интересны направления, по которым работали сотрудники других лабораторий. Их исследования были направлены на выяснение фундаментальных проблем общей и морской биологии: теплоустойчивость клеток и белков и проблема вида в зоологии, кариология и биохимическая генетика, анализ структуры ДНК и эволюция рыб, таксономические отношения и экологические параллели у лососеобразных, использование методов числовой таксономии и моделирования динамики популяций рыб и водных беспозвоночных, сравнительные исследования условий обитания морских беспозвоночных в современных и четвертичных бассейнах, особенности функционирования биоценозов коралловых рифов. Очень важно, что с первых лет своего существования академические институты Владивостока поддерживали сотрудничество и тесные научные контакты с Дальневосточным государственным университетом. Наиболее ранние совместные исследования институтов Географии, Автоматики и процессов управления, Биолого-почвенного с ДВГУ приходится на вторую половину 60-х годов. В отделе биологии моря, а затем в Институте биологии моря в это время началось широкомасштабное изучение литоральной биоты. С академической стороны руководство осуществлялось О.Г. Кусакиным, со стороны биофака ДВГУ – В.А. Кудряшовым. Проводились широкие совместные исследования по выяснению экологической, географической и темпоральной дифференциации, репродуктивной биологии, динамике и моделированию популяций лососевых рыб. На примере горбуши и кеты были исследованы особенности и различия структуры популяций и экологии внутривидовых темпоральных группировок (сезонных рас) тихоокеанских лососей. На основе результатов исследований репродуктивной биологии и многолетней динамики численности лососей (кета и горбуша) разработаны методы математического моделирования популяций лососей и выяснения динамики численности с учетом их сложной популяционной (генетической) структуры, влияния промысла и искусственного разведения.

Параллельно с изучением популяционной организации и экологии лососей начались исследования репродуктивной биологии и эволюции репродуктивных адаптаций рыб, направленные на изучение гаметогенеза и строения гамет у разных эволюционных и таксономических групп. В дальнейшем это позволило выявить важную роль данных о строении гамет для выяснения таксономического положения и родственных отношений организмов. Сотрудники ИБМ М.К. Глубоковский, В.Т. Омельченко, Е.В. Иванкова, С.В. Фролов и ДВГУ В.Н. Иванков, Т.В. Шкарина, используя разные подходы и

методы, показали, что морфологическая, экологическая, генетическая и другие формы эволюции у разных видов происходят с разной скоростью, что необходимо учитывать при таксономических исследованиях и филогенетических построениях. Эта методология в дальнейшем применялась при совместных работах по выяснению таксономического положения и родственных отношений некоторых групп морских и анадромных рыб. Проведение комплексных исследований с использованием разных методов (морфометрический, остеологический, генетический и др.) позволило более объективно оценить и уточнить систематическое положение видов ряда родов камбаловых, стихеевых и карповых. Основанные на применении электронно-микроскопического анализа гамет исследования таксономического положения и родственных отношений видов некоторых родов камбаловых подтвердили правоту выводов, полученных генетическими методами.

Тесные контакты сотрудников академических институтов с коллегами – преподавателями биофака Дальневосточного университета не ограничивались совместными научными исследованиями. Сразу же после переезда во Владивосток А.В. Жирмунский и О.Г. Кусакин активно подключились к подготовке специалистов по морской биологии. Алексей Викторович организовал в университете кафедру цитологии и активно способствовал открытию кафедры экологии. Олег Григорьевич читал лекции на кафедре гидробиологии и ихтиологии. Существенную роль в подготовке специалистов-биологов сыграл известный зоолог, эколог и генетик Николай Николаевич Воронцов, в 1971–73 годах директор Биолого-почвенного института. Он читал на биофаке лекции по генетике и эволюционному учению. Среди ученых Дальневосточного отделения, уделявших большое внимание обучению студентов ДВГУ, в частности, кафедры морской биологии и аквакультуры (ранее кафедра гидробиологии и ихтиологии), следует отметить заведующего лабораторией ИАПУ Александра Павловича Шапиро, сотрудников Института биологии моря докторов наук Александра Александровича Максимовича, Евгения Станиславовича Балакирева, Михаила Константиновича Глубоковского, Виталия Викторовича Суханова, Юрия Федоровича Картавцева, Анатолия Леонидовича Дроздова, Владимира Григорьевича Чавтура, Аллу Петровну Касаткину. Руководили аспирантами, подготовкой курсовых и дипломных работ студентов кафедры доктора наук Евгений Иванович Шорников и Александр Иванович Кафанов, кандидаты наук Дмитрий Леонидович

Питрук, Александр Михайлович Броневский, Людмила Леонидовна Будникова и многие другие сотрудники ИБМ, БПИ, ТОИ, ИАПУ...

Несмотря на крайне трудные времена, пережитые отечественной академической наукой в конце прошлого – начале нынешнего века, институты ДВО РАН с достоинством вышли из казалось бы безнадежного положения, сохранили свой научный потенциал и успешно развиваются в новых, хотя и не идеальных условиях. Возможность приобретения научного оборудования, энтузиазм многих, в том числе молодых сотрудников, создание научно-образовательных центров, объединивших усилия ДВО РАН и университетов в подготовке высококвалифицированных специалистов, позволили академическим институтам вновь занять достойное место не только в отечественной, но и в мировой науке. Думается, что в немалой степени это стало возможным благодаря тому, что с самого начала образования Дальневосточного научного центра была установлена достаточно высокая планка для достижения достойного уровня фундаментальных исследований, позволившая превратить Дальний Восток из научной провинции в один из ведущих центров отечественной и мировой науки. Нынче, когда наблюдается интенсивная интеграция образования и науки, когда создаются научно-образовательные центры, кафедры и лаборатории, роль академических институтов в подготовке специалистов высшей квалификации становится все более заметной. Целесообразным представляется создание таких центров на более высоком уровне, для того, чтобы неразрывно связать науку с образованием, как это наблюдается в большинстве передовых стран мира. Кажется, эта идея завоевывает в России все большее число сторонников и в недалеком будущем будет реализована на практике.

ВСПОМНИТЬ И ОТМЕТИТЬ НУЖНО МНОГИХ

Алла КАСАТКИНА (КУСАКИНА)

В Питере

Олег часто работал за полночь, бывало, до трех, а то и до четырех часов. В семь собирался на кафедру, там лекции, разборка материалов экспедиций, обсуждение вопросов движения материков – тогда много об этом говорили. Волновала его и еще одна идея – о возможности создания института, который занимался бы исключительно биологией моря. Поскольку он много

работал в дальневосточных морях, то местом для такого института, считал, мог стать Владивосток. Чтобы это был центр по изучению микромира, мира животных и растений в первую очередь именно дальневосточных морей, а затем и Мирового океана. Предполагалось во Владивостоке создать базу данных, коллекции по морским видам животных и растений, т.е. центр обеспечения консультаций по систематике, филогении и экологии биоты моря, начиная от приливотливной зоны до абиссали. Доказательство в пользу создания такого центра – большой объем работ, уже выполненных на обширной зоне литорали дальневосточных морей, их шельфа и абиссали. В дальнейшем это могло решаться силами отдельного крупного института, а не мелкими лабораториями в стенах уже существующих разноцелевых НИИ. И он сделал это – доказал, обосновал необходимость научного центра по биологии на Дальнем Востоке.

Был у Олега большой друг, аспирант Зоологического института Николай Николаевич Воронцов. Ему идея Олега понравилась. Защитив диссертацию, Воронцов переехал в Новосибирск, где стал работать ученым секретарем по биологическим наукам в Сибирском отделении Академии наук. В разных ситуациях и с разными людьми он заводил разговор об идее Олега о необходимости изучать дальневосточные моря силами ученых, которые обосновались бы во Владивостоке. Ну и, конечно, в директора такого центра Николай Николаевич прочил Олега. Но тому хотелось больше заниматься непосредственно исследовательской работой, чем быть руководителем крупного коллектива. Поиски нужного человека вывели на Алексея Викторовича Жирмунского.

Во Владивостоке

Квартиру во Владивостоке Алексей Викторович получил на пятом этаже, а мы – на первом, в одном и том же доме. После работы АВЖ, как обычно многие называли Жирмунского в его отсутствие, часто заходил к нам, и с Олегом за ужином обсуждали успехи прошедшего дня. Алексей Викторович делился тем, как он «выбивал» помещение для отдела. Олег рассказывал, с кем познакомился во Владивостоке, и чем эти люди – Вячеслав Николаевич Иванков, Олег Иванович Белогуров, Павел Александрович Мотавкин могут быть полезны институту. В то же время кусакинская лаборатория гидробиологии успешно организовывала и проводила литоральные экспедиции и поддерживала научную марку отдела на хорошей высоте. Под руководством Олега молодые аспиранты и даже студенты старших курсов: М.Б. Иванова, В.В. Гульбин, В.Г. Чавтур и многие другие, чьи имена – более ста – вписаны в историю этих экспедиций (см. Вестник ДВО РАН. 2010. №4 – М.Б. Иванова «Исследование литорали дальневосточных морей России под руководством академика О. Г. Кусакина»), в тяжелейших условиях, иногда опасных для жизни, проводили исследования. Исследования, сказала бы, грандиозные, еще небывалые в мировой науке и практике. Ведь по новой методике Кусакина необходимо было не только определить видовую принадлежность животных и растений (что было и ранее), но узнать их биомассу, что важно для хозяйственных нужд. Размах этих работ впечатляет даже сегодня. По их результатам издавались сборники статей, которые за границей (в Америке, Японии) ценились настолько, что по ним созывались симпозиумы. Руководитель океанографической программы США Роберт Мензис даже сделал заявление в конгрессе: Россия опережает Америку в исследовании морей и океанов, – и упрекнул свое правительство в недостатке финансирования. Он присылал официальное приглашение О. Г. Кусакину: «Мы встретимся в Вальпараисо и на корабле обойдем Антарктиду, затем совершим тур по университетам США, где вы прочитаете курс лекций». Но Олегу посоветовали отказаться от приглашения, сослаться на нехватку времени.

Литоральные работы

Забавный случай произошел во время посещения кусакинской лаборатории Жаном-Мари Пересом, французским морским биологом и океанологом. Сопровождала гостя Ирина Анатольевна Барсегова, талантливая переводчица. Рассказывает Ирина: «Меня очень удивило, что, войдя в кабинет Олега Григорьевича, я не увидела ни одного стула, кроме того, на котором сидел он сам. Попросила

сопровождавшего нас молодого человека принести стул. «Нет, нет! – воскликнул Перес. – Я готов опуститься на колени перед моим коллегой господином Кусакиным». Позже я спрашивала Олега Григорьевича, что такого он сделал, чтобы перед ним встал на колени крупный ученый, амбициозный француз?»

Грандиозная широта кусакинских работ – вот что, скорее всего, потрясло Переса. Даже сейчас, когда появились корабли и каботажные суда, на которых можно подходить к берегу, трудность исследования литорали не исчезла. Сейчас на судах есть мощные холодильники, потому нет необходимости немедленно обрабатывать взятых на литорали животных. Но в те годы сотрудники шли пешком в любой час ночи на сизигийный отлив за 5–10 километров с тяжелым рюкзаком, после похода приходилось в любое время суток разбирать пробы по видам, взвешивать животных и растения, затем фиксировать их для коллекционного фонда института. Это была тяжелая, конечно же, изнурительная работа. Но эти люди зарабатывали деньги для развития всего коллектива. Их труды оплачивал Госкомитет по науке и технике, но финансирование поступало непосредственно директору института, он решал, на что потратить.

Да, деньги зарабатывать было тяжело, однако и нужд у института всегда было чересчур много. Однажды Алексей Викторович объявил Олегу, что денег на новые литоральные экспедиции нет, но можно ведь отчитываться уже имеющимися материалами. Это означало, что результаты многих исследований от Чукотки до тропиков могут быть погублены, и нам больше нечего здесь делать. Мы решили вернуться в Питер. Узнав об этом, Алексей Викторович изыскал возможность профинансировать продолжение экспедиций, и мы остались во Владивостоке.

Алексей Викторович, подбирая кадры, нередко ошибался и потом говорил: «Да, ты, Олег, прав, зря я тебя тогда не послушался». А «симпатичные люди», получив квартиры, уходили, найдя более выгодные места, а талантливые и работающие, оставаясь без угла, вынуждены были уйти. Так институт потерял замечательных сотрудников – доктора биологических наук, зоолога Леонида Ильича Кулинича, Таисию Флегонтовну Тараканову, Бориса Межова, Ольгу Мыскову, Василия Карпенко, всех уже трудно вспомнить... Уходили талантливые молодые люди, защитившие кандидатские диссертации: Петр Михайлович Жадан, Виктор Павлович Челомин и другие, чувствовавшие несправедливо жесткое отношение к себе со стороны институтского руководства.

Преемники

Настало время, и Алексей Викторович стал задумываться о преемнике – кто будет следующим директором ИБМ. Не раз он советовался с Олегом Григорьевичем: «Не поставить ли кого-то постарше Касьянова?» – «Нет, нет, – говорил Олег. – Владимир Леонидович – ваша находка». Таким был всегда ответ Олега Григорьевича, который заметил Касьянова, когда тот еще был аспирантом на кафедре эмбриологии ЛГУ. И это было очень удачное решение АВЖ – передать бразды правления Владимиру Леонидовичу.

Касьянов сберег институт в смутное время перестройки. О нем, необычайно целостном и талантливом человеке, хорошо рассказала его жена доктор биологических наук Валерия Васильевна Исаева в книге «Мой реквием Владимиру Касьянову» (2007). Владимир Леонидович погиб в автомобильной катастрофе 1 октября 2006 года. Директорские полномочия перешли к Андрею Владимировичу Адрианову. При нем достроено здание института, построена аквариальная. Появился океанариум с дополнительным лабораторным корпусом; морской заповедник стал не только охраняемым предприятием, но и частью института, его своеобразным туристическим центром. Усилиями Андрея Владимировича закуплено современное научное оборудование и приборы высокого класса. Но что для меня особенно радостно – это воплощение идеи Олега Григорьевича Кусакина: создана лаборатория зоологии. Может быть, доживу и до создания лаборатории микробиологии?

Институт биологии моря – ИБМ – перерос своих создателей. Имена многих его сотрудников вплетены в исторически новый Национальный научный центр морской биологии, и каждый достоин быть отмеченным и упомянутым.

О СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОМ СИМПОЗИУМЕ ПО ФИЗИОЛОГИИ И БИОХИМИИ АДАПТАЦИЙ

МОРСКИХ ЖИВОТНЫХ

Сергей КОНДРАШЕВ

С самого начала функционирования института важным аспектом его деятельности были международные научные контакты. Сегодня их необходимость кажется само собой разумеющейся, но в 70-е годы прошлого века налаживание и постоянное поддержание таких связей было непростым делом. Владивосток оставался закрытым для посещения иностранными гражданами, из оперативных средств связи были доступны только проводной телефон и телеграф. Сотовых телефонов и в природе не существовало (первые модели, с трудом помещавшиеся в кармане, появились только в 1992 году). В институте не было ни персональных компьютеров, ни интернета, а электронные калькуляторы и пишущие машинки с латинским шрифтом распределялись между лабораториями и службами по личному распоряжению директора. Единственный копировальный аппарат охранялся как «режимный» объект, а новое слово «факс» порой воспринималось как совершенно неприличное...

Вот в таких условиях мы взялись за организацию международной конференции – советско-американского симпозиума по физиологии и биохимии адаптаций морских животных. Его проведение планировалось на август 1979 года, накануне XIV Тихоокеанского научного конгресса в Хабаровске. Этот симпозиум можно назвать «сателлитным» – теперь этот термин получил широкое распространение для обозначения научных мероприятий, сопутствующих основной программе более крупных конгрессов и конференций.

Для директора института и председателя оргкомитета симпозиума А.В. Жирмунского вопроса о месте проведения мероприятия не существовало: конечно, в Находке – открытом и доступном для иностранцев городе у моря. Оттуда рукой подать до биостанции «Восток», расположенной на небольшом уединенном мысе, вдающемся в залив, названный по имени паровой шхуны «Восток», в 1853 году пришедшей вместе с известным фрегатом «Паллада» в составе первой российской дипломатической миссии адмирала Евфимия Васильевича

Путятина из Европы в Японию. Институт только-только был организован, а уже 11 апреля 1970 года на место будущей биостанции прибыла первая экспедиция под руководством Виктора Петровича Кашенко, развернула палаточный лагерь, подготовила полевую базу для исследований. Выбор места для строительства станции был не случаен. Помимо богатого мира морских организмов этот берег был также открыт для иностранцев. Таким образом, биостанция «Восток» создавалась и развивалась по схеме своеобразного институтского «филиала» как круглогодичный стационар международного значения. Это соответствовало самым лучшим образцам мировой и советской биологической науки.

А.В. Жирмунский иногда шутил, говоря, что головой любого дела является, конечно, старший начальник или директор, а шеей – ученый секретарь. Вот такой «шеей» в деле проведения симпозиума он попросил быть меня. Причины его выбора мне до сих пор неизвестны: ведь я был обычным научным сотрудником, работавшим (после окончания аспирантуры МГУ) всего около трех лет и не занимавшим никакого административного поста. Да и возраст был совершенно несолидный для такого ответственного мероприятия – и 30 лет не было... Конечно, мне предстояло работать в большой команде, обязанности в которой были расписаны по секторам ответственности: транспорт, размещение, питание, культурная программа и экскурсии, сбор и редактирование тезисов, техническое обеспечение залов для заседаний, работа переводчиков. Но все равно было как-то боязно.

Алексей Викторович объяснил мне мои задачи и полномочия в достаточно общей форме: «Вы не переживайте, люди все надежные. Ваша задача их курировать, а обо всех затруднениях докладывайте мне». Это загадочное «курировать» было одним из любимых словечек А.В. Жирмунского, он почему-то часто заменял им слова «отвечать, руководить», хотя по смыслу сказанного это было одинаково.

Для обеспечения гарантии успешного проведения симпозиума в нашем арсенале был тактический ход, хорошо зарекомендовавший себя ранее и успешно использовавшийся в дальнейшем. Алексей Викторович обычно готовил несколько официальных писем-обращений во все важные краевые и городские инстанции с просьбой о содействии. Во всех бумагах отмечалась важность международного мероприятия и первого посещения Находки столь большой группой ученых из США (10 человек). «Нагруженный» папкой с такими письмами я отправился с Находку и за один рабочий день обошел городской комитет КПСС, горисполком, пограничный отряд, офис «Интуриста», дирекцию гостиницы «Находка» и приемную капитана порта. Казалось, достаточно разослать необходимые

обращения по почте, но личное общение произвело просто магическое действие: нередко прямо в моем присутствии начальники разного уровня уже давали указания своим подчиненным, майоры и полковники готовы были отдавать честь, а секретарши вежливо провожали до дверей... Например, моим пропуском в распоряжение погранотряда послужили просто слова дежурному: «Я из Академии наук, к начальнику отряда». В общем, ученым – зеленый свет, сплошной почет и уважение.

Основная работа симпозиума проходила в Находке. Рабочая часть шла гладко, культурная программа выглядела скромно ввиду недостатка мест для развлечения в небольшом городе. Наиболее «памятным» оказался вечер в Интерклубе, где у одного из участников, известного генетика Роберта Коуэна, пропал бумажник со всеми документами, что было расценено большинством окружения как явная провокация. Расследование и последствия этого случая не принесли радости ни пострадавшему, ни его «кураторам»...

Заключительная часть симпозиума, его «изюминка», планировалась на биостанции «Восток», куда мы должны были отправиться на небольшом теплоходе. Вечером, буквально накануне выезда стало известно, что на Приморье идет тайфун и действует штормовое предупреждение. Выход в море был невозможен. Мой опыт согласования программы в разных инстанциях подсказывал, что нам придется скучать в городских апартаментах. Однако совершенно неожиданно для меня среди ночи вопрос разрешился ко всеобщему удовольствию – едем автобусом!!! Очевидно, Алексей Викторович задействовал неведомые мне «рычаги».

И вот мы уже плывем (в полном смысле этого слова) по раскисшей дороге (участок до Южно-Морского тогда был грунтовым), покрытой слоем жидкой глины. Ливень сумасшедший, а сила ветра на море, как выяснилось впоследствии, стала второй по значению за всю историю тайфунов в Приморье (до 37 м/сек!). Однако все закончилось благополучно, через сутки гости отправились поездом в Хабаровск, а я с коллегами из оргкомитета на «Волге» во Владивосток. Поваленные деревья, снесенные водой мосты... Но думалось о дальнейшем сотрудничестве с американцами в области морской биологии, о котором много говорили накануне. Приятные переживания прошедшей встречи нарушил слегка апокалипсический пейзаж Академгородка на фоне грязно-желтого штормового Амурского залива: невесть откуда возникший паровоз тащил длиннющий пассажирский поезд. Следом, в клубах пара и дыма, прошел грузовой состав. Аварийный вариант из-за обрыва электропроводов на железной дороге действовал целые сутки...

ЗАДАЧИ И УРОКИ

Евгений КРАСНОВ

В самом начале – о главных закоперщиках и скрепах становления не только ИБМ, но, пожалуй, и всех остальных научных подразделений ДВО АН СССР. В их первых рядах – Михаил Алексеевич Лаврентьев, Борис Сергеевич Соколов и Николай Николаевич Воронцов из Сибирского отделения АН, а во Владивостоке – Борис Александрович Неунылов, Андрей Иванович Крушанов, Екатерина Александровна Радкевич, Юрий Владимирович Гагаринский, Алексей Викторович Жирмунский...

К этим корифеям отнес бы и Виктора Евгеньевича Васьковского. В те годы он был по сути главным ученым секретарем Дальневосточного научного центра, как называлось до середины 1987 года Дальневосточное отделение АН, создавал одновременно два института – Биологии моря и Биоорганической химии. Много труда он вложил в развитие научного информационного обмена, повышение качества публикаций и библиотечного дела. Родился Виктор Евгеньевич в приморском шахтерском городе Артеме, окончил химфак МГУ и всю жизнь посвятил развитию науки на Дальнем Востоке. Почти 20 лет мы работали с ним бок о бок: сотрудничали на разных этапах становления названных институтов, морских экспериментальных станций, журнала «Биология моря», на международных и общесоюзных научных форумах; освобождаясь от накопившейся за день усталости мозгов, бегали вечерами от Второй речки до фабрики «Заря» и обратно. Никогда он не был высокопарным, любил юмор, мог посмеяться и над собой. Все кипело у него под руками – от приготовления еды до сборов в экспедиции и командировки. Липидам, их функциям в клеточных мембранах, разнообразию их состава и свойств в организмах (от бактерий до позвоночных) посвящены его труды, опубликованные, как правило, в высокорейтинговых отечественных и зарубежных журналах.

Уехав из Владивостока, я не виделся с Виктором Евгеньевичем без малого тридцать лет, до весны 2014 года. Встретились в гостинице «Калининград», на дальнем западе России. Долго вспоминали эпоху Георгия Борисовича Елякова–Алексея Викторовича Жирмунского и других отцов-основателей ДВНЦ/ДВО АН и кафедр ДВГУ. В конце 60-х – начале 70-х годов нам было не так много лет, да и ученые степени и

звания еще предстояло заслужить. Денег на науку казна выделяла не щедро, зато нам помогал молодежный задор и желание открывать затерянные миры дальневосточных морей и побережий. Долго не было институтских зданий, но зато как грибы росли стационары в Приморье, на Сахалине, Камчатке. Начались морские экспедиции в северные широты и в тропические районы Тихого, а затем Индийского и Атлантического океанов. На полевых стационарах возникали научные школы биологов, химиков, географов Дальнего Востока.

Очень много неоченимого Виктор Евгеньевич сделал для организации межинститутского сотрудничества, зачастую преодолевая сопротивление начальства. Увы! – его статья «У истоков больших начал» (Дальневосточный ученый. 2014. № 18) и наша встреча на МЭС в бухте Троицы в том же году на XV всероссийской молодежной школе-конференции оказались последними. Но благие дела никуда не уходят. Их продолжают ученики, а у В. Е. Васьковского их много.

В первые годы существования ИБМ нам очень помогал Петр Алексеевич Моисеев из Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, организовав серию совместных советско-японских симпозиумов. А со стороны Японии неоченим вклад профессора Сигеру Мотоды – главного планктолога этой страны и редактора трудов советско-японских симпозиумов 1973–1977 годов.

О том, кто любил бодаться

Это – не легенда, а быль. Будущий академик Олег Григорьевич Кусакин был не только добродушен, но и поражал порой нестандартными предложениями типа «боднуться лбами», чтобы выяснить, чей лоб крепче; «пошевелить ушами» либо еще круче – «выстрелить обеими ушными раковинами», предварительно плотно упакованными внутрь... Все это он проделывал так же легко и непринужденно, как и вел пикировки в ходе серьезных научных дискуссий, задавая вопросы, опровергая аргументы коллег как титулованных, так и совсем «зеленых».

Мы с ним были первыми помощниками А.В. Жирмунского в годы становления института. Часто выезжая в командировки, будущий директор ИБМ писал одни и те же письма-инструкции О.Г. Кусакину и Е.В. Краснову – порознь либо обоим в одном конверте. Мы порой недоумевали, кто же из нас отвечает за исполнение множества пронумерованных инструкций. В конечном счете, О.Г. «доверял» эту миссию мне, предпочитая каждый день разглядывать своих изопод под микроскопом и описывать хотя бы один вид. В журнале «Наука и жизнь» (№3 за 1977 г.) по инициативе А.В. Жирмунского была

опубликована серия статей об ИБМ и его исследованиях. С большим трудом удалось убедить участвовать в этой своеобразной пиар-акции О.Г. Кусакина. Я же, напротив, с удовольствием согласился.

Во многом мы отличались друг от друга, но при этом сохраняли уважительные отношения. Более того, даже написали и опубликовали совместную книжку «Будущее Охотского моря» (1979). Но о ней он вспоминать избегал, а когда Хабаровское книжное издательство предложило переиздать этот хорошо распроданный научно-популярный томик, решительно отказался. Выручил меня Вячеслав Петрович Шунтов, и дополненное «Наше студеное море» появилось в 1981 году.

Между зоологами и палеонтологами отношения всегда были непростыми. В какой-то мере это проявилось и между нами. Но после успешной защиты в 1972 году докторских диссертаций все постепенно стало более спокойным. Однажды О.Г. даже похвалил меня за доклад на съезде Всесоюзного гидробиологического общества (г. Кишинев, 1970 г.), посвященный биогеоценозам коралловых рифов.

Первая кандидатская защита

В летописи ИБМ, главное авторство которой, несомненно, принадлежит А.В. Жирмунскому (Биология моря, 1993. №1), указано: «7 июня 1977 года – первое заседание Спецсовета по гидробиологии. Защищал кандидатскую диссертацию В.Г. Чавтур...»

«Дальневосточный ученый» в номере от 29.06.1977 осветил это событие подробнее, запечатлев на фотографиях целеустремленное лицо младшего научного сотрудника Владимира Григорьевича Чавтура (ныне он – доктор биологических наук, профессор, председатель диссертационного совета по ихтиологии и гидробиологии) и озадаченных вершителей судьбы соискателя (В. П. Шунтова и автора этих строк). Бережно храню первую монографию В.Г. Чавтура об остракодах умеренных и холодных вод Северного полушария (1983). Детально описаны видовой состав, распределение и расселение этих ракообразных – чутких индикаторов состояния и динамики морских экосистем. Вместе с Евгением Ивановичем Шорниковым Владимир Григорьевич многие годы возглавлял в ИБМ исследования в области экологической остракодологии, проводил мониторинг антропогенного воздействия на прибрежные морские экосистемы в целях более обоснованного регулирования промысла и воспроизводства биологических ресурсов в морях Дальнего Востока.

Первые монографии и рецензии на них

11 мая 1977 года. Владивосток. Популярный до невероятности магазин технической книги на улице Ленинской, в центре города. Надолго запомнилась презентация книги «Животные и растения залива Петра Великого». В этой книге мной лишь наполовину написано «Введение» (вместе с А.В. Жирмунским). Собравшиеся любители научно-популярной литературы быстро раскупили книгу с автографами ее авторов, хвалили их за долгожданную природоведческую новинку. Но не прошло и полгода, как в одном из московских журналов появилась рецензия профессора Теодора Сауловича Расса. Наряду с некоторыми достоинствами нашей работы были перечислены многочисленные упущения: отсутствие в списке литературы ссылок на труды предшественников – К.М. Дерюгина, Г.У. Линдберга, П.А. Моисеева; чрезмерная усложненность русских названий описанных видов животных; несоблюдение масштабов на некоторых рисунках (бычки, к примеру, оказались в полтора раза крупнее скумбрии); некоторые стилистические неточности. Мы не раз с благодарностью вспоминали эту рецензию на заседаниях редколлегии журнала «Биология моря», при редактировании статей начинающих авторов, стремящихся побыстрее напечатать свои первые опусы. Этот урок я запомнил навсегда.

КОРАЛЛЫ ИЗУЧАЮТ САМЫЕ ПЫТЛИВЫЕ

Юрий ЛАТЫПОВ

Интересная штука – жизнь! Она и непредсказуема, и одновременно в ней все предопределено во все века. Не будем ввязываться в дискуссию – случайно или закономерно несколько миллиардов лет назад образовалась Земля. Примем это как факт. Потом на Земле возникла жизнь, а 500–450 миллионов лет назад в океане – кораллы. Казалось бы, возникли и возникли, но они будут предопределять судьбы людей. Спустя сотни миллионов лет появились люди. Прошло совсем немного времени в мерках космического пространства, когда среди людей стали появляться естествоиспытатели и ученые. Чуть больше 250 лет назад самые пытливые из них стали изучать кораллы. Один из них, Николай Николаевич Яковлев, дед будущего академика, основателя морских исследований на Дальнем Востоке, тоже изучал ископаемые кораллы. 75 лет назад, можно сказать, что появился случайно, а можно предположить, что история и судьба подарили Земле мальчишку Юрку Латыпова. Ему, связанному обстоятельствами дат рождения, сплетением случайностей и закономерностей, не без вмешательства судьбоносных сил, пришлось посвятить свою жизнь изучению ископаемых и современных кораллов – морских обитателей планеты, на которой он был произведен на свет, и внести ощутимый вклад в общечеловеческие знания.

Вообще-то я, чуть не с пеленок, мечтал быть военным моряком. Но эта самая история и жизнь совершенно случайно в 16 лет и до самой службы в Советской Армии связали меня с геологией. В честном трехлетнем служении Отечеству я понял, что шагать в общем строе по команде – это не для меня.

Так я вернулся в геологию. Успешно мотался пять лет по экспедициям, постигал основы геологии. Стал, по оценке коллег и руководства, в общем-то неплохим геологом-практиком. Встретился и сошелся с Борисом Владимировичем Преображенским, который изучал ископаемые кораллы. Вскоре и я начал изучать ископаемые кораллы (это опять история и жизнь). Тогда-то меня и решили отправить учиться и набираться ума-разума в Новосибирский

академгородок. Там меня вовлекли в науку и, чтобы отточить ум-разум, отправили в аспирантуру.

В это время на берегах Тихого океана внук Н.Н. Яковлева, Алексей Викторович Жирмунский, организовал институт для исследований биологии моря. Один из ученых этого института организовал лабораторию для изучения тропических морей и экспедицию на коралловые рифы. В числе участников экспедиции были сотрудники Института геологии и геофизики, в котором я грыз аспирантский хлеб. Зная, что это не последний рейс, мой наставник академик Борис Сергеевич Соколов посоветовал мне написать письмо Алексею Викторовичу с просьбой включить меня в число участников следующей экспедиции. Я, описав свои способности и достоинства, отправил письмо, к которому академик приложил свой автограф. Алексей Викторович был в хороших отношениях с Борисом Сергеевичем, который к тому же способствовал в деле организации ИБМ. От длительной университетской и аспирантской учебы и скромных (после магаданской зарплаты) доходов я притомился, потому досрочно окончил аспирантуру, успешно защитив диссертацию. Возвратились в Новосибирск участники первой тропической экспедиции, переполненные впечатлениями. По прошествии достаточного времени я почти забыл о письме, мой руководитель перебирался в Москву, меня планировали взять на освободившееся место. Случились вдруг непредвиденные обстоятельства, однозначно лишившие меня такой возможности. Я ничего не успел ни подумать, ни предпринять. Через два дня получаю телеграмму от Алексея Викторовича: «Приезжайте, такие специалисты нам нужны». Я все упаковываю в контейнер, отправляю во Владивосток, на следующий день улетаю сам, и вот уже числюсь в составе Института биологии моря ДВНЦ АН СССР. Встретил меня мой друг Борис Владимирович Преображенский, оформил в лабораторию тропических морей для исследования рифообразующих кораллов, хорошую коллекцию которых сотрудники этой лаборатории собрали в прошедшей экспедиции.

Вот такая интересная штука случилась в жизни. Благодаря стечению обстоятельств и действиям двух неравнодушных людей, геолог стал морским биологом и посвятил свою дальнейшую жизнь морским экспедициям и изучению коралловых рифов – одной из интереснейших экосистем на Земле. Уже через полгода я в боевой команде Преображенского шел под полными парусами в Австралию, изучать коралловые рифы. И пошло-поехало, странствий и

путешествий по миру – на ближайшие сорок лет. Но жизнь готовила очередной сюрприз.

Я безмятежно отдыхал на берегах Черного моря после очередной экспедиции, а судьба уже выискала причину, из-за которой мне придется не только изменить свою научную жизнь – в конечном счете, воплотить в действительность, мелькнувшую, почти вздорную для младшего научного сотрудника, мысль о самостоятельности в выборе цели, направления и задач исследований. Меня телеграммой отозвали из отпуска. Распадалась одна из лабораторий института из-за серьезных разногласий руководства с завлабом. Сотрудники подавали заявления с просьбой о переводе их в другие подразделения. Основной состав этой лаборатории – геологи, которые занимались изучением палеоэкологии.

Алексей Викторович пригласил меня к себе. Объяснил ситуацию и предложил возглавить лабораторию, так как считал, что я, как остепененный геолог с отличным палеоэкологическим уклоном, полученным под руководством академика Б.С. Соколова, должен продолжить это дело. Я возражал, говорил, что не имею никакого опыта управления людьми, тем более научным коллективом, что я по 6–8 месяцев нахожусь в экспедициях и знаком практически лишь с одним сотрудником лаборатории. Уверял, что скорее окончательно развалю, чем соберу коллектив. Алексей Викторович не стал ни приводить новые доводы, ни возражать. И отпустил меня. Это был ход мудрого руководителя. Отпустить человека, как бы приняв его решение, расслабить его, но затем снова вернуться к вопросу, поставив условия так, что предложение невозможно будет не принять. Я спокойно ушел в лабораторию к своим кораллам, совершенно не подозревая, что уже все predetermined на самом высоком уровне, и даже в Москве. Останется только принять и подтвердить очередной посыл судьбы. В конце дня меня вторично пригласили к Алексею Викторовичу. Когда я вошел, он разговаривал по телефону. Я остановился в ожидании окончания разговора и приглашения войти.

– Да, он тут, – произнес А.В., передавая мне трубку.

– Добрый день, Юрий Яковлевич, рад вас слышать.

Я был ошарашен: на том конце провода был мой учитель-академик, ставший к тому времени академиком-секретарем Секции наук о Земле АН СССР.

– Всех вам благ и здоровья, Борис Сергеевич.

– Дорогой мой, я знаю, что мои лекции в университете о значении палеоэкологических исследований в истории формирования Земли не прошли напрасно. Это подтверждает недавно вышедшая

ваша книга с хорошим обзором палеоэкологических условий формирования коралловых сообществ в палеозое Верхоянского хребта Якутии. Я уверен, что вам не надо объяснять важность продолжения и развития этих исследований на Дальнем Востоке.

Академик продолжал, не давая мне возразить.

– Лабораторию, вне всяких сомнений, необходимо сохранить и продолжить исследования на новом уровне. Это дело вашей чести. С моей стороны будет всесторонняя поддержка.

Теперь это была не просьба или директорское предложение, это стало отчетливым наказом учителя и крупного руководителя Академии наук. Отказываться от него было недалновидно, если не сказать неумно.

– Хорошо, Борис Сергеевич, – осталось мне согласиться.

Алексей Викторович все понял и спросил:

– Нужны ли дополнительные уговоры?

Последовал предельно краткий ответ:

– Нет.

Мы стали обсуждать дальнейшие действия и план сохранения и развития исследований лаборатории...

Прошло более 30 лет. Добрая половина моих коллег избородила вместе со мной многие моря почти всех океанов. Многие стали кандидатами, а некоторые и докторами наук, и мне приятно, что в этом есть доля и моего участия. Посыл и выбор двух академиков оказался верным и успешным, хотя и был сделан мною под некоторым давлением.

А.В. Жирмунский был талантливый организатор, как говорят, божьей милостью, и директор – самостоятельно подбиривший кадры для института, который он создал, в буквальном смысле, на совершенно пустом месте на берегу Тихого океана, и вывел впоследствии на одну из передовых позиций среди мировых институтов, изучающих биологию моря. Со временем в институте выросли четыре академика и десятки докторов наук. На протяжении четверти века наш институт всегда был институтом одного человека – академика Жирмунского.

Академик Алексей Викторович Жирмунский – сын известного филолога академика Виктора Максимовича Жирмунского, внук крупнейшего геолога и палеонтолога, члена-корреспондента Н. Н. Яковлева, первого президента Палеонтологического общества России, явился крупнейшим организатором науки. В этом качестве он величина гигантская, блистающая. Он был не просто директором института и его организатором, – он создал среду, в которой хорошо и

плодотворно работается и поныне. Это значительно больше, чем обычное административное руководство крупным коллективом. Пожалуй, среди других директоров, тоже организовавших институты, нет такого, как Алексей Викторович. Он создал две университетские кафедры для подготовки студентов, придумал для старшеклассников Малую академию морской биологии, предложив мне курировать ее работу в качестве президента (академия все-таки!). Он организовал журнал «Биология моря» и способствовал возобновлению выхода журнала «Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук». Добился учреждения Дальневосточного государственного морского заповедника. С его помощью был открыт очень нужный в то время магазин «Академкнига». Он организовал научное пространство, которого не было до него во Владивостоке.

Алексею Викторовичу дело было до всего. Он возглавлял программу по глобальным изменениям климата. В то время стремительно поднимался уровень Каспийского моря, достигая почти двух метров. «Спасти Каспий», «Феномен Каспия», «Катастрофа на берегах Каспийского моря», просто «Колебания уровня» и «Будущее Каспия» – это лишь немногие заголовки публикаций, появившихся в те годы на страницах различных изданий, от газет и научно-популярных брошюр до толстых научных журналов, включая «Вестник Академии наук». Алексей Викторович пригласил меня, чтобы услышать мое мнение по этому поводу. Поинтересовался, не хочу ли я, как геолог и биолог, выяснить, что же происходит с морской живностью на затопленной территории? Мы пришли к заключению, что надо просить грант на эти исследования, а из своей программы Алексей Викторович сможет добавить еще некоторую сумму.

Грант я получил на три года экспедиций на Каспийское море, предложил Володе Гульбину (как литоральщику) и Юре Яковлеву (как фаунисту) податься со мной в солнечный Дагестан. Набив «дипломат» миллионами почти ничего не стоящих рублей и взяв с собой пару аквалангов, мы отправились на поезде через весь уже порядком разрушенный Советский Союз в Махачкалу. Сказать, что нас удивила разруха и обездоленность всего населения – это не сказать ничего. Однако все кончается. Нас хорошо приняли и в Дагестане, и на ученом совете Прикаспийского института биологических ресурсов. В наше распоряжение выделили микроавтобус ульяновского автозавода, и мы занялись гидробиологической съемкой на побережье всего Дагестана – от реки Сулак на севере до старейшего в России города Дербента на юге. С большим удовольствием работать с нами и участвовать во всех поездках согласился бывший сотрудник моей лаборатории Володя

Зайко. В течение всего времени нас курировал и опекал племянник прославленного Расула Гамзатова, заведующий отделом морской и наземной экологии Магомед Магомедов (ставший теперь академиком). Конечно, мы собирались посетить родину прославленного дагестанского поэта и, конечно же, нас везде сопровождало известное кавказское гостеприимство, доходившее порой до сказочных курьезов.

Как-то мы шли по улочкам Хунзаха, родного селения легендарного Хаджи-Мурата, не зная, в какую сторону лучше направиться.

– Ты к кому приехал? – спросил меня подошедший древний даргинец, в традиционной черной папахе и бараньей бурке до земли, вероятно, уловивший мою неуверенность.

– Ни к кому... – ответил я в растерянности, не зная еще, к кому мы приехали.

– Ни к кому нельзя, – сказал горец. – Старики наши говорили: «Если ты приехал ни к кому, то на тебя и собаки лаять не будут». Приезжать надо к другу – кунаку. Поэтому, знаете, что, пойдете-ка ко мне, я буду вашим кунаком.

Мы вошли в настоящую саклю. Сбылась моя детская мечта, навеянная страницами Льва Толстого, – побывать на Кавказе и именно в сакле. Старик что-то сказал на местном диалекте вошедшей горянке. Поинтересовался, откуда мы и зачем забрались так высоко и далеко в горы. Узнав, что мы путешествуем с племянником Расула Гамзатова, он обрадовался и сказал, что недалеко от Хунзаха находится аул Цада, в котором родился отец Расула – поэт Гамзат Цадаса. Мы сказали, что этот аул и есть конечная цель нашего путешествия. Тут вошла девушка, неся на серебряном подносе пять кружек горячего чая, окруженных хлебом, зеленью и сыром. Ранее я пил самые разнообразные специфические чаи в Башкирии, Китае, Индии, Туве и Японии, но более вкусного, питательного и бодрящего, чем этот кавказский напиток, приготовленный на крепком чае с травами, молоком, солью и маслом, не пробовал.

Мы отлично провели три экспедиции в Дагестане, получили интересные результаты, которые по представлению Алексея Викторовича были опубликованы в «Вестнике Академии наук» и в настоящее время увидели свет по просьбе рейтингового American Journal of Climate Change.

Далее – Вьетнам. Еще всюду видны следы войны. Надо поднимать всю страну, в том числе и науку. Было подписано соглашение о научном сотрудничестве наших стран, и как тут обойтись без Алексея Викторовича? Он в числе первых оказывается в

этом сказочном государстве, подписывает договор о сотрудничестве ИБМ и Института океанологии в Нячанге, предлагает организовать совместную экспедицию. Организовать и провести ее посчастливилось мне. Собрал дюжину здоровых молодцов из научных работников, водолазов и инженеров и обеспечив будущую экспедицию всем необходимым, от мыла до лодок, автомашины и запасов солянки, мы двинулись в неизведанное. Более четверти года исследовали все побережье и острова одной из провинций Вьетнама, пребывая на полном самообеспечении, иногда в непростых условиях при зимних тайфунах, в палаточных лагерях, бок о бок с нашими вьетнамскими коллегами и друзьями. На начальном этапе экспедиции нас обогащали знаниями и богатейшим опытом Олег Григорьевич Кусакин, он разделял с нами не только удовольствие и романтику, но и все невзгоды тропической островной и палаточной жизни. Благополучно и результативно завершена первая экспедиция послужила прообразом организации и проведения еще десятка таких исследований.

Еще в дохристианском Риме бытовало утверждение: *errare humanum est* – человеку свойственно ошибаться. Алексей Викторович не избежал ошибок, поскольку во многом был первостроителем. Но он был создателем и отдал свои силы, энергию и человеческий талант не только нынешнему поколению, но и поколениям будущим.

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Андрей МАЛЮТИН

Надо ли еще раз повторять, что Институт биологии моря – это весьма уважаемое учреждение, в стенах которого сделано немало научных открытий? Немало написано и об истории института, и об открытиях. Но чаще за перечнем выдающихся научных достижений стоит лишь список тех, кто сделал эти открытия. А вот как личности они обычно известны лишь близким людям, друзьям и небольшому кругу коллег. О них редко пишут мемуары, а они сами крайне неохотно тратят время на воспоминания. О некоторых из этих ученых, к сожалению, уже ушедших из жизни, и хотелось бы рассказать с позиций моего персонального общения с ними. Это лишь своего рода короткие зарисовки об оставивших след в истории института и, уж не сочтите за патетику, в моей биографии. Начну с человека, который в значительной степени определил мою жизнь – научные пристрастия и, что более важно, системное научное мышление.

В 1978 году студентом второго курса я впервые встретился с заведующим лабораторией тропических морей Борисом Владимировичем Преображенским. Почему стремился попасть именно в эту лабораторию? Все весьма банально: очень хотел увидеть коралловые рифы. Собственно, поэтому я и приехал из континентального Новосибирска в далекий, но очень морской Владивосток. Лаборатория располагалась на Академической, вне стен института, в отдельно стоящем зеленом бараке, который производил не столь яркое впечатление. Но в моей памяти этот неказистый зеленый барак остался навсегда. Сколь бы глупо и несуразно это не звучало, но именно там я впервые прикоснулся к миру тропиков и коралловых рифов. Больше всего понравилась необычайно доброжелательная обстановка, царившая в бараке, которая сопровождалась живым обсуждением разных научных вопросов. Запомнились весьма эмоциональный Иван Арзамасцев, рассудительный Александр Мурахвери (Мурик), немного ироничный и очень доброжелательный Николай Иванов (Кол). Да и все остальные сотрудники, к которым я и сегодня питаю искренние теплые чувства.

Некоторое время спустя Борис Владимирович впервые пригласил меня к себе домой. Мы говорили о разном, собственно, говорил он. Я больше слушал. Пили чай. Я после этого пребывал в

таким восторженном эйфорическом состоянии, будто пил водку, а не чай. Шеф, как его называли в лаборатории, и стал моим первым учителем. В силу ряда обстоятельств мне не довелось работать в его лаборатории, которая всем составом перешла в Тихоокеанский институт географии из-за конфликта с директором ИБМ академиком А.В. Жирмунским. Однако жизнь нас сталкивала постоянно, и не только во Владивостоке, но и на Сейшелах, где встретились два НИС, и нам пришлось всю ночь определять коллекцию кораллов...

Знакомство с руководителем моей аспирантуры, академиком Олегом Григорьевичем Кусакиным, состоялось задолго до того, как я попал в институт. Он читал нам, студентам биофака ДВГУ, курс гидробиологии. Надо ли говорить, что делал он это блестяще. Несколько десятков студентов, прослушавших его курс, впоследствии стали сотрудниками ИБМ. Олег Григорьевич был необычайно эрудированным человеком, обладал очень широким кругозором. Не буду говорить о биологии, разных ее направлениях и школах – это был его хлеб. Он прекрасно знал русскую поэзию, особенно ее Серебряный век, греческую мифологию и многое другое; рассказывал о легендарных ученых, некоторых мы хорошо знали по книгам, лекциям, с некоторыми даже встречались. Он не отличался очень уж добрым отношением к сотрудникам, во всяком случае, ко мне. Но при этом какой-либо враждебности тоже не было. А вот принципиальность чувствовалась. Может, именно ею объясняется показавшееся мне отсутствие с его стороны доброты. Запомнился случай, когда Олег Григорьевич как научный руководитель ознакомился с рукописью моей диссертации. Я испытывал некоторое волнение, поскольку высказал категорическое несогласие с представлениями Евпраксии Федоровны Гурьяновой (известного ленинградского гидробиолога, научного руководителя О.Г. Кусакина) о биогеографическом районировании побережья Вьетнама. Однако, прочитав главу, Кусакин сказал лишь одно слово: «Убедительно». У меня что-то спало с плеч, а уважение к Олегу Григорьевичу значительно повысилось.

Олег Григорьевич был руководителем двух десятков диссертационных работ. Сначала у меня сложилось мнение (на собственном опыте, разумеется), что он как-то поверхностно относится к этому самому руководству. Может, думал я, это потому, что среди всех его ведомых не было ни одного изоподчика (за исключением моей жены Марины Малютиной)? Однако впоследствии я понял, что он просто настраивал соискателя на самостоятельное научное мышление. При этом настоятельно рекомендовал читать и книги, причем из разных областей знаний: неизвестно, мол, что и когда

пригодится. Этим он мне напомнил моего первого руководителя – Б.В. Преображенского. Я очень благодарен жизни, что у меня были такие замечательные учителя.

С директором ИБМ академиком А.В. Жирмунским мне, рядовому научному сотруднику, довелось общаться нечасто. Вряд ли стоит лишний раз говорить о той роли, которую сыграл этот выдающийся ученый и организатор науки, обосновавший необходимость организации Института биологии моря, ставшего форпостом морской академической науки на Дальнем Востоке.

Однажды, во время обучения в аспирантуре, я попал в непростую ситуацию. Прошла уже почти половина трехлетнего срока обучения, когда стало понятно, что я остаюсь без материала, и успешно закончить аспирантуру мне не удастся. Причина – отмена научного рейса на Курильские острова. Надо было менять тему диссертации. А тогда как раз собирался рейс во Вьетнам. Почти умершая надежда об успешном окончании аспирантуры стала оживать – в ответ на мои рассуждения о том, что наука требует значительных усилий, и я не знаю, смогу ли я за полтора года обработать (еще не собранный) материал и написать работу, Алексей Викторович очень внятно заметил: «Молодой человек, не путайте диссертацию и науку». Тогда я сделал для себя важный вывод: каждая публикация имеет свою аудиторию. Были и другие выводы, весьма спорные, но я не хочу их здесь озвучивать.

Без всяких оговорок, А.В. Жирмунский является идеологом создания морского заповедного дела в России, а именно первого и до сих пор во многом единственного в стране Дальневосточного морского заповедника, который был организован в 1978 году и в качестве отдела до октября 2006 года входил в состав ИБМ. При этом заметим, что всемирно известный морской национальный парк Большой барьерный риф был основан годом позже – в 1979-м. Насколько прозорлив и дальновиден был Алексей Викторович! Мне довелось 10 лет возглавлять заповедник и в составе института, и в его самостоятельном плавании. После ухода пришлось поработать несколько лет научным сотрудником, но, в конце концов, я вынужден был вернуться в институт. Уход был неизбежен, поскольку в силу ряда обстоятельств, прежде всего из-за его руководства, заповедник перестал быть академическим учреждением, превратившись в коммерческую структуру, где на научных сотрудников смотрят, как на дармоедов. Зато очень приятно снова работать или просто регулярно общаться с интеллигентными людьми, которых знаешь много лет и с которыми связаны многие яркие моменты моей жизни.

На долгие годы мою жизнь определил академик Владимир Леонидович Касьянов. При первой же нашей встрече сразу обратила на себя внимание его какая-то естественная, природная интеллигентность. Много позже он позвонил мне и пригласил занять должность директора Дальневосточного морского заповедника. Это было настолько неожиданно, что я растерялся и попросил время на раздумье. Попросил полчаса, что развеселило академика. Столь серьезные решения так быстро не принимаются, посчитал он. В итоге я согласился, о чем нисколько не жалею, за что и признателен Владимиру Леонидовичу.

Мне приходилось регулярно бывать на заседаниях дирекции Института биологии моря. Поражало то, насколько уверенно и предметно Владимир Леонидович их проводил. Он задавал очень конкретные вопросы в ожидании конкретных ответов. Однажды мне пришлось довольно резко выступить против одного решения академика, касающегося морского заповедника. Я ведь весьма нервный человек и не всегда сдерживаю свои эмоции. Тем более показательно, что Владимир Леонидович вполне адекватно прореагировал на мое эмоциональное выступление, после чего и я сохранил свое лицо руководителя заповедника, и он провел, скорректировав, свою линию. Свою книгу о морском заповеднике я посвятил Владимиру Леонидовичу. Это не только знак признательности неординарному и разностороннему человеку и ученому, но и моя благодарность за то, что он доверил мне столь ответственное дело – руководство очень сложной многофункциональной структурой, и все годы оказывал всяческую поддержку и лично мне, и заповеднику. Проезжая по Хасанской трассе, я всегда останавливаюсь на месте трагической гибели этого замечательного человека, где в его память установлена мемориальная плита...

Наша жизнь связана не только с яркими людьми, но и с яркими событиями. Нельзя не сказать несколько слов о многочисленных рейсах и экспедициях, тех, что были организованы институтом, и тех, в которых вклад сотрудников ИБМ был значительным. В некоторых из них мне довелось, нет, повезло участвовать. Напомним, что Институт биологии моря был образован в начале 1967 года как отдел, который с 1 января 1970 года получил статус института. И уже через два года после создания отдела на зверобойной шхуне «Крылатка» состоялась первая морская экспедиция вдоль Курильских островов для водолазной гидробиологической съемки. Руководил экспедицией Владимир Иванович Лукин, который, как и О.Г. Кусакин, был большим

энтузиастом изучения Курильских островов. В 1970 и 1971 годах работы были продолжены. Без сомнения, это весьма значимые события. Морская биологическая наука на Дальнем Востоке не просто случилась, но стала явлением. А литоральная экспедиция под руководством О.Г. Кусакина состоялась даже годом раньше экспедиции В.И. Лукина.

В конце 1974 года в юго-западную Пацифику отправился первый тропический рейс института на НИС «Каллисто» (совместно с Тихоокеанским институтом биоорганической химии). Этот рейс положил начало череде тропических экспедиций как морских, так и береговых. Их было немало. По материалам, собранным сотрудниками лаборатории Б.В. Преображенского в одной из них, я написал в 1982 году дипломную работу, а уже по собственным сборам в рейсе НИС «Академик Александр Несмеянов» (1987 г.) защитил кандидатскую диссертацию. Из четырех тропических рейсов, в которых мне довелось участвовать, выделил бы первый (1984 г.). Я тогда работал в еляковском институте. Первые впечатления от рифов и тропиков были ошеломляющими. Не буду добавлять эмоций и эпитетов – слово «ошеломляющие» все характеризует как нельзя лучше. Но особенно хотелось бы отметить рейс на Сейшельские острова (1989 г.). Этот рейс был ознаменован не только успешной работой специалистов ИБМ, но и продуктивным сотрудничеством с американскими учеными. Еще до рейса меня удивило отсутствие публикаций по кораллам Сейшельских островов. Казалось бы, туристическая Мекка, а ученые там не бывали. Объяснялось все просто: дорого. А вот СССР мог себе позволить такие затратные рейсы, да еще и американских ученых пригласить. Любопытно, что в это же время в порту Виктория рядом с нами встал НИС «Вулканолог» с командой Б.В. Преображенского на борту. Встреча была очень теплой, хотя ее и омрачили трагические события с некоторыми нашими специалистами. Но кораллы мы с Борисом Владимировичем успешно определили всего за одну ночь, вполне адекватный отчет правительству Сейшельских островов был предоставлен вовремя. По результатам работ нашей экспедиции в Смитсоновском институте (США) был также издан тематический выпуск (в журнале *Atoll Research Bulletin*). Сейчас такие выпуски по результатам рейсов стали обычным явлением (см., например, *Deep Sea Research, part II*), но 25 лет назад это было заметным событием.

Повторюсь, что запомнился этот рейс и трагическими событиями с нашими сотрудниками Ю.Я. Латыповым и Н.А. Латышевым. Специально заострять на этом внимания не буду. Скажу лишь, что

М.С. Горбачев обратился к Дж. Бушу. Прилетели американские военные специалисты по водолазному делу, врач-физиолог – люди остались живы. Был прием в американском посольстве. Виски, пиво, теплые разговоры. В общем, все очень мило, но и непривычно. Добавлю еще, что я должен быть третьим участником этих мрачных событий. Но, потянув мышцы спины при погрузке в бот, я отработал только одну станцию, а не три. Сильно болела спина. Это меня и спасло.

Тропические рейсы, даже на довольно комфортабельных научно-исследовательских судах, очень уж легкими не назовешь, но условия пребывания на борту можно считать достаточно комфортными: кондиционер, душ, чистое постельное белье, регулярное и разнообразное питание и т.п. А вот тропические береговые экспедиции – это настоящее испытание. В одной из них (1990 г.) мне довелось участвовать. Это были острова Байтылонг в Тонкинском заливе. Кто видел французский фильм «Индокитай», может наглядно представить себе красоту этих островов. Я был начальником экспедиции, но научную идеологию в значительной степени определял Юрий Яковлевич Латыпов. Рассказ об этой экспедиции может занять несколько десятков страниц. Здесь лишь скажу, что было очень непросто, но чрезвычайно интересно. Температура воды – выше 30° С, а воздуха – даже вспоминать не хочу. Но работа была захватывающей и необычной для меня. В целом же итогом может быть фраза: «Без сожаленья, что прошло, но с благодарностью, что было».

Может, кому-то покажется странным, но больше всего мне из моих морских экспедиций запомнился рейс на Курильские острова на НПС «Тихоокеанский» в 1987 году, возможно потому, что до этого я участвовал только в тропических рейсах по всему Индийскому океану и во Вьетнам. Не считите за пижонство, но рифы несколько приелись. Были удовлетворены и юношеская страсть, и желание своими глазами увидеть это буйство жизни, и потрясающие матиссовские краски рифа. А на Курилах суровая северная красота выплывающих из тумана островов, множество птиц, китообразных и ластоногих. Тралы приносили разнообразных рыб и беспозвоночных, о существовании некоторых из них я даже не подозревал. Все в новинку. Строго говоря, рейс был организован ТИНРО, но гидробиологическую группу составляли в основном сотрудники ИБМ, а возглавлял ее В.И. Лукин. Рейс был во многом уникальным, работали с обеих сторон островов, использовали трал, гребешковую драгу и дночерпатель «Океан» до глубин 1 тысяча метров. Это позволило получить очень яркое впечатление о многообразии и обилии жизни у Курильских островов. Был собран, без всякого преувеличения, уникальный материал. Какие-

то таксономические группы (кораллы, актинии, остракоды, мшанки и некоторые другие) были отобраны специалистами. Но жизнь зачастую наносит очень чувствительные оплеухи, и большая часть материалов пропала. Можете не верить, но некоторые люди (я, например) до сих пор переживают этот факт. Но столь яркое событие – этот рейс – остается в памяти до сих пор и совсем не меркнет.

В заключение хотелось бы сказать, что о каждом из названных мною людей и событий можно написать довольно много. Но я предпочел на этом ограничить себя. Возможно, другие авторы напишут более подробно и с бóльшим знанием дела. Я благодарен судьбе за то, что работа в институте сделала мою жизнь столь богатой на события и знакомства с замечательными людьми. Признаюсь: боюсь, что эти своего рода очерки могут выглядеть, как моя автобиография, и очень хотел избежать этого. Надеюсь, мне это удалось. Ведь история и жизнь нашего института гораздо шире, чем история и жизнь одного человека. О себе можно многое написать, но это интересно лишь ограниченному кругу людей.

Всем тем, кому я обязан или буду обязан, я хотел бы посвятить эти строки. Институт биологии моря – это явление, а его люди – это богатство.

Октябрь 2017 г.

КАМЧАТСКАЯ «РАДУГА»

Хронология становления и некоторые результаты

Владимир ОМЕЛЬЧЕНКО

*Если б снова начать,
Я бы выбрал опять
Бесконечные хлопоты эти.*
(Агранович Е.Д., 1964)

Научно-исследовательские работы по структуре природной популяции нерки *Oncorhynchus nerka* Walbaum, воспроизводящейся в бассейне озера Азабачье на Камчатке, восходят к самому началу семидесятых годов прошлого столетия. В соответствии с разработанным руководством Института биологии моря планом мы приступили к исследованию основных биологических и популяционно-генетических характеристик нерки, представленной в Азабачьем сетью относительно самостоятельных субпопуляций разных сроков хода и мест нереста.

Хочу вспомнить хронологию в разной степени значимых событий, в основном бытовых, связанных с началом наших работ на биостанции «Радуга». Организованная в лето семьдесят первого года «Радуга» и поныне функционирует, сместив акценты на учет заполнения нерестилиц производителями нерки и на подготовку молодых специалистов разных биологических профилей из вузов Петропавловска-Камчатского и Владивостока. Подобному ходу событий были объективные причины, связанные с наступлением «лихих девяностых», когда масштаб прежних полевых работ стал недоступным. В такие периоды истории приходится утешаться мыслью, приписываемой российскому императору Александру II, заметившему: «Ничто не создано Богом для вечности». К чести научных сотрудников лаборатории популяционной биологии рыб ИБМ, даже в трудные времена не прерывались наблюдения за динамикой численности азабачинского изолята нерки, что позволило поднять точность промысловых возвратов в одном из крупнейших нерестовых водоемов полуострова.

Время не остановить. Разбрелись по городам и весям большинство моих коллег – «первопроходцев» Камчатки.

Несправедливо рано ушли от нас отцы-основатели биостанции Станислав Максимович Коновалов и Юрий Петрович Алтухов. Идущим следом оставлены научные монографии и статьи, свидетельствующие об успехе комплексного подхода при решении поставленных задач. Итак, попробуем дать по возможности правдоподобную «летопись исторических событий», характеризующих биостанцию «Радуга» со времени ее основания.

О мотивах организации биологических станций в только что созданном Институте биологии моря догадаться не трудно – немалая часть его сотрудников была сориентирована на изучение тихоокеанских лососей, в первую очередь, их биологической и популяционно-генетической структуры. Руководство понимало, что наскоком этих проблем не решить, потребуются годы работы в условиях полевых стационаров, оборудованных для работы и жилья. Уже в 1968 году при отделе биологии моря Дальневосточного филиала Академии, предшественнике института, на Сахалине появилась биостанция «Сокол».

Статус института был придан отделу 1 января 1970 года, а в середине того же месяца меня вызвал заместитель директора Станислав Максимович Коновалов. Рядом с ним сидел наш завлаб Юрий Петрович Алтухов. Оказалось, что эти в ту пору мало кому известные кандидаты наук решали, где на Камчатке ставить стационар. Договорились быстро, поскольку их научные интересы оказались очень близки – Станислава Максимовича интересовало приложение общей теории систем к популяционной биологии, а Юрий Петрович был увлечен разработкой идеи системной организации популяций. После скоротечного, но обстоятельного обсуждения наших возможностей сошлись на Николаевке, фактическом пригороде правобережной части Усть-Камчатска, именуемом в просторечье деревней. Мне предстояло съездить в Николаевку, выбрать подходящие для базы дома и составить некий план будущей станции.

Получив такую «вводную», авиабилет до Петропавловска и «явки», которыми должен был воспользоваться в случае, если будет напряг с гостиницей, я в добром настроении, не отягощенный багажом, покатил во владивостокский аэропорт. Тут выяснилось, что по причине непогоды Камчатка вот уже девять дней закрыта. Но при регистрации на мой вопрос о времени вылета последовал лаконичный ответ: «Ваш вылет сегодня по расписанию». Видно, не обошлось без вмешательства Всевышнего – через пять часов я был в Елизово.

Устроиться в гостиницу в Питере (Петропавловске) помог не кто иной, как начальник Камчатского морского пароходства. Добиться аудиенции у столь высокого по должности человека стало возможно благодаря «верительной грамоте», которой предусмотрительно меня снабдил мой замдиректора. Так что до отлета в Усть-Камчатск я довольно комфортно прожил в каюте на «Николаевске», ошвартованном на зиму у морвокзала.

А что такое камчатский Питер после многодневного непрекращающегося снегопада? Захватывающее зрелище – вулканы. Совсем рядом. Три из них – Корякский, Авача и Козельского – кажется, высятся прямо в городской черте. Вилучинский – на противоположной стороне Авачинской бухты. Во время вынужденной пешей прогулки по городу отмечаю изобретательность питерцев, в силу обстоятельств проникающих в свои пятиэтажки через балконы второго этажа. Первый завален снегом по самый балкон.

Через три дня рейсовым АН-24, почти без приключений, добрался до Усть-Камчатска и, форсировав на катере протоку Нерпичью, вышел к пункту КО ТИНРО (ныне КамчатНИРО) на Комсомольскую, 149. В ту пору начальником пункта был Николай Серафимович Романов, ихтиолог, выпускник МГУ им. М.В. Ломоносова. Он очень тепло меня принял и толково объяснил, где эта самая Николаевка – предел моих устремлений. Путеводный знак был прост: «Иди по нартовым следам, они выведут». Погода утром – лучше и желать не надо: легкий морозец, безветрие, ослепительно белый снег, все вулканы как на ладони – три принадлежат к Ключевской группе, особняком стоит Шивелуч. Ключевская сопка и Шивелуч хорошо известны не только вулканологам, но и всем без исключения жителям полуострова – периодически они начинают «работать», и тогда окрестности покрываются приличным слоем вулканического пепла. Нартовый след отыскался, и я довольно скоро добрался до поселка. Как оказалось, поселок брошен, и получить какую-либо информацию просто не у кого. Самостоятельная рекогносцировка местности осложнялась по причине большого снега, некоторые дома завалены по печную трубу, а русло реки под снегом едва угадывалось. Налазившись по сугробам и неоднократно мысленно поблагодарив Николая Серафимовича за валенки, которыми он усилил мою экипировку, я все же нарисовал в полевом дневнике примерный план части поселка, пометив несколько домов вблизи реки как потенциально пригодных для обживания. С легким сердцем вернулся на Комсомольскую, где кроме Николая застал второго сотрудника пункта – Анатолия Крикливого. Мы быстро

подружились, он оказался обаятельным человеком с полным несоответствием натуры и фамилии. В ожидании вылета в Петропавловск я несколько дней прожил на пункте, периодически, с молчаливого согласия коллег, заходя в близлежащий продуктовый, где всегда *было*.

В первый же день по возвращению во Владивосток, вооружившись выстраданным планом и финансовым отчетом, я предстал перед командировавшим меня начальством. Но едва я раскрыл для доклада рот, надеясь поразить руководство тщательностью проведенной операции, как С.М. Коновалов сказал: «Давай подпишу авансовый отчет, а про остальное не надо. Мы тут с Алтуховым, пока ты терпел лишения, решили ставить базу не в Николаевке, а на протоке Азабачья, там целесообразнее. А что на Камчатку зимой слетал, долго помнить будешь». Максимыч оказался прав. Поскольку предложение о передислокации станции исходило от Коновалова, пионера популяционно-биологических исследований, уже имевшего опыт работы с камчатскими лососями в полевые сезоны 1969–1970 годов, оно было принято к исполнению. Кроме того, по его инициативе в существующую научную программу был включен раздел этологических наблюдений и паразитологических работ. Причем, целью последних являлся поиск паразитов, которые могли бы быть использованы как индикаторы мест нереста и районов нагула нерки. Так волей начальства начиналась «Радуга».

Весной того же 71-го приступили к организации первого крупного сафари на загадочную для большинства протоку. Сформировали два полевых отряда – один составили ихтиологи Коновалова, другой – генетики Алтухова. Исповедуя при сборах принцип: чтобы что-нибудь не забыть, заберем все, – загружаемся «профильным» оборудованием и под звуки марша «Прощание славянки» на «Советском Союзе», в ту пору пассажирском флагмане ДВМП, берем курс на Камчатку. Позже выяснилось – никакого балласта мы не привезли. Абсолютно всему нашлось применение. Через четыре с половиной дня входим в Авачинскую губу, взору открывается столица Камчатского края – Петропавловск. Перегружаемся со своим научным скарбом на одноименный теплоход, курсирующий по восточному побережью полуострова, и через сутки оказываемся на рейде Усть-Камчатска. Стоим в ожидании разгрузки, стараясь сквозь бесконечно морозящий дождь разглядеть землю обетованную. Холод и сырость не греют ни тело, ни душу. Каким-то образом на рейдовом катере к нам подходит наш коллега по цеху Валерий Павлович Бушуев. Своим колоритом (загар, окладистая

борода, черный штурманский плащ) прибывший меньше всего напоминает кандидата наук. Таким видом коллега обязан полуторамесячному пребыванию на Камчатке, в месте, предназначенном нашими «главкомками» под строительство биологической станции. Палыч взошел по трапу, и словно потеплело – свой человек встречает.

Наконец, сходим на баржу и вместе с разгруженным сюда же оборудованием отваливаем от судна. Преодолев бар, входим в реку и швартуемся к пирсу лесоперевалочной базы. В ожидании катера, который потащит нас вместе с грузом к выбранному начальством месту работы, осматриваемся. В моей памяти всплывает величественный зимний пейзаж, но под воздействием реальности быстро исчезает. Всплывает другое ощущение: «Ну и в дыру мы угодили». К вечеру выясняется, что катер будет завтра, поскольку фарватер Камчатки не оборудован световыми бакенами, и это делает плавание в темное время суток проблематичным. С надеждой на завтра берем свои «научные» спальники и перебираемся под крышу тинровского пункта.

На следующий день пополудни переходим на другую баржу, как оказалось, груженую заранее купленными стройматериалами для существующей пока только в мечтах биостанции, и вверх по Камчатке. Наш капитан (память сохранила только его имя – Саша), старый морской волк лет двадцати пяти, взял груженую строительным лесом баржу «под борт». Однако скоро из-за медленного хода «связки» (мы не успели миновать даже акваторию поселка) он от этой идеи отказался. И мы на ходу стали менять способ буксировки. На этот раз баржа шла на длинном буксире. В результате предпринятых манипуляций буксировочный трос провис и ушел под воду. Баржа тут же потеряла управление и понеслась почти поперек реки, напрямик на правобережный дебаркадер. При взгляде на быстро выходящий из воды трос, проносится мысль: торпедирует баржа дебаркадер или Бог милует? В неведении пребывали недолго. Удар пришелся в козырек крыши дебаркадера, и небольшая ее часть, раскачиваясь, повисла на случайном гвозде. Наткнувшись на препятствие, под действием сильного течения вдоль правого берега Камчатки и тягового усилия катера, баржа развернулась и ринулась к противоположному берегу. Однако мастерство капитана оказалось на высоте, и вскоре наш мини-караван упрямо и без происшествий пошел в район Нижнекамчатска.

Но прежде чем мы отошли от переживаний за судьбы атакованной пристани и собственного груза, на палубе дебаркадера появился человек в телогрейке поверх тельняшки, по колориту и поведению весьма походивший на нашего капитана Сашу. Он хорошо

поставленным голосом вслед нашему каравану внятно объяснил, кто мы такие и на что годимся. Нельзя сказать, что мы абсолютно молча проглотили адресованные нам эпитеты. Ответ нашего капитана в адрес начавшего дискуссии сухопутного «морского волка» был скорым и выдержанным в предложенном стиле общения.

Через несколько часов без особых приключений входим в протоку Азабачью и швартуемся к двум растущим на берегу кустам. При взгляде на берег становится ясно, что наш городской «прикид» уместно спрятать до лучших времен. Что мы и делаем, надевая болотники и желтые рыбацкие куртки. После небольших посиделок с аборигенами (нашими коллегами, приехавшими ранее) начинаем разгрузку, которую приостанавливаем уже в густых сумерках. Процесс возобновляется следующим утром и, наконец, полностью заканчивается. Пустой плашкоут направляется по месту прописки, в «Устья».

Поражает гора привезенного нами скарба. Здесь и разнообразный стройматериал (брус, доски, гвозди, кирпич, стекло и т.п.), плавсредства (несколько «Прогрессов» и «Казанок» с булями для остойчивости), несколько весьма комфортных (с утеплителями) палаток, добрый десяток новеньких «Вихрей-20», в ту пору самых скоростных отечественных подвесных моторов. И еще, и еще... но, опять убеждаемся, ничего лишнего. Утром на третий день пребывания заложили первый сруб. С молчаливого согласия всех он оказался банным. Такое единодушие было неслучайным – «Радуга» всегда радела за чистоту своих рядов в прямом и переносном смысле.

Пришло время оценить доставшееся нам от прежних владельцев (гидрометеослужбы) и привязать к местности план строительства «представительства Института биологии моря на Камчатке». Наследство воображение не поражало. Лишь один из трех объектов недвижимости мог бы еще послужить. Нельзя сказать, что итоги проведенной ревизии нас сильно вдохновили, но они, безусловно, способствовали форсированному строительству остро необходимых нам жилых и рабочих помещений. Не позволяло расслабляться и то обстоятельство, что нерестовый ход нерки в Азабачье был не за горами. А ведь ради этого события мы и предприняли столь не простую экспедицию. Чтобы как можно меньше отвлекаться от нашей главной теперь работы – строительства светлого будущего, мы весьма быстро создали необходимый прожиточный минимум: поставили палатки, оборудовали кухню, реанимировали старую баню. Наш «рыбодобывающий флот» швартовался к временному пирсу. В первый полевой сезон самые большие неприятности и трения возникали из-за отсутствия

постоянного (а поначалу и временного) электроснабжения. Если у наших коллег-ихтиологов периодическое отсутствие света не влияло на рабочий процесс (померить и подсчитать необходимые параметры рыб при затянувшемся анализе можно и при свечах), то без электричества об электрофорезе белков или о постоянной работе холодильников говорить не приходилось. Наша первая электростанция – особая песня. Знаменитый 10-киловаттный дизель-генератор с тлеющими запальными фитилями, с разработанной нами системой охлаждения, которая состояла из доброго десятка соединенных между собой металлических бочек. После такой модернизации этот энергогенерирующий мастодонт вполне был достоин Книги рекордов Гиннесса. Правда, жизнь омрачалась отсутствием постоянного источника солянки для нашего рукотворного чуда. По большей части ее приходилось добывать с проходящих катеров, останавливавшихся на ночлег в устье протоки. Надо сказать, что катерники с пониманием относились к нашим нуждам, отказывали редко. Тем более, если взаимопонимание сопровождалось обменом «продуктом».

Несмотря на организационные сложности, связанные с обустройством станции, и дефицит времени, мы успели создать к началу нерестового хода нерки относительно комфортные условия для экспериментальных работ по теме. Хотя комфортные условия были относительными – наша первая лаборатория располагалась в старом деревянном доме. Рассохшиеся бревенчатые стены позволяли без особого напряжения общаться с находящимися снаружи, не выходя из помещения. Поэтому комары, в изобилии в любую погоду проникающие в дом сквозь щели, отравляли наше существование. Спасительное средство – тлеющий пиретрум. В безветрие из-за пиретрумного дыма, выходящего из тех же щелей, лаборатория, наверное, смахивала на действующую коптильню.

Во второй полевой сезон появилась новая электростанция, с которой почти не было проблем, и более-менее постоянный источник солянки. Силами самих сотрудников были построены дом для лаборатории генетики, где было все необходимое для успешной работы, большая лаборатория популяционной биологии, общежитие с каминным залом-столовой. Позднее возвели дом для коменданта станции и двухквартирный дом для «верховного руководства». Последний, по мнению большинства, претендовал на «пять звезд» по причине наличия в нем водопровода и «удобств» под крышей. Студенческая молодежь, количество которой значительно возросло уже к третьему сезону, желая жить «как белые люди», самостоятельно

выстроила для себя особняк на четырех хозяев с автономной кухней. Вода подавалась на общественную кухню и в лаборатории от стоящих на плаву насосов, а у нового пирса ошвартовался недавно приобретенный водомет КС-100А – флагман нашей mosкитной флотилии.

Не все упомнишь, но даже неполный перечень перемен, произошедших в столь короткий срок на «Радуге», свидетельствует: нет, не ленились «академики» первого эшелона, взявшие на себя трудности освоения новых мест. Справедливо будет отметить, что во все времена подавляющая часть работ по строительству, налаживанию быта и отлову необходимой для анализа нерки приходилась на сугубо мужской отряд коноваловских ихтиологов, возглавляемых Александром Григорьевичем Шевляковым. Лишь лаборатория генетики от фундамента до конька – плод общих строительных усилий генетического отряда. И тут не могу не отметить многогранного таланта Валерия Павловича Бушуева. Его способности проявлялись во всем – в строительстве, проведении ЛЭП, ремонте электростанции и подвесных моторов и во многом другом.

Несколько слов об окружающем нас ландшафте и нашем озере. В отличие от уныло-туманного пейзажа Усть-Камчатска, откуда начинался наш путь по реке Камчатке, к Азабачьему озеру природа существенным образом меняется: редет и скоро исчезает туман, становится теплее, и зеленеют берега. Река с каждым километром становится спокойней, хотя опасность словить топляк не исчезает до самого входа в нашу протоку – правый приток в нижнем течении Камчатки. Ровно напротив, по левому берегу, в реку Камчатку впадет река Радуга, чье имя мы присвоили нашей научно-исследовательской базе. По реке Радуге и берегам живописного озера Красюковского раскинулся Нижнекамчатск. Бывший каторжный острог, отмеченный еще Степаном Крашенинниковым, первоописателем Камчатки. На момент нашего знакомства с ним он представлял собой заброшенный поселок, в котором обитали лишь два телефониста, обеспечивающие связь с внешним миром. Наша научная база занимала небольшое пространство по правому берегу протоки, соединяющей озеро с рекой. В 1985 году озеро Азабачье получило статус памятника природы и в период анадромного хода лосося охраняется специальным постом.

Стратегически место оказалось удачным – несмотря на периодически низкую воду к нам без особого труда проходили баржи с различными грузами и топливом. В свою очередь, нам, знающим все подводные кочки, при нашем маломерном флоте пройти на работу в озеро особого труда не составляло. Но главное преимущество

Азабачьего, основного нагульно-нерестового водоема в бассейне реки Камчатки, выбранного нами в качестве модельного водоема, состояло в экологической многообразии разных его участков. Такая картина позволяла предполагать наличие здесь генетически различающихся субпопуляций нерки, приуроченных к нерестилищам с различными физико-химическими и гидрологическими режимами и разному времени нерестового хода производителей весенней и летней рас. Эти предположения оправдались.

Полученные уже в семидесятые годы результаты позволили вскрыть биологическую и генетическую структуру популяции нерки озера Азабачье и показать, что генетический полиморфизм может быть непосредственно связан с биологической и экологической структурой изолята. Было установлено, что генетические различия между субизолятами (субпопуляциями) определяются не только случайными процессами дрейфа и миграции генов, но и отбором, т.е. полиморфизм исследованных генов имеет адаптивное значение. Это дало основание предполагать (Алтухов, 1989), что исследованные гены маркируют адаптивную генетическую систему нерки и ее связь с внутривидовой дифференциацией по таким полигенным признакам, как пол, возраст, скорость созревания и роста. Детальный анализ всей совокупности полученных популяционно-генетических данных позволил заключить, что стадо нерки озера Азабачьего представляет собой иерархически структурированную популяционную систему относительно изолированных и дифференцированных друг от друга компонентов (субизолятов), адаптированных к разнообразным условиям среды обитания. Это является основой устойчивого существования, воспроизводства и продуктивности стада.

Из сопутствующей основной работе по нерке стоит упомянуть исследования по камчатским гольцам (род *Salvelinus*). Об их результатах отсылаю читателей к публикациям Глубоковского (1977, 1995), Омельченко (2005), Салменковой, Омельченко (2013).

Неумолимое время сделало «невыездными» первую волну одержимых Камчаткой специалистов. Но была вторая, третья... Хочется надеяться, не последняя. Еще много тех, кто помнит школы по популяционной биологии, первую из которых проводил С.М. Коновалов, а вторую М.К. Глубоковский. Участие в экспедициях на «Радуге» стало важной ступенью в дальнейшей научной судьбе для многих. Так, Валерий Александрович Паренский ныне заведует лабораторией в ИБМ ДВО РАН (Владивосток). В таких же должностях трудятся Владимир Иванович Островский и Сергей Федорович Золотухин в Хабаровском

филиале ТИНРО. Еще один «выпускник» «Радуги», Евгений Александрович Шевляков, – директор КамчатНИРО (Петропавловск-Камчатский). Некоторые из прошедших «Радугу» ихтиологов – сотрудники ТИНРО-центра (Владивосток), флагмана российской рыбохозяйственной науки на Дальнем Востоке, а работавшие на «Радуге» генетики Елена Александровна Салменкова, Галина Дмитриевна Рябова, Александра Юрьевна Новосельская-Драгович – Института общей генетики РАН (Москва).

Среди биологических научных учреждений немногие в состоянии провести конференцию, способную привлечь внимание ученых доброго десятка стран. Полевые условия многократно усложняют организацию подобных совещаний. Возникают дополнительные проблемы с доставкой участников и «накладки» в связи с режимностью территорий. Все эти препятствия (как обычные в таких случаях, так и непредвиденные) были преодолены организаторами симпозиума международного общества фанатов гольцов, проведенного летом 1998 года на биостанции «Радуга». В нем приняли участие около пятидесяти ученых из Финляндии, Норвегии, Швейцарии, Австрии, Ирландии, Франции, США, Канады и России.

Материалы основных исследований по нерке Азабачьего озера вошли в докторские диссертации С.М. Коновалова и Ю.П. Алтухова, в кандидатские диссертации В.Т. Омельченко, В.П. Бушуева, А.Ю. Новосельской, Л.И. Ильиной и других, в монографии С.М. Коновалова, Ю.П. Алтухова и др.

Начальник биостанции – Михаил Юрьевич Ковалев, сотрудник ИБМ, ихтиолог, кандидат биологических наук, прекрасный фотограф Камчатки, проживает на станции «от ледохода до ледостава». С благодарностью вспоминаем его гостеприимство на «Радуге», где довелось побывать в августе 2008 года вместе с Е.А. Салменковой и Евгением Шайхаевым, тогда еще аспирантом Института общей генетики. Совсем маленький коллектив во главе с руководителем лаборатории популяционной биологии В.А. Паренским устроил нам дружеский прием.

Сентябрь 2005 г.

ИНСТИТУТ, К КОТОРОМУ, КАЖЕТСЯ, ПРИРОСЛА ПУПОВИНОЙ От Дальних Зеленцов до залива Петра Великого Луиза ПРОПП

Алексея Викторовича Жирмунского я впервые увидела в 1963 году в лагуне Буссе на Сахалине, куда попала с мужем Михаилом Проппом в составе экспедиции ленинградского Зоологического института под началом Александра Николаевича Голикова. Навстречу нам, увязая в песке, шел человек с ведерком и вместо приветствия (а мужа он знал, поскольку тот ранее вел курсы аквалангистов в Институте цитологии, где работал А.В.) очень увлеченно стал нам показывать улов и развивать темы будущих работ. Кстати, дно лагуны было сплошь заселено крупными устрицами так, что некуда было поставить ногу...

В 1957 году я окончила кафедру катализа Ленинградского университета, получив специальность химика-органика. В том же году вышла замуж за студента того же факультета Михаила Проппа. После рождения сына начала работать в Институте высокомолекулярных соединений АН СССР под руководством Ирины Александровны Арбузовой, дочери известного казанского химика Александра Ерминингельдовича Арбузова. Основным своим достижением в стенах института считаю синтез нового мономера с четырьмя двойными связями для получения высокопрочных термоустойчивых полимерных материалов для космической промышленности. В 1964 году по приглашению Владимира Онуфриевича Мохнача перешла в химическую лабораторию лекарственных веществ Ботанического института. Мой шеф оказался весьма неординарной личностью. В начале 30-х годов он переехал из Ленинграда во Владивосток, работал научным сотрудником Дальневосточного филиала АН и на кафедре органики в университете до ареста в 1937 году. После освобождения вернулся в Ленинград. Имел степень доктора биологических наук. В Ботаническом институте заинтересовался свойствами йодиола – соединения растворимого поливинилового спирта и йода, обратив внимание на то, что как искусственный, так и природный полимер (крахмал, т.е. амилоза) имеют синий цвет. И поскольку из своего лагерного опыта он знал, что крахмал в соединении с йодом имеет лечебный эффект, то естественно было предположить, что йодиол также может стать полезным в лечебной практике. Так и оказалось – широко развернутые работы в ленинградских

клиниках по исследованию лечебных свойств йодиола привели к внедрению в фармакопею эффективного антисептика. Последний в виде раствора по 100 миллилитров продается в аптеках. К сожалению, только для лечения ангины, хотя его применение дает хорошие результаты при лечении стоматита, цистита, конъюнктивита, ран, обморожений, ожогов и др. Одной из моих задач стала разработка метода определения сроков действия препарата. Это было условием внедрения в фармакологический список препаратов. В результате исследований нами был получен патент Комитета по изобретениям.

По семейным обстоятельствам в 1967 году я выехала к месту работы мужа в Мурманскую область, на станцию Дальние Зеленцы. Была крайне удивлена, что название станция означало вовсе не станцию, т.е. населенный пункт на железной дороге, а становище на берегу моря, на вид – богом забытое место без сносных жилищных условий, позволяющих забрать с собой малолетнего сына. Не порадовал меня и климат. Я была принята сотрудником в гидрохимическую лабораторию Мурманского морского биологического института Кольского филиала АН СССР, которой руководил орнитолог Александр Николаевич Головкин. На его помощь рассчитывать при выборе научной темы не могла. В те годы большой интерес вызывали исследования метаболитов в морской экосистеме. Интуиция многих гидробиологов подсказывала, что эти растворенные в воде органические вещества участвуют в общем биологическом круговороте. Собранные факты подтвердили эту догадку. Таким образом, биология моря подошла к представлению о биохимии морских сообществ. Стимул к изучению экологической биохимии был мною получен от знакомства с работами сотрудников Института биологии южных морей, с которыми наш институт поддерживал тесные контакты. Особенно выделялся среди них своей эрудицией Кирилл Михайлович Хайлов, некоторое время работавший в Кольском филиале. Его монография «Экологический метаболизм в море» до сих пор не потеряла своего значения. Я выбрала тему по изучению витамина В₁₂ как одного из трех, необходимых для роста многих видов водорослей и некоторых бактерий. Ранее было показано, что некоторые из них являются абсолютными ауксотрофами, т.е. не могут развиваться без присутствия витаминов в среде.

Мои наблюдения в водах Баренцева моря в течение года с промежутком в две недели подтвердили *in vivo* гипотезу, согласно которой сукцессия водорослей контролируется запасами витаминов в среде. Проще говоря, по мере увеличения зимних запасов витамина в среде начинается рост ауксотрофных видов, в основном диатомовых. По исчерпанию запасов эти виды заменяются другими, не испытывающими в

нем нужды или требующими для роста другой витамин. В процессе исследования была разработана методика микробиологического определения витамина с применением смолы для концентрирования витамина и последующего перевода в дистиллированную воду, пригодную для роста тест-организма. И тут для подбора смолы мне очень пригодился опыт работы в Институте высокомолекулярных соединений.

В 1974 году моего мужа пригласили на работу в Институт биологии моря ДВНЦ АН СССР, и мы переехали во Владивосток. При этом А.В. Жирмунский предупредил Михаила Владимировича, что супружеские пары не могут работать вместе в одной лаборатории, что было затруднительно для моего понимания. Препятствие удалось преодолеть ценой формального «обмена женами» завлабов Касьянова и Проппа. В лаборатории экспериментальной гидробиологии начались интенсивные работы по разработке гидрохимических методов в приложении к гидробиологическим исследованиям. Наибольшее удовлетворение принесла нам разработка улучшенной методики определения нитратов в морской воде. Принятый в гидрохимической практике способ требует применения больших количеств мелкодисперсного кадмия и больших объемов пробы, тогда как в предложенном нами объем пробы составляет всего 10 миллилитров, практически не загрязняет сливные воды, т.е. окружающую среду, и обходится без применения хрупких стеклянных сосудов, что ценно при качке в экспедиционных условиях. Метод прошел методологическую проверку, освоен и применяется в ряде организаций.

В 1985 году нашла время вернуться к прежней теме по витамину, получила дополнительные данные по его содержанию в разных объектах и защитила диссертацию «Витамин В₁₂ и некоторые микроэлементы в продукционном цикле прибрежной зоны моря». Специалистов для приглашения в качестве оппонентов по теме в стране не было – мои коллеги, с которыми я состояла в переписке, были сосредоточены в Токио, Марселе и Сан-Диего. Однако защита прошла гладко, и очень приятно было услышать отзыв оппонента Олега Григорьевича Кусакина, который высоко оценил диссертацию и советовал не затягивать в будущем с защитой докторской на ее основе. Но в «будущем» планы резко изменились. Пошла полоса экспедиций, начало которым положил незабываемый рейс в 1979 году на НИС «Каллисто» в Южно-Китайское море с заходами в Нячанг (Вьетнам) и Сингапур. Руководил экспедицией Эдуард Антонинович Титлянов. Только перечисление всех последующих рейсов заняло бы много строк. Упомяну самые длительные, продолжительностью по 4 месяца – в 1981, 1982, 1984 годах в районы всех океанов, на судах «Академик Курчатов» и «Дмитрий Менделеев». В рейсах участвовала по приглашению руководства Института океанологии

АН СССР. Научный руководитель рейсов академик Михаил Евгеньевич Виноградов, выдающийся биолог страны, был увлечен идеей получения целостных структурно-функциональных характеристик всего сообщества видов и групп с целью построения динамических моделей экосистем пелагиали. Для этого исследованиями были охвачены все основные элементы экосистемы – как абиотические, в частности концентрации кислорода и биогенных элементов, так и биотические (все размерные группы планктона). После каждого рейса Михаил Евгеньевич заботился о выпуске сборника по результатам экспедиции. Мои данные описаны в сборниках «Фронтальные зоны юго-восточной части Тихого океана», «Экосистемы восточных пограничных течений и центральных районов Тихого океана», «Экосистемы субантарктической части Тихого океана».

Затем пошла полоса очень продуктивных рейсов нашего института на судне «Александр Несмеянов» в район Сейшельских островов с Э.А. Титляновым; рейсов под руководством Виталия Георгиевича Тарасова в 1985–90 годах по исследованию экосистемы бухты Кратерной на Курилах и изучению гидротермальных подводных просачиваний в активных зонах близ тектонических разломов. Результаты этих исследований, как известно, оказались весьма впечатляющими, они высоко оценены и хорошо освещены в литературе.

Чтобы не утомлять читателя, ограничусь неполным перечислением исследований с моим участием в морских экспедициях: во Вьетнам (неоднократно); в Сахалино-Курильский регион для изучения сезонных вариаций соединений биогенных элементов и продукционных характеристик, с особенным вниманием к заливу Анива (2001–2002 гг.); очень драматичный рейс на списанном крохотном МРТ «Ауга» вместе с сотрудниками ТОИ ДВО РАН – в море Лаптевых в 2005 году. Двигатель часто ломался, и это в условиях полярной осени, при сильном волнении моря. Вскоре после возвращения в гавань Тикси «Ауга» благополучно утонул. Одним из увлекательных и последних впечатлений было участие по новой для института теме в рейсе НИС «Академик Лаврентьев» в 2013 году – в гидротермальные районы Охотского моря с глубоководной аппаратурой для дистанционных исследований газоносных участков дна с просачиваниями растворов из разломов на дне моря. Основные тяготы по проведению незаурядного рейса и получения результатов легли на сотрудников ИБМ Виктора Вадимовича Ивина и Виталия Андреевича Денисова и группу технического обеспечения.

Нынче на своем великовозрастном рубеже вошла в завершающий этап работы в родном институте, к которому, кажется, приросла пуповиной. И в самом деле, доколе?

ВСЕГДА ОСТАВАЛИСЬ ПОЛНЫЕ ЭНЕРГИИ

Александр ПУДОВКИН

Мой сокурсник по биолого-почвенному факультету Ленинградского университета Владимир Касьянов в марте 1971 года уехал во Владивосток работать в ИБМ и обещал присмотреть местечко и для меня. Сам я тоже старался найти место работы во Владивостоке, но больше надеялся на тамошний университет и вел переписку с заведующим кафедрой физиологии животных К.А. Абрамовым. Потом разговаривал с Николаем Николаевичем Воронцовым, в то время директором Биолого-почвенного института. Он мне посоветовал поговорить с Юрием Григорьевичем Рычковым, который работал на кафедре антропологии МГУ и собирался во Владивосток, чтобы организовать в БПИ лабораторию генетики человека. Но эти попытки ни к чему не привели – мне не понравились ни Абрамов, ни Рычков.

Примерно в мае того же года я собрался поехать на конференцию в Москву (из Ленинграда). Касьянов попросил меня зайти в гостиницу к А.В. Жирмунскому – он находился тогда в Москве, взять у него какую-то бумажку. Я позвонил Алексею Викторовичу и пришел к нему в номер. Он меня встретил по-деловому, но вполне любезно. После того как передал мне нужную бумажку, спросил, кто я и где работаю. Я сказал, что окончил кафедру физиологии человека и животных ЛГУ (эту же кафедру окончил и А.В. в 1950 г.), а сейчас хотел бы заняться генетикой человека и переехать во Владивосток. «А генетикой рыб или других морских животных не хотите заняться? А то приезжайте к нам в институт», – сказал Жирмунский. Я ответил, что подумаю и напишу ему. Алексей Викторович понравился тогда мне приветливостью, деловитостью и полным отсутствием начальственной чванливости.

И вот в июле 1971 года я приехал на «смотрины» в Институт биологии моря и был сразу отправлен на биостанцию «Восток», которая переживала свой второй год существования. Не могу не упомянуть и квартиру 35 в доме 159б по проспекту Столетия, где я провел несколько дней до отъезда на «Восток». В этой 2-комнатной квартире (общей площадью 42 кв.м) был прописан и жил Володя Касьянов и еще 25 человек (да, да – 25!). Тогда в четырех домах под общим номером 159 было много квартир-общежитий всех институтов

ДВНЦ АН СССР. Спали на пяти кроватях и на полу. Когда утром вставал с кровати (если повезло вечером улечься на кровать!), то рисковал опустить свои ноги на чью-нибудь голову. Но поскольку летом все, в основном, были на «Востоке», то перенаселенность не была непереносимой.

Биостанция «Восток» представляла собой что-то похожее на молодежный туристический лагерь. Жили в палатках, а лаборатории помещались в прорабских деревянных будках (примерно 4х6 м). «Население» состояло из сотрудников ИБМ, студентов-практикантов и аспирантов из ДВГУ и многих других университетов страны. Было много научных сотрудников, приглашенных (как и я) на полевой сезон из институтов Москвы и Ленинграда. Все были молодые, веселые и красивые, полные энергии и надежд.

На постоянную должность в ИБМ я был зачислен в ноябре 1971 года, а насовсем приехал во Владивосток в марте 72-го. Отлично помню, как вошел в комнату №209 в Геологическом институте (тогда большинство владивостокских институтов научного центра квартировали у геологов). Это был и кабинет директора, и бухгалтерия, и отдел кадров, и канцелярия. У каждой службы был свой стол или секретер, и у директора тоже. Я вошел – тощий, скромный 31-летний м.н.с., а навстречу мне с протянутой рукой и улыбкой – директор Алексей Викторович Жирмунский. «С приездом, – сказал он, – сначала к Лидии Ивановне, разберитесь с документами, а потом поговорим». Таким приемом я был приятно удивлен. До этого я был аспирантом, а потом работал мэнэссом в Физиологическом институте при биолого-почвенном факультете ЛГУ. Ленинградский университет – гигантское учреждение. М.н.с. там – это «пролетарий умственного труда», мелкая сошка, букашка, с которой даже при наличии бумажки никто особо разговаривать не будет. Свой профессор, заведующий кафедрой – да, это вполне доступно; чиновный люд в деканате или в дирекции института не будет разговорчив, а ректорат вообще недоступен для посещения. Поэтому приветливая реакция директора ИБМ меня очень удивила и очень расположила к Алексею Викторовичу. И это расположение, уважение и симпатию к АВ я сохранил до самого конца его жизни.

О нашей молодости, простодушии или даже наивности говорит такой эпизод. Мы всей лабораторией генетики 30 декабря 1972 года отметили наступление года нового. Это происходило в 526-м кабинете Геологического института. К этому времени я уже хорошо познакомился со всеми сотрудниками, побывал в 2-месячной экспедиции на биостанции «Радуга» на Камчатке. Мы здорово выпили,

было этакое разудалое настроение, и расходиться не хотелось. Кому-то (боюсь, что мне) в голову пришла идея – пойти поздравить Алексея Викторовича. И вот мы всей компанией (по-моему, там были Валерий Бушуев, Владимир Омельченко, Роман Викторовский, Владислав Слынько, Юрий Картавцев и я) отправились к дому 100а по проспекту Столетия, где жил тогда Жирмунский. Алексей Викторович был несколько удивлен и озадачен нашим появлением, но приветлив и радушен. Нашел бутылку (или две?) вина, и наше посещение прошло очень удачно – мы совсем не заметили его озадаченности. Потом, вспоминая этот визит, я думал, насколько же демократичным, тактичным и дружелюбным был Алексей Викторович.

Биостанция «Восток» имела еще одну функцию – принимать иностранных ученых, поскольку Владивосток оставался закрытым городом. Чтобы «показать» дальневосточных коллег иностранцам, их тоже привозили на «Восток». Какое-то время в мои обязанности на «Востоке» входило опекание иностранных гостей (и других VIP-персон). Летом 1981 года «Восток» посетил Тур Хейердал. Прогуливаясь с ним в ожидании обеда, мы пошли в бухту Прибойная. Я рассказывал гостю, что маленькая, заросшая водорослями бухточка, по берегу которой мы шли, называется Тихая заводь. На это он мне сказал: «А, вик? Вы знаете слово викинг?» Я ответил, что, конечно, знаю. Так вот, объяснил мне Тур, бухточка в куту залива по-норвежски может называться «вик». Почему? После окончания летних сельскохозяйственных работ норвежские крестьяне собирались в таких бухтах и готовились к морскому путешествию. Потому их называли викингами. Я совсем не уверен в правильности такой этимологии слова «викинг», но думаю, что мнение Тура Хейердала заслуживает внимания. Пусть и мало приложимо к нам, хотя мы тоже своего рода путешественники.

«ПРЕОБРАЖЕНЦЫ, ВПЕРЕД!»

Вячеслав САВРУЕВ

В моей жизни ИБМ появился в январе 1976 года. Тогдашний декан биофака ДВГУ, куда я поступил летом 75-го, Валерий Александрович Кудряшов собрал тех, кто в первом семестре помогал старшекурсникам разбирать гидробиологические пробы, чтобы рассказать об интересе ряда лабораторий института к активным студентам и желании взять их «в работу» для дальнейшего трудоустройства в ДВНЦ.

Распределились в лаборатории гидробиологии, биохимии, цитологии, генетики. Напоследок Валерий Александрович огласил заявку на студента, владеющего английским языком. Почти все отвели глаза в сторону... Кудряшов мне и говорит: «Ну что, Савруев, говорят, у тебя хорошо с английским?» – Я робко кивнул, потому как действительно – для того времени! – у меня был определенный языковой запас, искренний интерес и отсутствие страха перед иностранным языком (спасибо родителям-переводчикам!) – Тогда пойдешь в лабораторию тропических морей, к Преображенскому. Они в бараке на Академической сидят». Я прекрасно помню тот солнечный зимний день, когда вышел из троллейбуса на «Академической» (там еще телефонная будка стояла) и пошел через лес вниз по протоптанной тропинке, в барак. Так в моей жизни сопляка-первокурсника появилась «наука» и на сорок(!) лет – мой воистину великий учитель Борис Владимирович Преображенский, ушедший из жизни 21 января 2016 года.

Я довольно быстро почувствовал себя членом лаборатории, занял в ней полагающуюся нишу очкарика-студента, искренне уважающего старших товарищей и готового научиться у них многим полезным вещам. Закончил в ДОСААФ курсы водолазов-совместителей (так мудрено назывались тогда те немногие, которых сегодня гораздо больше, и зовутся они дайверами), перешел на индивидуальную программу обучения, с заменой некоторых биофаковских дисциплин геологией, теорией симметрии, логикой.

В августе 1979 года поучаствовал в 14-м Тихоокеанском научном конгрессе в Хабаровске, где мне достались все бумаги – с пригласительными на банкеты и картой(!) Хабаровска, приготовленные для какого-то не приехавшего японского ученого. Уважаемый мною Александр Иванович Пудовкин говорил потом своим сотрудникам: «На

конгрессе в Хабаровске был студент Преображенского, очень довольный собой». Я с удовольствием смеюсь над такой, абсолютно верной, хоть и ироничной, оценкой! Я действительно был по-студенчески счастлив! Я знал, что в следующем году получу распределение в Академию наук и уже нагло чувствовал себя сотрудником Института биологии моря. Так что первая запись в моей трудовой книжке сделана 27 октября 1980 года красивым почерком Лидии Ивановны Апухтиной: «Зачислен на должность стажера-исследователя в лабораторию тропических морей». Я тогда позволял себе шутить: «Называйте меня просто: исследователь тропических морей». Чувствуете романтику?

Не буду вспоминать научную составляющую тех лет моей жизни, а предложу вниманию читателя несколько, пусть фривольных, зарисовок, что сохранились в памяти. В моем семейном архиве есть записка от Алексея Викторовича Жирмунского, которой он сопроводил свои комментарии к сделанной мною аннотации трудов какого-то международного симпозиума по иглокожим. Я только пришел в институт (сопляк же!), а меня приглашает уважаемый директор, усаживает в кресло и делится своими соображениями по поводу моего перевода с английского и аннотации, которая потом была опубликована (всего 10–12 строк) в журнале «Биология моря». Борис Владимирович был очень горд! А я-то как! Правда, рядом лежит записка от Преображенского, где он меня корит за то, что я бегаю от Тертычного и Лобова (т.е. со стройки нового здания института) с суровой фразой: «Начало плохое. Срочно исправляй положение. Народ злопамятный».

Меня не покидало ощущение, что я работаю рядом с огромным количеством очень интересных, ярких людей! Конечно же, Преображенский! А еще Кусакин, Кафанов, Пудовкин, Васьковский, Шорников, Левин, Лукин, Титлянов, Пропп, молодые Фадеев, Тарасов, Валера и Володя Брыковы и многие другие! В моем первом «колхозе» я жил в палатке с тогдашним мэнээсом Мишей Глубоковским. Между нашими спальниками на земле стояла молочная фляга с поставленной брагой. Старшие товарищи из водолазов и инженеров доверяли нам, яйцеголовым, регулярно взбалтывать флягу и катать ее. Тогда я впервые услышал нежное название дрожжей – «наши маленькие друзья».

Сдаю кандидатский экзамен по английскому. Комиссию возглавляет Олег Григорьевич Кусакин. Экзамен длинный, с перерывом, во время которого я оказался за праздничным столом по случаю защиты диссертации Валерой Брыковым. Разумеется, с «принятием на грудь». В хорошем оживленном настроении возвращаюсь на экзамен, как раз на его разговорную часть. Любой согласится, что некоторое количество

принятого алкоголя очень способствует разговорному английскому. Ну, меня и понесло... Довольно скоро члены комиссии остановили мое иноязычное красноречие, спросив, где я так выучил язык. Так это же отдельная история! Я сказал, что с удовольствием учил язык по текстам песен «Битлов» и «Аббы» и предложил их спеть. Вы видели бы хитро довольное лицо Олега Григорьевича! Когда через некоторое время я сдавал кандидатский экзамен по французскому, во главе комиссии опять оказался Кусакин. Он не забыл моего прошлого «концерта» и спросил: «Английский ты с водкой сдавал. А французский, небось, с коньяком?»

Не могу не вспомнить свою первую (из очень немногих, к сожалению) встречу с Леонидом Сергеевичем Гликманом. В коридоре общежития на Кирова, 62 я ждал своего приятеля, живущего на четвертом этаже. Глиша (так звали между собой Гликмана) спрашивает, кто я такой? Говорю с гордостью, что стажер лаборатории тропических морей. «А... преображенская сволочь! Заходи!» Было много интересных разговоров о литературе и вкусного портвейна. Я дорожу автографом Леонида Сергеевича на листке с одним из его «ядовитых» стихков про А.В. Жирмунского.

...Мой первый «срок» в ИБМ закончился 1 марта 1982 года. Неприязнь (назовем это так) между Жирмунским и Преображенским зашла настолько далеко, что встал вопрос об уходе нашей лаборатории в Тихоокеанский институт географии. Скандал сопровождался персональными беседами с каждым сотрудником и уговорами остаться. Со мной у Алексея Викторовича был довольно суровый разговор с таким, например, доводом: «Вас избрали секретарем комсомольской организации института, и вы не можете бросить своих товарищей!» Я со страхом и гордостью покинул кабинет АВ, а чуть позже и институт. Успев, правда, тайком наклеить на доску объявлений вырезанные из газеты «Рыбак Приморья» заголовки статей «Преображенцы, вперед!» и «Выйти из прорыва: такую задачу поставили перед собой труженики Преображенского». (Рыбацкая газета писала, конечно же, не про наш «героизм», а про Преображенскую базу тралового флота.)

В марте 1982 года наша лаборатория почти в полном составе перешла в Тихоокеанский институт географии... В то время я и думать не мог, что когда-нибудь снова вернусь в ИБМ. Однако, через семь лет это произошло, за что до сих пор искренне благодарен Тамаре Александровне Тереховой. Но об этом моем возвращении – когда-нибудь в другой раз.

БИОСТАНЦИЯ «СОКОЛ» – В ПАМЯТИ И В СЕРДЦЕ

Елена САЛМЕНКОВА

В 1960-х–начале 1970-х годов во Владивостоке был создан ряд научных институтов, призванных содействовать освоению природных ресурсов Дальнего Востока. На работу в новых организациях активно приглашали научные кадры из центральных университетов и институтов, предоставляя им бронь на прежнюю прописку. Мое решение поехать на Дальний Восток, созревшее после защиты кандидатской диссертации в области биохимии, объяснялось большим желанием участвовать в экспедиционных исследованиях. Такой опыт, хотя и небольшой, у меня уже был: сначала в экспедиции на Беломорскую биологическую станцию МГУ, а затем в составе биохимической группы на научном корабле «Витязь» (1966). В ходе последней экспедиции побывала во Владивостоке и увидела недавно построенное для академических институтов здание («геологический корпус») с лабораториями, очень напоминавшими лаборатории в МГУ. Было это в августе. Чудесная погода и общая картина новенького научного корпуса недалеко от моря, приветливые сотрудники одной из химических лабораторий, в которую нам посоветовали обратиться за нужным (забытым при сборах) реактивом, – все это оставило прекрасное впечатление. Поэтому, когда случайно узнала от одной из коллег о заманчивых возможностях поработать в дальневосточном институте, то решила туда поехать. Так осенью 1967 года я познакомилась на биофаке МГУ с Юрием Петровичем Алтуховым, который собирался отправиться в создававшийся тогда Институт биологии моря и набирал сотрудников для своей будущей лаборатории генетики. Директора-организатора ИБМ Алексея Викторовича Жирмунского я уже встречала раньше, на Беломорской биостанции МГУ. Юрий Петрович, тогда молодой кандидат наук, решил продолжить свою научную деятельность в новом институте на Дальнем Востоке, где открывались широкие перспективы для новых исследований и научного роста. К тому времени у него уже формировался план исследований по популяционной генетике важнейших тихоокеанских лососевых промысловых рыб с помощью появившихся тогда новых электрофоретических методов анализа биохимических маркеров полиморфизма генов. Предполагалось наладить эти методы, исследовать возможные генетические различия среди популяций у кеты, горбуши и других лососей Сахалина и в перспективе использовать такие различия для идентификации популяций в морской период. Юрий Петрович сразу согласился взять меня в свою будущую лабораторию и познакомил с

Галей Сачко – Галиной Дмитриевной Рябовой, поступившей к нему аспирантуру. Первые впечатления от Дальнего Востока наиболее памятливы, поэтому дальше расскажу подробнее о событиях тех лет.

Вместе с Галей мы прилетели во Владивосток в отдел биологии моря в мае 1968 года, поселились в общежитии Академгородка и вскоре начали собираться в экспедицию на Сахалин. Юрий Петрович с женой Еленой Павловной прибыли во Владивосток несколько раньше, и к нашему приезду он уже имел в своей лаборатории нескольких местных сотрудников. Помню Лилию Барсук-Олифиренко, Нину Лиханову, инженера Георгия Трофимчука, кажется, были еще две студентки, имена их забылись. Тогда весь отдел биологии моря помещался в нескольких комнатах геологического здания, наша группа владела частью большой общей комнаты, бывшей рекреации, на втором этаже. Довольно быстро удалось собрать реактивы, химическую посуду, кое-что из оборудования и снаряжения – многое находили на институтских складах, в соседних лабораториях, народ охотно помогал, чем мог. Но встал вопрос, куда все это паковать, нескольких имевшихся разнокалиберных ящиков было явно мало. Мы с Галей обходили все закоулки академического корпуса и его окрестностей, побывали и в большом овраге-свалке при складе неподалеку. Отовсюду тащили, не смущаясь, старые и новые пустые ящики, потом они и в экспедиции еще долго служили разной «мебелью». Отъезд на Сахалин намечался в начале июля, к этому времени надо было завершить все сборы и оформить разрешения на работу в пограничной зоне – Сахалинской области. В выходные дни отправлялись в походы по окрестностям города. Совершили полную приключений поездку в залив Посьета к друзьям Гали – в семью Татьяны Карапетян и Дмитрия Вышкварцева, уже работавших в ОБМ. Часть пути добирались на попутках, почти всю – на открытой площадке товарняка. Увидели местное чудо: временами около нас из темноты возникали стайки светящихся жуков-светляков.

До порта Корсаков шли на допотопном судне «Якутия» небольшой группой, женский состав которой разбавлял один Георгий Трофимчук (Юрий Петрович оставался пока во Владивостоке – получал квартиру). Сошли на берег под вечер. Еще на судне познакомились с двумя военными, которые очень помогли нам с нашим багажом. Выяснилось, что попасть в пункт назначения – на Соколовский рыболовный завод в поселке Сокол можно будет не раньше следующего дня, арендовав здесь же грузовик. Сегодня кажется удивительным, но пожилой сторож местного портового склада, видимо, пожалел наш практически девичий отряд и без обиняков пустил переночевать; утром без проблем удалось нанять на портовой автобазе грузовик и продолжить путь. Наконец добрались в маленький поселок при Соколовском рыболовном заводе, состоявший из нескольких пустовавших на тот момент домов на окраине большого

поселка Сокол. Память сохранила, как директор рыбоводного завода Василий Тихонович Петренко предоставил нам для первого обустройства лаборатории кое-какие стройматериалы и возницу с лошастью и телегой. Вскоре приехали Юрий Петрович и Елена Павловна Алтуховы.

Место, в котором мы расположились, выглядело довольно живописно и, как оказалось, было стратегически выигрышным – достаточно близко от Южно-Сахалинска (что позволило позднее наладить прочные контакты с Сахалинрыбводом и Сахалинским отделением ТИНРО), с доступной сетью автомобильных и железных дорог (что делало достигаемыми разные лососевые реки и рыбоводные заводы) и, главное, с постоянным электричеством. Дома были вполне пригодны для проживания, но не для экспериментальной работы, основу которой должен был составлять электрофоретический анализ белков. Поэтому все началось с обустройства лаборатории. В дело шло все мало-мальски пригодное: полученный на заводе небольшой запас досок, ящики из-под привезенного багажа, даже дверь какого-то сарая преобразовалась в «главный» лабораторный стол. Георгий, которого мы прозвали Георгом-чудотворцем, успешно разрешал возникавшие технические проблемы, вплоть до доставки на велосипеде баллонов дистиллированной воды из поселкового госпиталя. К следующему полевому сезону лабораторию и полевой отряд Ю.П. Алтухова пополнили Владимир Тимофеевич Омельченко (из БПИ, Владивосток), Владислав Илларионович Слынько (из МГУ), Ростислав Михайлович Викторовский (из Государственного научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства, Ленинград).

Конечно, с годами по мере увеличения числа сотрудников соколовскую лабораторию значительно расширили, сделали удобные лабораторные столы, полки, завезли большой запас реактивов, холодильники, термостаты, большие рефрижераторные центрифуги, для которых построили отдельный домик, и многое-многое другое. Здесь же в соседнем доме стал работать отряд Александра Александровича Максимовича из ИБМ. Провели водопровод из колодца в лабораторию и в баню, где установили большой дистиллятор. Словом, сделали биостанцию «Сокол» пригодной для экспериментальной работы и проживания, причем все – силами сотрудников обоих отрядов. Большим благом была возможность арендовать транспорт для поездок на нерестовые реки за экспериментальным материалом. Такие поездки совершались периодически на протяжении всего нерестового хода сначала горбуши, потом кеты; собирали материал для популяционно-генетического анализа на забойках Соколовского и других рыбоводных заводов в разных районах Сахалина, выезжали и на нерестовые реки для самостоятельного отлова сеткой «дикий» рыбы. Здесь наши мужчины проявляли себя настоящими рыбаками.

Каждое лето все вокруг биостанции покрывалось буйной зеленью, среди которой росли высокие огромные лопухи копытня размером с большой зонт, зонтичные медвежьи дудки выше человеческого роста (говорили, что когда-то японцы использовали их для самодельного домового водопровода), высокая сахалинская гречиха с крупными листьями и кистями белых цветов и многое другое. Осенью сопки расцвечивались яркой палитрой – красными, малиновыми, желтыми, оранжевыми цветами кленов, рябин, берез и других лиственных на фоне темно-зеленых елей.

Уже в первые годы экспедиционных работ, после налаживания электрофоретических методик, впервые были обнаружены генетические различия между популяциями кеты разных рек Сахалина, Итурупа, бассейна Амура, а в последующие годы и среди популяций других районов ареала. У горбуши изучали наследование вариантов полиморфных ферментов, процессы отбора по ним в онтогенезе в нескольких поколениях. Исследовали влияние рыбоводного процесса на биологическую и генетическую структуру популяций. Найденные генетические маркеры были использованы в решении некоторых вопросов промысла горбуши и кеты в Японском море. Была выявлена также внутренняя биологическая и генетическая подразделенность в крупных популяциях лососей. На этой основе Ю.П. Алтухов разработал рекомендации для искусственного воспроизводства на рыбоводных заводах с учетом структуры популяций и получил, совместно с сотрудниками Сахалинрыбвода, авторское свидетельство на изобретение. В этой организации Юрий Петрович после немалой разъяснительной работы нашел поддержку и понимание; с некоторыми из этих людей много лет нас связывали добрые отношения.

Среди сотрудников Сахалинрыбвода с восхищением и благодарностью вспоминается куратор рыбоводных заводов Ирина Матвеевна Золотарева, соавтор изобретения Юрия Петровича. Интересная, очень живая и активная женщина, энтузиаст своего дела, оказавшаяся однокашницей Алтухова. Она с самого начала проявила большой интерес к нашим работам, нередко приезжала на биостанцию и всегда помогала в делах. Очень благожелательно относился к нам и ее супруг, заместитель начальника Сахалинрыбвода Юрий Сергеевич Золотарев. Позднее Ирина Матвеевна стала заведовать там же лабораторией болезней рыб. После ухода на пенсию и отъезда с Сахалина на этом посту ее сменила Галина Петровна Вялова, которая со своей лабораторией вскоре перешла в СахТИНРО; она также во многом нам содействовала. Настоящий профессионал своего дела, добившаяся больших успехов не только в своей области науки, но и во всем, за что бралась сама и с чем сталкивалась ее жизнь. Она, к сожалению, несколько лет тому назад безвременно ушла от нас. С благодарностью вспоминаю и

Татьяну Николаевну Любаеву, заведовавшую рыбноводным отделом Сахалинрыбвода, за активное участие и поддержку наших работ. Все эти женщины были, как на подбор, удивительно красивы. В поездках по рыбноводным заводам особенно запомнились гостеприимная директор Лесного завода красавица Кармен Александровна Князева, очень благожелательный директор Курильского завода Евдокимов. В подавляющем большинстве случаев науку все принимали с пониманием и помогали, чем могли.

Постепенно биостанция «Сокол» приобрела известность у научной общественности Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева, приезжавшей поработать или просто посмотреть Сахалин, лососей. Случались даже наезды академиков, например, вместе с группой ученых приезжал университетский биохимик академик Сергей Евгеньевич Северин. Правда, долго ожидавшийся приезд академика Николая Петровича Дубинина (директора Института общей генетики) так и не состоялся. Наносили визиты на биостанцию и зарубежные ученые, участвовавшие в Южно-Сахалинске в международной конференции по биологии и воспроизводству лососевых.

С 1973 года, когда Юрий Петрович перевелся из ИБМ в Москву в Институт общей генетики и взял с собой нескольких сотрудников (бывших москвичей), экспедиционные работы по лососевым на биостанции в Соколе продолжились совместно отрядами Института биологии моря и москвичами. Материалы, собранные в ходе сахалинских работ, стали основой для диссертаций В.И. Слынько, Г.Д. Рябовой, В.Т. Омельченко, А.А. Максимовича и, вероятно, многих других. Интересно, что некоторые из маленьких детей, которых иногда привозили с собой наши сотрудники, пошли по стопам родителей и стали научными работниками, например, Алиса Боутин (дочь Н.Е. и В.Н. Поляковых), Павел Афанасьев (сын К.И. Афанасьева).

За годы экспедиций на остров случалось многое. Тайфуны с ветром до 60 м/сек, с проливными дождями и наводнениями. Особенно мощным был тайфун Филлис: срывало крыши, а вышедшие из берегов реки затопили окрестности, сломали мосты; повсюду плавала горбуша; из-за обрыва электропроводов мы сидели без света и работы. В другое лето на севере острова бушевали большие лесные пожары, и весь Сахалин окутывало дымом. Интересно и такое: хотя недалеко от нас находился военный аэродром, с которого время от времени с ревом взлетали самолеты, в окрестных лесах порой появлялись медведи. Однажды медведя в лесу встретили гидробиологи, приехавшие на биостанцию из Владивостока. Они вышли в маршрут, в группе были две женщины и мужчина, он и натолкнулся на медведя. Защищаясь, ранил зверя топором, но сам не увернулся от медвежьих когтей. Зверь отступил, женщины в ужасе прибежали на биостанцию, военные вертолетчики быстро вывезли

раненого в больницу в Южно-Сахалинск...

В начале 90-х, когда стоимость экспедиций многократно выросла, их финансирование стало проблематичным, и систематические выезды для работы на биостанции прекратились. Тем не менее, насколько я знаю, биостанция «Сокол» жива. Иногда туда ненадолго приезжают за экспериментальным материалом сотрудники ИБМ. На биостанции принимали участников международного американо-российско-японского проекта по изучению биоресурсов Сахалина и Курил. Неоднократно останавливались и работали там японские и американские биологи. Более подробные и интересные воспоминания о биостанции «Сокол» опубликовал Владимир Тимофеевич Омельченко в газете «Дальневосточный ученый» (№ 12 за 2013 г.), куда я и отсылаю читателя.

ЛАБОРАТОРИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ БИОХИМИИ. ВИД С БИОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ «ВИТЯЗЬ»

Василий СВЕТАШЕВ

Лаборатория получила свое название после того, как группа сотрудников в 1972 году перевелась из лаборатории химии флоры и фауны моря, основанной Виктором Евгеньевичем Васьковским в тогдашнем Институте биологически активных веществ (ныне Тихоокеанский институт биоорганической химии). В эту лабораторию я пришел в 1967 году после 2 курса химфака ДВГУ и продолжаю в ней работать, с некоторыми перерывами (три года в Республике Корея и три с половиной – в Новой Зеландии). Причинами перехода Васьковского в ИБМ не интересовался – меня вполне устраивала работа с Виктором Евгеньевичем. Этот переход сопровождался как положительными моментами (АВЖ установил мне максимальную ставку м.н.с.), так и некоторыми сложностями. Во-первых, после нескольких лет активного строительства и обустройства на МЭС были созданы вполне комфортные условия для работы, а теперь снова пришлось браться за инструменты, но уже в бухте Витязь. К слову,строек и переездов было много, но все мы относились к этому очень легко. Так, в 1974 году возглавляемая Николаем Латышевым небольшая группа сотрудников, имеющих строительные навыки, за несколько месяцев, работая от зари и до зари, сподобилась отремонтировать два заброшенных здания, доставшихся от военных. Наблюдая такой энтузиазм, прораб филиального строительно-монтажного управления стал помогать материалами и даже специалистом-штукатуром. Правда, и платили почти как докторам наук.

После успешной работы в качестве строителей мы получили моральное право занять необходимые площади под лаборатории. Кроме этого долгое время поддерживали хорошее состояние лабораторного корпуса. Таких условий для научных занятий я не имел ни до, ни после «Витязя». Все службы: водолазная, аквариальная, столовая и транспорт хорошо функционировали, а после подключения к стабильному электроснабжению жизнь стала просто удивительной. Был даже генератор жидкого азота и счетчик радиоактивности! Каждый сезон к нам приезжали сотрудники ИБМ и гости со всей

страны. Без «Витязя» наша лаборатория не смогла бы стать одной из заметных в биохимии морских липидов.

Одним из важных моментов жизни на «Витязе» был, конечно же, футбол. Каждый день в 17 часов и в любую погоду все могущие и желающие бить по мячу выходили на площадку, сделанную своими руками и в определенной степени спиртом. Уже много позднее во время нечастых встреч сотрудников, работавших на «Витязе», мы пришли к единодушному выводу, что это было наше лучшее время. Этому способствовали возраст, общение, вдохновляющая работа и, конечно же, на мой взгляд, красивейшие места вокруг. Организация Морского заповедника в значительной мере помогла их сохранить.

ЮБИЛЕИ. КАКОЙ ВАЖНЕЕ?

Евгения ТЕРЕХОВА

Не всегда замечаешь, как подкрадывается очередной юбилей. Вот и Институт биологии моря перешагнул свое 50-летие, сменил название – стал Национальным научным центром морской биологии ДВО РАН: к нему присоединили Дальневосточный морской заповедник и Приморский океанариум. Кафедра иностранных языков также стала частью этой новой структуры, но по-прежнему она продолжает работать со всеми научными институтами Дальневосточного отделения. В плане своего юбилея наша кафедра не исключение. Кажется, только вчера мы отметили ее 30-летие и уже незаметно подкрался и пропал новый юбилей – 3 октября 2016 года нам исполнилось 45!

Хочется вспомнить имена тех, кто стоял у истоков создания кафедры иностранных языков ДВО РАН. Это В.Е. Васьковский, в 1971–75 годах исполнявший обязанности главного ученого секретаря президиума ДВНЦ АН СССР. Он нес самую прямую ответственность за проведенный конкурсный отбор и приглашение работать на кафедре тех, кто и сегодня там работает. Это относится и ко мне: первому месту работы, как и первой любви, я никогда не изменяла.

Практически, со дня заселения нового здания ИБМ, именно здесь кафедре было выделено рабочее место – этим, вероятно, можно объяснить то, что у нас сложились самые теплые и добрые отношения именно с этим институтом, хотя нам пришлось работать и в других местах. Трудно представить, сколько аспирантов и научных сотрудников Дальневосточного отделения Академии наук прошли обучение в классах моих коллег! Тысячи! Многие из тех, кто когда-то пришел к нам в аудитории совсем юным аспирантом, сегодня – убежденные седины докторов и кандидаты наук. Для нас они по-прежнему остаются нашими любимыми учениками. Мы их всех помним и рады встрече с ними.

Немало таких выпускников и в нашем институте. Доктора, кандидаты наук, просто специалисты – все могут прийти к нам, если возникают проблемы с английским языком. Двери на кафедру всегда открыты для вас, в прямом и переносном смысле. Вы ведь не могли не обратить внимания на то, что дверь на кафедру всегда широко раскрыта, не правда ли? Я искренне благодарна всем преподавателям, которые остались верны своей профессии, остались работать на кафедре и вместе со мной прошли через все трудности и испытания нелегких, переломных 80-х, 90-х, так называемых нулевых годов. Сегодня – это доценты кафедры иностранных языков Борис Ильич Бартков, Анна Валентиновна Збань, Светлана Ивановна

Савинцева, Валентина Сергеевна Смеркович, Галина Яковлевна Тарасова. Доцент кафедры Нина Николаевна Панкова ушла на заслуженный отдых, но по-прежнему с нами, на заседаниях кафедры, на юбилеях и иных кафедральных событиях. Именно с аспирантами и соискателями Института биологии моря она занималась долгие годы.

Алексей Викторович всегда баловал нашу кафедру своим вниманием в плане публикаций учебно-методической литературы по морской биологии. Нина Николаевна опубликовала целую серию таких «методичек» для аспирантов ИБМ. Но это не мешало аспирантам других институтов работать по этим пособиям.

Мне хотелось бы пожелать Институту биологии моря ДВО РАН – новорожденному Национальному научному центру морской биологии пройти как минимум еще лет 50 в этом новом качестве! А потом, отточив и настроив свое мастерство на нужную волну и в ответ на новые потребности и вызовы, создать что-то новое, прорывное в области морской биологии. Что, конечно же, не исключает и пожелания новых серьезных публикаций в самых престижных журналах. Кафедре иностранных языков желаю новых аспирантов, новой техники и новых методов преподавания иностранного языка, новых разработок и публикаций на пользу аспирантам и научным сотрудникам института.

Так какой юбилей важнее? Все интересны, все содержательны, все памятны.

2016 г.

КАК ОТДЕЛ БИОЛОГИИ МОРЯ СТАЛ ИНСТИТУТОМ

Тамара ТЕРЕХОВА

Мой рассказ – не историческое повествование о коллективах, а отрывочные, без четкой хронологии, личные воспоминания о нашей жизни, или мемуары (надеюсь, не мемуаразмы пока еще).

МГУ. Осень 1967 года

Прошел слух, что в Большой биологической аудитории будет встреча с организатором морского института во Владивостоке.

Приглашались пятикурсники. Какой-то старикан (ему было аж 46 лет!) рассказывал о морях-океанах, богатствах подводного мира, о рейсах по всему Мировому океану, о возможностях для будущих аспирантов работать в ленинградских и московских академических институтах... Это был к.б.н. Алексей Викторович Жирмунский с «рекламой проекта ИБМ» (выражаясь языком эффективных менеджеров). Что такое Дальний Восток, я уже немного представляла, поскольку летом 1967 была на практике в бухте Троицы в заливе Посыета. В те давние времена летние практики на биофаке МГУ проводились обстоятельно. После первого курса мы трудились в Чашниково (Солнечногорский район Московской области) на базе университетской энтомологической лаборатории. Блестящий лектор, любимец студентов, знаменитый флорист Вадим Николаевич Тихомиров водил нас по бескрайним, как нам казалось, подмосковным торфяным болотам. Учились делать гербарии, оформлять энтомологические коллекции, для которых насекомых ловили сами, а тараканов покупали у местных школяров.

После второго курса практикой на зоолого-ботанической станции в Звенигороде руководил известный орнитолог Константин Николаевич Благодосклон. Все знали, что он бесподобно имитирует птичьи голоса. Чтобы «сдать птичек» на утренней зорьке строгому Феликсу Яновичу Дзержинскому, приходилось порой фантазировать (не всегда хотели птички петь!), а наиболее дерзкие из нас на зачетный вопрос «Кто поет?» – отвечали: «Благосклонов»... Там же вел занятия зоолог Юрий Дмитриевич Чугунов, будущий директор Дальневосточного государственного морского заповедника, с которым мы встретились уже во Владивостоке.

Была еще и профессионально-прикладная подготовка: в Чашках – велосипед, мотоцикл, конный спорт и в Звенигороде – водные виды.

Нешуточное течение – Москва-река в районе этого города требовала хорошей физической формы. Там нас учили справляться с лодочным мотором, осваивать греблю и гребок (одним веслом для передвижения по узким речкам), волок (тащить лодку с сидящим в ней преподавателем). Зимой сдавали зачет по плаванию в бассейне в главном здании МГУ и альпинизм – тоже на Ленинских горах, там, где сейчас трамплин. Мы узнали, что такое альпенштоки, ледорубы, обвязки, как зарубаться на склоне горы; научились вязать узлы (помню только восьмерку и булинь), правильно обвязываться, переправляться на канате через овраг и т.п. В университете готовили нас для работы в любых полевых условиях, и в горах, и на морях. Мы с однокурсником-ихтиологом Колей Романовым получили дипломы в 1968 году, и это все помним, а вот Вася Радашевский, выпускник 1980 года кафедры беспозвоночных МГУ, уже не все проходил...

Практика на Белом море после 3 курса была самой впечатляющей. Она запомнилась красотами Севера и гигантскими – более 22-метровыми приливами–отливами в Пояконде, куда заходил университетский «Научный». Руководила эмбриологами и беспозвоночниками очаровательная Наталья Вартановна Дабагян с кафедры эмбриологии. На Беломорской биостанции – ББС можно было в лаборатории разбирать пробы, все делалось по-настоящему. Как и все полевые стационары той поры, биостанция держалась субботниками, и это была традиция, которую неукоснительно соблюдали. У нас, например, нехватка объема хозяйственных работ компенсировалась перекладыванием дров из одной поленицы в другую, говорят, сушили дрова. Побывавшие там обязательно помнят субботники директора Николая Андреевича Перцева, имя которого носит теперь биостанция.

Там же была особая каста водолазов из СКАН – спортивного клуба Академии наук. Подводники ежегодно заготавливали материал для большого практикума биофака МГУ. Один из скановцев писал впоследствии, что именно ББС сыграла главную роль в выборе научных направлений владивостокского ТИБОУа. Красота и многообразие подводного мира с первого погружения ошеломили его. Идея изучения химии и биохимии его обитателей крепко овладела химиком-органиком. А встреча в 1964 году с заведующим кафедрой беспозвоночных МГУ, известным океанологом-биологом Львом Александровичем Зенкевичем, одобрившим эту идею, окончательно убедила начинать работу в Институте биологически активных веществ ДВФ СО АН СССР. Этим химиком-органиком был будущий замдиректора ИнБАВ Виктор Евгеньевич Васьковский, водолаз 1964 года.

На четвертом курсе курсовые и дипломные работы делали в академических институтах. Мы бредили молекулярной биологией, и Александр Александрович Нейфах, заведующий лабораторией из Института морфологии животных, читавший у нас ее основы, был ярким представителем этого, как сейчас говорят, тренда. На знаменитые семинары Израиля Моисеевича Гельфанда мы не попадали – не доросли еще, но Александр Александрович был там завсегдатаем, и мы даже кое-что понимали из его рассказов о дискуссиях на семинаре. В ту пору Нейфах был увлечен морфогенетической функцией ядер в эмбриогенезе. Мы работали на вьюне, которого поставляли из Подмосковья. Нужно было найти половозрелых особей, получить икринки, оплодотворить. Лаборатория в Институте биологии развития (до февраля 1967 – Институт морфологии животных АН СССР) на Вавилова, 26 была заставлена огромными кристаллизаторами, где в монослое росли объекты. Для работы нужны были только бластодермы. Чтобы избавиться от желточного мешка, биомассу обрабатывали трипсином, центрифугировали в литровых стаканах в ступенчатом градиенте сахарозы. Нужно было аккуратно собрать «шапочки» (бластодермы) на границе слоев, отмыть от сахарозы и поместить в культуральную среду с меченым, например, тритием, предшественником. Иногда что-то не получалось. Понятно, почему морской еж был мечтой номер один!..

Самолет совершил посадку поздно ночью. Запах тайги еще на трапе лайнера в ту душную июльскую ночь остался в памяти на всю жизнь. Хотя Владивосток встречает меня им всегда. Добирались до гостиницы «Челюскин» (нынче снова «Версаль») по главной дороге города, и светящиеся окна многочисленных зданий создавали иллюзию, что вокруг небоскребы. Утром ночной обман вскрылся – пятиэтажки на сопках. Началось с небольших приключений. Пока А.А. Нейфах решал проблемы нашего переезда на морскую станцию в бухту Троицы, спустились к морю на Спортивную набережную. Наша общительная Майя Романовна Кригсгабер, как «ученая из Москвы», стала на пляже рассказывать пытливым юношам о цели нашего прибытия на берега Тихого океана. Слушатели были настоящие «пляжные профессионалы», и кошелек у нее исчез быстрее, чем новые знакомые пропали из поля зрения...

Отряд наш был сплошь академический: из Института биологии развития – шеф, моя микрошефиня Майя Кригсгабер, Тамара Иванчик, ее муж Игорь, теоретик из Физического института АН, служивший у нас разнорабочим, и я. Ради дальневосточного вояжа Иванчики оставили в Москве на бабушку двухгодовалого Асика (ныне известный

антиковед, член-корреспондент РАН Аскольд Игоревич Иванчик из клуба «1 июля» РАН). Я дружила с этой семьей, часто бывала у них в студенческие годы. Помню, как нарочито сердилась Тамара, демонстрируя мне тазик с черепками (вместо южных фруктов!), привезенными папой и сыном из Крыма.

На МЭС добирались весь день по трудной дороге на каком-то приспособленном для перевозки людей транспортном средстве. Из местных с нами была Оля Шевчук (Новикова). Переночевали в лабораторном корпусе, а наутро перебрались в нашу многоместную солдатскую палатку, которая стояла в нынешней Анисимовке (называется так по имени первого начальника станции – Михаила Михайловича Анисимова) в первом ряду возле дороги. Было страшно, ночью туда подходили олени, свистом и ревом будившие всю округу. Из первых знакомых на МЭС был Валера Фаворов, который заплывал рано утром на середину бухты, и его «Подъе-ем!», разносящийся над водой, будил обитателей палаток. Были будущие липидчики – студент Вася Светашев, первый кандидат наук В.Е. Васьковского – Эдик Костецкий. Из нынешних ветеранов ТИБОХа Эмма Постникова (Козловская), будущий супруг которой Алик Козловский позже трудился в отделе биологии моря – Институте биологии моря. На берегу, где сейчас импровизированная стоянка для автомашин, была «экстракционная» – деревянный вагончик, в котором работал Арсений Честухин из Института молекулярной биологии АН СССР. Исследования проводили на черном морском еже (*Strongylocentrotus nudus*) – его не нужно было заказывать водолазам, достаточно зайти по колено в воду, стараясь не наступить на объект. Чуть глубже дно было усеяно двустворками и трепангом.

Со времени этой поездки у меня сложилось убеждение, что все вокруг свои, а Академия наук – всем известная и уважаемая организация. Среда была комфортная. Во время экспедиции родился такой мем: «Мы из Академии наук, нам нужен керосин». Его автор Майя Крисгабер убедила командира какой-то воинской части в необходимости выдать нам один литр горючего (для примуса что ли, не помню точно). Всем очень понравилось это выражение. В аспирантуре я частенько «побиралась» с этой фразой у друзей в богатом молекулярном корпусе А (ныне корпус Белозерского) в МГУ и возила их дары в Институт цитологии (пипетки, посуду из пирекса, реактивы и даже биомассу *Escherichia coli* из их ферментеров в термосе со льдом).

ИнБАВ (ТИБОХ), куда нас прикомандировали, только осваивал биостанцию. Были обязательные для всех субботники: строили, чистили, убирали. Работала дизельная – управлял Витя Сердюк из Зарубино («Фантомас» в миру), что позволяло на открытом балконе двухэтажки

перегнать фенол для выделения ДНК. На сопке около складов располагалась столовая, воду носили из колодца в овраге в 50-литровых бидонах крепкие мужики-ученые и водолазы. В столовой дежурили все. Посмотреть, точнее «присмотреть», за ненадежным Нейфахом (он не считал себя диссидентом, но был исключен из КПСС за поддержку протестующих на Красной площади после введения войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г.), к нам прибыли гости – «поговорить с москвичами». Беседовали о погоде, о природе, спросили у дежурившего по кухне профессора, сколько народу на МЭС. «Ну, судя по числу тарелок, около 30» – предположил он. И между собой гости заключили, что кухонный работник судит о количестве персонала по посуде, на что Нейфах тут же милоотреагировал: «А вы из санэпидстанции, наверное?»

По вечерам костер у палатки инженера из ИнБАН Леши Макаревича, владевшего шикарным бобинным магнитофоном на батарейках, собирал всю станцию на Окуджаву, Кукина, Городницкого, пели немного уже и Высоцкого. Был мой однокурсник – романтичный сын «бабы Кати», директора ДВГИ Екатерины Александровны Радкевич, вирусолог Дима Левицкий с гитарой и песнями Давида Тухманова и Новеллы Матвеевой, стихами Кедрина... Дима делал диплом у Владимира Петровича Скулачева в молекулярном корпусе и не входил в наш отряд, он был дальневосточником.

Первые знакомые из отдела биологии моря.

Больше других запомнилась Нина Львовна Лейбсон, для которой отделяли лабораторные помещения в недожившем до наших дней бараке (теперь там спортплощадка перед лабораторным корпусом). Субботники были обязательными для всех. Наряды выдавали заранее. И только наивный новичок мог выбрать работу «с цветочками» под руководством Нины Львовны: нужно было найти на сопке рудбекию или пион, аккуратно выкопать, осторожно принести, правильно посадить на будущий газон, а потом регулярно рыхлить землю, поливать до рассвета или после заката. Рационально мыслящие сотрудники старались «попасть на туалеты», с которыми не так хлопотно, да и результат работы виден сразу.

На правом берегу бухты трудились водолазы, руководил ими прибывший с Украины инженер Валерий Семенович Левин. В его команде был и нынешний эксперт по аквариумам ИБМ Виктор Найдено. Около построенной водолазки сооружалась обзорная труба со стеклянным окном для созерцания подводного мира. К сожалению, даже нынешние МЭСовские водолазы не все знают об этом сооружении.

Пирсом служили останки затопленной баржи в левом углу бухты. Флот был представлен несколькими простыми и моторными лодками и деревянным мотоботом с рулем на корме.

Однажды нам подарили экскурсию на остров Фуругельма! В воскресный день мотобот, на котором капитаном, штурманом и боцманом был Толя Одинокоев, взял нас на борт. Старшим был Валерий Левин. Так состоялась моя первая и единственная поездка на заповедный ныне остров. С него только что ушла воинская часть. Стояли аккуратные бюсты Сталина с надписями «Кадры решают все». Настоящие нетронутые песчаные пляжи, птичьи базары. Красота неземная! Омрачало только отсутствие на борту бочки с тушенкой и сгущенкой, которую забыл наш «Шива многорукий» – капитан-боцман. Взял только снасти для ловли кальмара. Пришлось ловить и варить. Мне казалось, что кальмара я больше не смогу есть, но все проходит. Отсутствие нормальной пищи было компенсировано для мужчин развлечением с выброшенным на берег огромным японским радиобуем. Как они его крушили, разбирали, колотили, откручивали детали! Было счастье!

На МЭС увидела я и Тамару Сергеевну Бениаминсон, постоянно ругавшую неизвестного мне Кусакина, который не разрешает ей съездить в город просушить квартиру, влажно ведь! Я услышала о Кусакине потом, уже в Ленинграде, где знакомые аспиранты ЗИНа рассказывали про крепкий лоб отбившего во Владивосток хулигана-ученого, повреждавшего водосточные трубы. Была еще байка о том, как милиционер был смущен реакцией нарушителя, который пугал тем, что, если он сообщит в рапорте, что ученый лбом смял водосточную трубу, то кто ж ему поверит?! И тогда плакало его очередное звание. Эту историю я слышала потом в исполнении самого «хулигана»...

Об Олеге Григорьевиче Кусакине.

О нем много написано не только в этой книге. Я с громадным уважением относилась к ученому гиганту! У него было столько ипостасей в обыденной жизни! Он был ходячей энциклопедией, мог с удовольствием читать стихи и рассказывать, какой винегрет он приготовил, в каком магазине и какой сыр купил, и как ему дешево продали мясо на рынке, не подозревая, что перед ними не самый нищий покупатель. И был – немного интриганом! Любил шепотком что-нибудь сообщить эдакое про нашего директора, например, вроде: «Ваш АВ “трал” с двумя “л” написал!!!» «Ваш» потому, что я была из дирекции. Он был как бы в оппозиции к АВ всегда! На самом деле они

всегда оставались единомышленниками по большому счету, и Институт биологии моря – это их общее прекрасное детище.

Смешновато поступал он и в других случаях. То было трудное время, отоваривались по талонам. И вот однажды чуркинская электричка привезла нас после работы на улицу 3-я Рабочая. Там был магазин, которым заведовала расторопная кореянка, и всегда можно было отхватить что-нибудь «незаурядное». Мы с ОГ (так его часто называли между собой) – тогда он тоже жил на Некрасовской, побежали занимать очереди: я – в кондитерский отдел, он – за сливочным маслом, которого на талон полагалось 200 граммов. Но это был последний день месяца, и давали больше двухсот! Очередь у меня шла быстрее, и я периодически проверяла, насколько далек ОГ от его цели. Явно уставшая продавщица резала струной размороженные блоки масла на неровные, явно больше 200 граммов куски, чтобы только поскорее не видеть нас. И тут критический момент: подходит наша кондитерская очередь, и я вижу, что ОГ тоже первый, но у его продавщицы кончился блок масла, и она приступает к разрезанию нового. Переминаясь с ноги на ногу, ОГ жалобно просит: «Не могли бы вы, уважаемая, отпустить меня, а то печенье не получится купить?» Это вызвало такой гнев у продавщицы! Отшвырнув струну и наклонившись через прилавок, она изрекла: «А ты, дед, будешь орать – отпущу тебе норму!» Но тут же подобрела и продала «деду» большой кусок.

Пошли за стиральным порошком. Воодушевленный «масляным» успехом, ОГ смело взял две пачки «Лотоса». Кассир приказала отнести одну на место, так как талон дает право только на одну единицу. Покупатель, сдвинув шапку на одно ухо, громко переспрашивает: «Что?» Она свое. Он свое: «Что?» Надоело кассиру, она с такой же «милой» улыбкой произнесла: «А–а–а, иди, дед!» Весь следующий день академик хвастался в институте, какой у него был удачный шопинг!

Он неплохо относился к своим коллегам, хотя часто нарочито возмущался, говоря, какие, мол, они «негодяи». Лаборатория хорологии была большая, из нее выросло много других групп–лабораторий. Почему-то только взаимоотношения у альгологов в ту пору складывались весьма непросто: они уходили в разные институты – в ТИНРО, в ДВГУ, уезжали на Камчатку...

Еще студенткой я познакомилась с Институтом цитологии. Ездили в Ленинград с Маей Романовной в лабораторию Владимира Иосифовича Воробьева – обучали их электрофорезу белков в новом для всех полиакриламидном геле. До акриламида работали на агарозе, которую получали из дефицитного и недешевого агара

Дифко, а агаропектин как побочный продукт просто выбрасывали. Но кто ж тогда считал деньги, а про тендеры вообще не слыхивали. В ту пору в ЦИНе собралось довольно много нашего брата. В лаборатории на Маклина, 32 мы работали рядом с аспирантом ИБМ Володей Вольфсоном, врачом по образованию. Как-то рассказал он нам о своих планах перебраться в Израиль. Мы горячо стали убеждать его в пагубности такой затеи, поскольку твердо верили, что это «плохое государство». Позже он эмигрировал с семьей, работал в Институте пустынь. Говорят, трагически погиб.

Однажды шеф порекомендовал нам с Володей взять во Владивосток центрифугу Т-23 Янецки. Чтобы не платить за перевес багажа, мы ее разобрали на 2 части: тяжелый корпус – Володе и мне полегче – ротор. Летим с посадками в Свердловске, Томске, Иркутске, Хабаровске. В аэропорт везу обе коробки на такси. Вольфсон опаздывает, остается мало времени, волнуясь... Зарегистрировалась, сдала свою коробку в багаж. Вижу, нашим рейсом летят офицеры с портфельчиками или вовсе без багажа. Один из них соглашается взять у меня тяжелую Володину коробку с корпусом, регистрируется и отдает мне багажную квитанцию – картонку с цветной полосой. И я вижу, что полоса у меня желтая, а у него – синяя. Начинаю лихорадочно соображать, к чему это. Выясняю, что офицер летит до Иркутска, где, согласно квитанции, и выгрузят наш корпус от Т-23. Бросаюсь в ноги к диспетчерам, прошу вернуть багаж офицера. Увы, попались суровые тетеньки, или я уже им надоела со своими коробками. Тут появляется Володя! Ноем вместе, что мы бедные аспиранты... Диспетчер отправляет нас к командиру судна. Тот, выслушав наше «мы из Академии наук, нам нужен керосин...», – улыбнулся и скомандовал, чтобы эту коробку извлекли из багажного контейнера и доставили в прямо в салон. Вот такие были добрые времена!

Об А.В. Жирмунском и В.Л. Касьянове

Порой некоторые поступки АВЖ казались чудачествами. Он многое нарушал как администратор: не было ставок, но брал сотрудников сверх штата, договаривался о подготовке аспирантов в Ленинграде, Москве. Собирал кадры отовсюду, очень разных людей порой приводил. Не все, к счастью, приживались. Старался поддерживать всякие неформальные встречи, создавал во всем коллектив единомышленников. Ежегодные вечера, а к круглым датам «издавались» юбилейные купюры – «деньги» рисовала Таня Черненко. Алексей Викторович проводил курсы по корректуре и по редактированию. Хотя с русским языком в ИБМ было всегда хорошо, и

я знала любовь Владимира Леонидовича Касьянова к различным словарям-справочникам, однако как-то попеняла ему на неправильное ударение в довольно часто им употребляемом «обеспечении». Он со своей хитрой и обаятельной улыбкой каждый раз потом спрашивал, выступая на дирекции: «так?»

И даже гости АВЖ воспитывали нас, учили грамотности. Так, однажды я сопровождала гостей из Ленинградского отделения издательства «Наука» на остров Попова. В музее «Природа моря и ее охрана» привлекла внимание хорошая витрина с фотографиями из жизни ИБМ. Гости одобрили качество снимков, а вот подписи к ним, говорят мне, неправильно составлены. «Смотрите, у вас: «Член-корреспондент А.В. Жирмунский *рассказывает* члену ЦК КПСС, президенту АН СССР академику А.П. Александрову...», а правильно: «Академик А.П. Александров, президент АН СССР, член ЦК КПСС *слушает* А.В. Жирмунского...» Этому меня не учили раньше...Переписка становилась основным способом общения с АВЖ, если он работал дома. Однажды извне пришел запрос подготовить какую-то «пустую» бумагу. Я работала ученым секретарем. Пишу о своих сомнениях – надо ли ее писать, и свое заключение: «Напишу, т.к. все равно потом заставят». Получаю следующий ответ: «Тамара, надо писать т.е., но – так как!» Размышляю, что это? Спросила, надо ли писать, а он – что-то невразумительное. Но потом дошло: АВЖ и здесь дает мне урок. Выяснила: «*так как*» пишется полностью, не сокращается, а «*т.е.*» можно сокращать. У них разные языковые понятия. Запомнила.

Добровольный уход Алексея Викторовича с поста директора в 1988 году вызывал немало удивлений в академическом мире: «Как? Сам? Добровольно? Не старый еще!» Ему было 67 лет. И пресловутого ФАНО – мало прожившего Федерального агентства научных организаций тогда не было, и цензов возрастных... Но он готовил преемника задолго до своей отставки, в два приема. Владимир Леонидович Касьянов – ВЛК – сопротивлялся. Отношение к карьере как-то в шуточном разговоре он описывал так: «В детстве очень хотелось быть начальником, но, повзрослев, понял, что это наказание за какие-то грехи, а не благодать вовсе».

Оба они – и АВЖ, и ВЛК не любили работать за закрытыми дверями. Заседания дирекции по понедельникам были как «Отче наш», вход был для всех открыт. Хуже других переносил отчетно-указательные понедельники Николай Васильевич Лобов, заместитель директора по общим вопросам. Особенно при Касьянове. Заседания начинались с того, что Николай Васильевич отчитывался, в порядке ли

все службы, которыми ежечасно пользуются сотрудники, не стыдно ли, например, иностранцу зайти в туалет на любом этаже.

Обсуждались открыто важные для всех вопросы: о финансировании, о проверках и т.п. О своих командировках ВЛК отчитывался подробнейшим образом: куда заходил, что узнал, кто что сказал. Мы все были в курсе московских академических событий, грядущих мероприятий. С ним было легко работать, хотя иногда ссорились, хлопали дверью. Но быстро успокаивались. У меня порой возникали споры с ним по поводу надбавок для вспомогательного персонала, я как ученый секретарь курировала отдел научно-технической информации, а при тех зарплатах, конечно, надбавки были притчей во языцех... При внешней кажущейся суровости и строгости у Владимира Леонидовича было внимательное, без всякой сентиментальности отношение к здравствующим и бережное – к памяти ушедших сотрудников. Это он установил в ИБМ День памяти, когда вспоминаем всех-всех, кто был с нами рядом в течение полувека, начиная с отдела биологии моря.

АВЖ был открыт для всех. Если к нему в кабинет попадал человек даже с мелким вопросом, Алексей Викторович тут же делился новостями, а уж если пришло лицо, к которому он особенно хорошо относился, можно было много чего узнать. Это было традицией. И потому, когда директором стал ВЛК, то помню изумленное лицо секретаря партбюро Валеры Дикарева, вышедшего через пять минут из кабинета Касьянова: «А поговорить?!» Довелось как-то с АВЖ и ВЛК возвращаться в директорской «Волге» с «Востока». Алексей Викторович не умолкал всю дорогу, у него было хорошее настроение. Когда мы вышли из машины в городе, то утомленный Владимир Леонидович изрек: «В отличие от обычных людей, Алексей Викторович отдыхает не когда молчит, а когда разговаривает». Особенно разговорчив АВЖ был в последние годы жизни. Его выступления на любых собраниях порой чрезмерно затягивались, и мне иногда приходилось вставать и говорить: «Как меня учил Алексей Викторович, ученый секретарь всегда ответственен за протокол», – и он, не обижаясь, говорил: «Все-все. Я заканчиваю». Даже во время его длинных тостов на торжествах он вдруг находил меня взглядом и, ссылаясь на мой «строгий нрав» (или ему нужно было закругляться, и он не мог сам это сделать), говорил: «Вот Тамара сейчас скажет...» У нас существовал составленный АВЖ список, назывался «Кого мы любим или не любим». На самом деле это был полезный список – чтобы не забыть поздравить с праздником, с юбилеем, пригласить (или не пригласить!) позаседать, к кому в Москве зайти и т.п. И «управлял» этим списком подчас сам Алексей Викторович, разве что

поздравления с Новым годом слали всем подряд. Кроме обязательных партийных «списков кадрового резерва» у него были свои «демократические» списки. Работал с ними он так: приглашал человека к себе и предлагал на выбор должность (одна другой слаще!) «Кем вы хотите быть – председателем профкома или ученым секретарем?», «Секретарем объединенного совета или...»

После завершения обучения в аспирантуре мы стали приезжать в институт и были поражены богатством оборудования: цейсовские микроскопы, центрифуги Янецки – это я видела в только что открывшемся в МГУ молекулярном корпусе А и в Институте биологии развития, где делала диплом. Как АВЖ это все добывал? Он шел в планово-финансовое управление ДВНЦ к Ксении Степановне Оборонко, талантливому экономисту, выросшему в приморской глубинке. Будучи совсем «неакадемического замеса», она, тем не менее, быстро вошла в сложную жизнь Академии наук и очень много сделала для становления ДВНЦ: при ее активном участии были построены общежития на Кирова, 62 и 64, здания ряда институтов. А чтобы открыть поликлинику в общежитии на Кирова, рассказывала она, брала грех на душу, фантазируя в Минздраве про «отдельные лифты для больных». Но ДВНЦ очень нужна была поликлиника. Главный финансист АН СССР Лев Яковлевич Гервиц (руководители институтов хорошо знали это имя!) после ухода из президиума Андрея Петровича Капицы звал Ксению Степановну на работу в Москву. Но ее «увел» из Владивостока бывший сотрудник и заместитель директора ИБМ, директор ТИПРО Станислав Максимович Коновалов, приглашенный президиумом АН в Тольятти для организации Института экологии Волжского бассейна. Она с большим уважением относилась к АВЖ, ценила его работоспособность и неутомимость и всегда помогала сама и привлекала к этому других чиновников: и строить здание ИБМ, и насыщать его приборами за счет средств, неосвоенных и невостребованных к концу года другими директорами (иначе пропадали по финансовым правилам того времени). А мудрый АВЖ всегда имел обоснованные запросы на этот счет. У меня были также добрые отношения с Ксенией Степановной, и Алексей Викторович нередко напоминал, что у Оборонко при встрече нужно просить ставок-денег.

Апофеоз воплощения деловых качеств АВЖ – строительство здания Института биологии моря. В соответствующем постановлении СО АН СССР про ИБМ было только одно упоминание: «... построить ИБМ». Все остальное – не про нас: за счет сметы такого-то института, по проекту ГИПРОНИИ для другого института, на территории – тоже

не нашей... Поскольку здание планировалось круглым, а заводы не выпускали таких панелей, стройка затягивалась, и Алексею Романовичу Тертычному приходилось составлять плотные графики сотрудничества со строителями. Бывало, что весь институт закрывали для работы на стройке.

В 1980 году, когда мы еще квартировали в здании Биолого-почвенного института, состоялся большой визит на Дальний Восток академического начальства. Нас посетил президент АН СССР А.П. Александров. АВЖ решил воспользоваться моментом: демонстрируя макет нашего «колизея», попросил денег на завершение строительства. Из окна кабинета было видно, что стройка действительно кипит. Президент прокомментировал просьбу такими словами: «Не надо строить дурацких зданий». Но выделить денег пообещал.

«Дурацкое» здание стоило АВЖ немало крови и потрепало много нервов: помимо тяжело решаемых административных и финансовых проблем, были и чисто бытовые опасения с научной подкладкой: не сползет ли «колизей» в море? Дело в том, что в скалу, на которой стоит наш корпус, при подготовке фундамента, говорят, заложили много ватно взрывчатки. Якобы в скале образовалась глубокая щель. Но в то время Госстрой СССР на деле осуществлял мониторинг ненадежных фундаментов. И к нам регулярно наведывался эксперт Госстроя, специалист по сейсмической надежности доктор геолого-минералогических наук Григорий Львович Кофф. Мы были в списке опекаемых им объектов на почетном втором месте после строящегося на плавбунах, на берегу Москва-реки, здания Президиума Академии наук. Бывая во Владивостоке, он работал с проектировщиками и строителями.

АВЖ старался, чтобы мы не были «серыми»

Наступала эра компьютеров. К нам пришли профессионалы из Института автоматики и процессов управления во главе с грамотным, доброжелательным и деликатным Александром Михайловичем Броневским. Мы порой изводили его вопросами домохозяек – про вебсайты, e-мейлы – какая между ними разница? Помню, привезли какой-то супернавороченный калькулятор TEXAS из США, и мы бегали к Броневскому, чтобы выяснить, уж не компьютер ли это?

На освоение компьютера я была брошена в 1983 году. Этажом ниже (в БПИ), стояли большие машины ВЦ, и от них был выведен монитор в комнату напротив дирекции. Саша Броневский давал первые мастер-классы. Заместитель директора нашего института Василий Герасимович Голотин и Алексей Викторович наказывали,

чтобы я «освоила все» и потом «их научила». Задание выполнила наполовину. С последним не справилась. Директор всегда старался, чтобы в институте была приличная оргтехника и приборы в лабораториях, даже посещал выставки оборудования. Еще в здании БПИ у нас была пишущая машинка IBM с кулачковым валиком, красная, красивая, доставшаяся, вероятно, после Тихоокеанского конгресса в Хабаровске. Раритетная вещь была в распоряжении замечательного корректора Аллы Макиенко, только она имела право работать на ней. Печатались важные бумаги для важных людей, поздравления, прошения, некоторые статьи etc. Если кто-то прорывался на эту «чудо-технику» и АВЖ узнавал об этом, то обвинял в нерациональном использовании ценного ресурса и осуждал таких людей «за расточительство». Помню, получил по полной программе Николай Семенович Шелудько за то, что сам распечатал что-то на IBM; за утрату бдительности досталось и Алле.

Знание английского языка всегда приветствовалось, у нас устраивались постоянные курсы, клубы. Помню, как вела занятия Даяна Конвей, профессиональный преподаватель английского из США. Институт всегда отличался любовью к чтению и, соответственно, к людям пишущим. Знание английского многим позволило легко находить контакты с зарубежными коллегами. Очень важную роль сыграла дружба с американским ученым-лингвистом, основателем Института научной информации Юджином Гарфилдом. Для академического сообщества во Владивостоке наш институт стал важной базой в поиске литературы. А дело было в том, что Юджин подарил институту комплект Science Citation Index на компакт-дисках. До этого огромные бумажные тома получал В.Е. Васьковский как член редакционного совета Института научной информации, и передавал эти книги в библиотеку. А тут диски! Но первый комплект дисков у нас украли. Это ж диски, значит музыка, думали воры. Разбили окно на первом этаже и вынесли. Щедрый Гарфилд подарил второй комплект. А воришек поймали и разыскали, правда, не полную стоимость, а всего лишь часть по курсу в рублях. Александр Иванович Пудовкин представлял в суде потерпевшую сторону. Он же принес и положил в институте в сейф мешок рублей, а наутро услышал по радио о грабительской павловской реформе 1991 года, когда следовало обменивать купюры по определенной норме на человека. Саша вспоминал, какой ужас охватил его в то утро. Но эту денежную массу догадались распределить среди сотрудников, и удачно все обменяли. На эти деньги потом купили компьютер и ксерокс для института.

Давно спорят об использовании различных индексов в оценке деятельности ученого, организации, журналов, в целом РАН, однако

никто не умаляет той огромной роли, которую сыграла деятельность Гарфилда в мировой науке в области научной информации. И только в среде малосведущей в науке пишущей братии находятся охотники вешать ярлыки и на Юджина, и на тех, кто с ним работал. Мол, провинциалы, бросались в объятия любому встречному-поперечному, только бы иностранец. Кстати, благодаря «писучести» наших сотрудников я попала (не без участия ВЛК) на работу в Институт «Открытое общество» (ИОО). Сейчас об этих фондах умалчивают или придают несколько иной смысл их деятельности. Но – были грантовые конкурсы Международного научного фонда, где наш институт был самым «крутым» в ДВО: мы имели 11 грантов, а у идущих за нами – по 4–5. Проекты были двухгодичными, и головному офису было сложно управлять ими из Москвы, следить за отчетами, заявками на очередную порцию денег и т.д. Потребовались представители в регионах. А кто как не ученый секретарь обязан разбираться в такой бюрократии? Когда возникла новая программа «Университетские центры-интернет», я стала первым из 33 российских координаторов в фонде. Благодаря активной позиции ректора ДВГУ Владимира Ивановича Курилова в 1998 году у нас, первых из рядовых вузов России, открылся центр-интернет. Так я стала «наместником» Института «Открытое общество» по ДВО, а точнее – координатором во Владивостоке. Затем меня привлекли для работы и в Американском фонде гражданских исследований и развития, в котором наши сотрудники опять же были главными грантополучателями на Дальнем Востоке.

А как все получилось? Владимир Леонидович Касьянов поддерживал сотрудничество с Институтом «Открытое общество». Мой переход туда начался с того, что однажды он привез из Московского головного офиса института пачку (около 450 штук) чеков Bank of NewYork и поручил мне раздать их грантополучателям – от Магадана до Биробиджана. В чеке латиницей указывались фамилия, имя и дата рождения получателя. Ни города, ни сельсовета, ни улицы или дома – ничего более. Список получателей с адресами–телефонами по какой-то оплошности в Москве отсутствовал. Мобильников и баз данных сотрудников тогда не существовало. Нашла практически всех! Помогло необъявленное братство ученых секретарей. После этого москвичи активно стали уговаривать перейти в Институт «Открытое общество» и уговорили. Но с ИБМ я была всегда на связи. ВЛК нередко заходил ко мне в офис в ДВГУ на Октябрьской, 27.

С медициной АВЖ не очень дружил. Во всех болезнях ему помогала медсестра Татьяна – лечила массажем. Вторым по

популярности у него был главврач госпиталя Г. Григоренко, к которому Алексей Викторович обращался сам и даже направлял к нему некоторых нуждающихся во врачебной помощи сотрудников. Первый инсульт настиг его в кабинете в конце рабочего дня после закончившейся научной конференции. Он обычно звонил мне в это время, мол, уезжаю. А тут стал что-то рассказывать заплетающимся языком, объясняя невнятность своей речи «жеванием булочки». Почуввав неладное, я побежала на третий этаж. Он вскочил и, хотя у него было перекошено лицо, стал приседать, размахивать руками, показывая, что здоров. С трудом усадила его в кресло. Уговоры, что он, физиолог, должен понимать, что у него что-то неладное в организме, не помогали. Удалось найти Олега Ивановича Кириллова, которого АВЖ признавал как медика, и дальше был спектакль «случайностей»: приехала «скорая» из больницы ДВНЦ, врач «зашел случайно» к нему домой и т.п. С огромным трудом удалось (на одну ночь, пока Надя, жена, не вернется из командировки) доставить его, как полагается при инсульте, в реанимацию. Меня за такую «подлость» он тут же зачислил во враги, свободно посещать его я не могла, но записки передавала. (Потом простил мое «предательство».) Действительно, крепкого здоровья человек, бывает, с больничными порядками плохо знаком. И тут, как с улыбкой рассказали мне дежурившие медсестры, сразу навел шороху: возмутился, что в реанимацию персонал входит без стука, и велел повесить шторы на окна.

О записках и почте

У меня хранятся такие его «письма», из которых собиралась рабочая почта. Это порой краткие из двух–трех слов, фразы по делу, отзывы, ответы на вопросы и т.п. Поощрения: да-да, см. – «отлично»... Написаны на черновиках, клочках бумаги и скреплены степлером. Жил АВЖ на Академической, и когда он работал дома, то «почту» по утрам забирал его водитель, привозил в приемную, а там уже секретарь раздавала. Помнится реакция шофера, только заступившего на службу к АВЖ: «Все говорят, почта-почта – думал, посылочные ящики придется грузить, а тут конвертики с бумажками».

Алексей Викторович очень любил популяризовать науку: выступал в школах, приглашал школьников в институт, создал Малую академию морской биологии... И высокому начальству не упускал случая про подводный мир рассказать. Во время визита в 1986 году М.С. Горбачева во Владивосток, показывая классные подводные фото «зверюшек», сообщил, что в асцидиях много ванадия, например. Предполагавший, чем это может обернуться, председатель ДВО академик В.И. Ильичев шепнул находящемуся в высокой свите В.П.

Дикареву, рассказавшему недавно мне эту историю: «Остановите Жирмунского, а то Горбачев уедет, а нам план по добыче ванадия спустят».

Заботы ученого секретаря были традиционными: планы, отчеты, семинары, конференции... Особого внимания требовала доставка «важнейших достижений» в Москву в научные советы АН. Эти выписки доставлялись вручную по московским офисам советов. Секретарили в этих советах, как правило, дамы пенсионного возраста, вероятно, имевшие ранее заслуги в ином труде, либо чьи-то хорошие родственники. Это сейчас важнейшие, говорят, демократически отбираются на заседаниях ученого совета, да и то встречаются необъяснимые случаи... Поскольку тематика часто дублировалась, то, например, в советы по молекулярной биологии или по биологическим мембранам порой писали одно и то же. И вот как-то я решила уточнить в одном совете, куда лучше «пристроить» то, что я привезла, в этот совет или в другой. Тогда я еще испытывала легкий трепет перед академической чиновничьей братией. Даму пришлось долго ждать. Она явилась с пачкой мужских сорочек – «давали» в «Галантерее» рядом со зданием Президиума АН. Ответ на мой вопрос был таким: «Я в этом ведь все равно ничего не понимаю. А ты, деточка, сама-то как думаешь? Вот так и сделай». А мне казалось – профильный совет АН СССР, профессионалы! Полезный этюд получился для моего становления как ученого секретаря.

Давал уроки «правильной бюрократии» и сам АВЖ. Существовал в ДВНЦ, как и сегодня, Объединенный ученый совет по биологическим наукам. В его составе были директор БПИ Павел Андреевич Лер и уже явный новый директор Юрий Николаевич Журавлев. И когда нужно было решить вопрос, требующий выписки из протокола заседания совета, то АВЖ как председатель приглашал к себе в кабинет обоих членов, и если собирались все трое, то это было «заседание президиума совета», а если приходил кто-то один из них – это было «бюро президиума совета». Благо все сидели на одном этаже. Он экономил время сотрудников и не созывал 10–15 человек «позаседать».

Отдел биологии моря долго помещался в здании ДВГИ. В комнате 209 была лаборатория, которую возглавил Леонид Ефимович Пинчук. Это был своеобразный накопитель, куда АВЖ направлял большинство зачисляемых в отдел сотрудников. Туда пошли Титлянов, Звалинский, Шуколюков, физиологи из Ленинграда, Борис Бессонов и Валерий Свешников. На этом же этаже была и дирекция, где сидел сам АВЖ, и кадры, и бухгалтерия. На четвертом этаже – группа симпатичных молодых дам во главе с Галиной

Владимировной Коноваловой – будущее фитопланктологии в нашем институте. На пятом – алтуховцы, коноваловцы: Володя Омельченко, Валера Акулин, талантливый Юра Тутуров, погибший во время жуткого пожара в здании этого института в 1976 году.

Мне как биохимику было поручено курировать химреактивы. В памятном зеленом бараке был «склад химреактивов» – комната с флаконами и бутылками на полках и на полу и большой деревянный ящик, в котором, по классификации кладовщицы, были «жидкости и порошки». Флаконы с диэтиловым эфиром, ацетоном, хлороформом, кислоты разные: серная и рядом на полу дымилась соляная... Подтекающую бутылку с бромом пришлось выносить в толстых кожаных зимних перчатках. На пальце памятная отметина до сих пор осталась. Как это все не рвануло?

Мы строились, строились...

График строительных работ для сотрудников составлял Алексей Романович Тертычный. Как-то после трудовой смены с Валею Шеиной опоздали на электричку, а тут вдруг прикатил самосвал с керамзитом. Пришлось нам лопатами вычищать кузов самосвала, чтобы не пропало ничего. Так повелел, по словам водителя, наш главный строитель Николай Ефимович Шурипа. Так что зданьице наше, ох!, какой «ручной работы». Как-то с Ириной Барсеговой вспоминали «свои участки» и выясняли, где «наши» части наружной стены в административном корпусе. Строить приходилось немало и в других местах. Первый барак на МЭС, где главной была Нина Львовна Лейбсон, drankовали все, включая приехавших на работу гостей с запада, Александр Александрович Нейфах, мой шеф, тоже часто вспоминал это. Потом был «Витязь», откуда в 1974-м ушли военные и передали ДВНЦ все береговые помещения, включая госпиталь, школу, почту, дома начальствующего состава. Наши мужчины были оформлены каким-то хитрым способом в строительную бригаду, в которой из профессионалов был один местный, горький пьяница, которого Коля Латышев и Володя Воробьев по утрам приводили на работу. Помогали энтузиазм, молодость, силы, финансовая поддержка. Предполагалось, что это будет база для всего Дальневосточного научного центра. Госпиталь в итоге стал прекрасным лабораторным корпусом, поработать в котором мечтали сотрудники из Москвы, Ленинграда. В нем было все необходимое для работы биохимиков и не только, кроме традиционных приборов – холодная комната, изотопная со сцинтилляционным счетчиком (Женя Сенченков из МГУ его настраивал). Вячеслав Сова, который в ту пору был в руководящем составе на «Витязе», только

вернулся из США, видел, как там «у них», и мы сделали не хуже. Запомнились ярко-красные батареи отопления – «как у них».

Рядом с этим корпусом стояло здание школы. Ее перестраивали для Нины Львовны Лейбсон и лаборатории Павла Александровича Мотавкина. Суперперфекционистка Нина Львовна по утрам приходила проверять, как идет ремонт, и обязательно вносила какие-то коррективы, например, просила «чуть-чуть измените цвет стен» – он в каждой комнате должен быть свой. И ведра мусорные должны быть цвета стен, это я помню – в Краскино, куда мы ездили с «Витязя» за продуктами, их искала. Перекрашивать стены было не очень сложно, хотя и ворчали, подчиняясь капризам заказчицы. Но, когда она попросила «сдвиньте еще разок раковину чуть-чуть вправо», наши интеллигентные ученые-строители превратились в настоящих рабочих, работающих с чугунной сантехникой, и кратко выразили свои эмоции... Марина Ващенко, Люда Ушева, Лида Фролова, а потом и Марина Елисейкина мужественно несли свой крест и на стройке и далее в рабочие будни...

На «Витязь» разрешалось приезжать с детьми, даже когда уже началась работа в корпусах. За детьми приглядывали все. Нашу дочь Ксению (1976 года рождения) учила ходить по длинному коридору лабораторного корпуса тетя Нина Бельчева. Дети обожали дядю Володю Брыкова, дядю Володю Матюшина. Как-то Нэля Одинцова привезла свою Сашу. Я слышала, как наша Ксюша – абориген! – инструктировала ее: «Шаша, на дорогу не ходи, а то задавит тебя машина и будет плохо пахнуть». Дорога от витязевского пирса, куда подходили сейнеры, проходила недалеко от лабораторного корпуса. Рыба, выпадавшая на крутом повороте из кузовов машин, на жаре гнила, неприятный запах разносило по всей округе. Рыбу возили в Андреевку, в зверосовхоз, для норок, круглый год. В прилове нередко оказывались крабы, а уставшие от моря рыбаки заходили к нам в корпус на огонек, тогда во дворе корпуса в баке Вовчик Стехов варил деликатес.

Лабораторный корпус жил и работал круглосуточно. Не исключались вечерние посиделки и, конечно, праздники, на которых бывали и дети. Только Виктор Васьковский, абсолютно непьющий, уходил спать раньше всех. Как-то за завтраком Ксюша – мы вернулись в город – спрашивает у папы: «А зачем, когда что-то пьют, то стаканами стучаются?» Папы не было на «Витязе» неделю. «А часто стучаются?» – «Не очень! Только когда дядя Коля приехал, а потом тетя Нина уехала, а потом был день рождения у тети Вали, а потом была суббота...» Валера Дикарев не хотел огорчать Виктора Евгеньевича отсутствием сотрудников на работе после поздних

посиделок, ранним утром прибежал в корпус и включал приборы – все гудело, светилось, иллюзия рабочего состояния была довольно убедительной. И Васьковский делал вид, что верит... По вечерам за лабораторным корпусом гоняли футбольный мяч, играли и мужчины, и женщины, и зимой, и летом.

Основные публикации сотрудников лаборатории сравнительной биохимии приходятся как раз на это счастливое время...

С КОЛОССАЛЬНЫМ УСПЕХОМ И БЕЗ ПОТЕРЬ

На коралловые рифы Австралии

Эдуард ТИТЛЯНОВ

Морская тропическая экспедиция Института биологии моря на острова, атоллы и банки Индийского океана на научно-исследовательском судне «Каллисто» была проведена с 9 апреля по 17 августа 1978 года с целью комплексного изучения коралловых рифов Австралии. В состав экспедиции входили 62 участника (34 персоны научного состава и 28 членов экипажа). Среди научного состава – 2 доктора и 5 кандидатов наук.

Начальник экспедиции – Борис Преображенский, капитан судна – Болислав Лаптев. Состоялись заходы в порты Сингапур, Таунсвилл, Брисбен и Сидней. Задачи экспедиции были выполнены полностью: экватор пересечен в южном и северном направлениях ($0^{\circ}0'0''$ широты и $90^{\circ}59'59''$ восточной долготы) без каких-либо форс-мажорных обстоятельств и потерь. Коралловые рифы Австралии изучены, отчеты сданы по инстанциям.

Ключевые слова: экватор, экспедиция, Нептун, Наяда, звездочет, секретный сотрудник (сексот), лекарь, «черти» под номерами, виночерпий.

Опираясь на отечественную литературу по проведению экспедиций в моря Южного полушария (Крузенштерн, 1809; Лисянский, 1812; Беллинсгаузен, 1949) и собственный опыт, можно предположить, что успех экспедиций в Южное полушарие зависит главным образом от двух антропогенных факторов, или исполнения основных морских традиций: 1) проводы экспедиции в рейс; 2) переход экватора в южном направлении.

Проводы в рейс, что это такое?

Попробуем на основании литературных данных (Конецкий, 1987; Арзамасцев, 2000; Лелеткин, 2005; Латыпов, 2015) и собственного опыта дать ряд рекомендаций (правил) начинающим начальникам морских научных экспедиций, их заместителям по научной и хозяйственной работе и всему составу научной группы, как правильно организовать проводы в рейс, чтобы заложить основу успешного путешествия и продуктивной научной работы в тропиках.

Проводы в институте. За несколько дней до отхода (время выхода в море уже назначено, иногородние участники экспедиции уже прибыли) необходимо провести общее собрание коллектива научной группы с приглашением всех желающих (сотрудников ваших лабораторий, домочадцев, друзей). Примерная программа собрания может быть следующей:

1. Обязательно: выступление (напутствие) директора института, где он сообщит о важности целей и сложности задач, поставленных перед экспедицией правительством страны, президиумом Академии наук и руководством института. Далее он будет говорить, почему нашей стране нужны тропические исследования, почему биология, медицина, современные технологии не могут развиваться без биологических исследований в тропических морях. Потом директор перейдет к напоминанию, что ваш родной институт имеет очень широкий спектр исследований и не ограничивается изучением биологии только отечественных морей, и примером этому является ваша экспедиция, также имеющая широкий спектр задач, которые будут решены сотрудниками института. В заключение своего выступления директор наверняка пожелает вам успехов и 7 футов под килем.

В ходе выступления директора вы наполняете свою душу важностью вашего решения пойти в эту экспедицию, а может быть и в следующую, а может быть и вправду серьезно заняться тропиками. Ваша жена, присутствующая на собрании, шепчет вам в ухо, что она вас любит и будет ждать, и что она была неправа, уговаривая вас не ходить в рейс.

2. Обязательно: выступление начальника экспедиции. Он повторяет (в непринужденной форме) слова директора о важности целей и задач экспедиции, знакомит присутствующих с составом (по списку), затем со структурой экспедиции (отряды и их начальники); подробно (уже по морской карте) знакомит с маршрутом экспедиции, на хорошем английском перечисляет порты захода (жена опять вам шепчет в ухо, уже с восторгом, что и где купить для дома и семьи); кратко характеризует районы работ (что, где, когда) и по «многолетним измерениям» (Атлас Тихого и Индийского океанов) описывает климат выбранных районов.

Ваш будущий начальник предупреждает желающих работать в тропиках, что морские тропические экспедиции (включая биологические) во все времена и у всех народов считались авантюрой и экстримом (штормы, смерчи, Бермудский треугольник, Саргассово море, неизлечимые болезни, людоеды, пираты, вызывающая хандру

не проходящая тоска по дому, а иногда даже измена Родине и близким людям) и приводит примеры из прошлого (экспедиции Одиссея, Кука, Немо, Дарвина) и из настоящего (экспедиции Б.В. Преображенского, В.А. Стоника, Э.А. Титлянова). Затем он делится с будущими подчиненными своим опытом работы в тропиках, называя себя «морским волком» и приводит, как ему кажется, интересные случаи из жизни других экспедиций. К примеру, такие: «Вся экзотика тропиков заканчивается на третий день работы, когда под вечер ты сидишь под пальмой на горячем песке (ждешь бот с судна) с обгоревшим лицом и телом, с язвами от маски, орудуя водолазным ножом, улетаешь тушенку (водолазный паек) из банки».

Дальше «морской волк» проинформирует участников, никогда не ходивших в морские экспедиции, что с командой капитана «Отдать швартовы!» вы оказываетесь в полном подчинении его персоны, и только он имеет право вас благодарить и наказывать (жена недоумевающе шепчет: «А как же я?»). Ваш будущий начальник без особого энтузиазма предупреждает, какие трудности ждут вас в рейсе, чего категорически нельзя делать в рейсе и что поощряется начальством (список неположенных дел, в докладе начальника, значительно длиннее поощрительного списка). В конце своей речи он желает всем участникам будущих успехов и будущих «7 футов под килем».

После этого выступления у вас еще есть время обсудить дома с близкими необходимость участия мужа (жены) в рейсе, так как многое из сказанного будущим начальником является чистой правдой. Романтики и оптимисты, вы нужны в экспедиции, отстаивайте свое право на экстрим и авантюру! Реалисты и пессимисты, вам лучше остаться дома.

3. Желательно: выступление капитана, но только после первых двух докладов (директора института и будущего начальника экспедиции). Капитан представляется и докладывает директору института и предполагаемому научному составу экспедиции о ходовых, маневренных, постановочных и других возможностях научно-исследовательского судна (точно по инструкции) и о готовности судна в рейс: о полноте состава команды, количестве топлива, наличии кают для «науки», количестве и качестве малых плавсредств (все хорошо, но проверить невозможно – время покажет). Капитан говорит, что трюмы забиты продуктами, а танки – водой и, что особенно приятно слушателям, после пересечения широты Тропика Козерога научному составу, наравне с экипажем, будет ежедневно выдаваться по 300 граммов красного вина, и не бурды какой-то, а мерло и каберне московского производства (аплодисменты от новичков и «уууууууу!» – от бывалых). В Сингапуре будут пополнены запасы скоропортящихся

продуктов и разрешен выход в город всему составу экспедиции в группах по три человека. Капитан сообщает, что он свято чтит «Морской устав», и за жизнь каждого участника экспедиции на его судне отвечает только он, и разрешение на выход в море хоть вплавь, хоть на малых плавсредствах дает только он (взгляд в сторону «морского волка») и последнее: «Семь футов под килем!»

4. Желательно: выступление судового врача или лучше из «старейшин» (опытнейшего водолаза-биолога) разумнее слушать сидя рядом с женой, что даст возможность экспедиционному начальству заранее избавиться от неуверенных в себе реалистов-пессимистов. Речь старейшины (это правда и только правда) о реальных угрозах, поджидающих морских путешественников на воде и под водой, – это рассказ о смертельно ядовитых морских животных, от укуса которых нет противоядия, и о таких агрессорах, как акулы и барракуды. Докладчик должен сообщить, как отличить этих животных от других, неядовитых или не слишком ядовитых и не слишком агрессивных, и каково должно быть ваше поведение при встрече с «агрессором».

Итак, новички, вас частично подготовили к экспедиции и уже несколько раз пожелали вам и всей экспедиции «7 футов под килем», что укрепляет надежду: экспедиция будет успешной, и вы здоровые и по-прежнему влюбленные в своих жен (мужей) вернетесь домой.

Домашние проводы. Не все ваши родственники и друзья могут прийти на проводы в ваш институт или на судно, поэтому мы рекомендуем вам организовать проводы также и дома. Проводы дома лучше всего устроить за день до отхода: во-первых, у вас уже практически нет ни возможности, ни времени для отступления – судно у причала, документы на судне, и, во вторых, ваши экспедиционные вещи уже собраны, но не упакованы до конца на случай, если кто-то из домашних или друзей посоветует вам что-то взять еще с собой в экспедицию.

Ну вот, домашние в сборе, пришли гости, и началось провожание. Основной целью домашнего провожания является встреча с близкими перед ответственным, не простым и, как было сказано выше, даже экстремальным морским путешествием в тропики. Вы хотите получить одобрение друзей, а с их поддержкой и домашних, уйти из дома на четыре месяца (средняя продолжительность таких экспедиций), чтобы изучить жизнь тропических морей, применив при этом свои знания и талант исследователя. Произносятся тосты, и чем больше друзей вы пригласили, тем больше пожеланий, хотя они примерно одинаковы (и это хорошо, нет разброда мыслей у

проводящих): 7 футов под килем (*нет* рифам и мелям), полного штюля (*нет* штормам и тайфунам), здоровья (*нет* тропическим болезням и атакам акул, укусам змей, тарантулов и всякой нечисти), успехов (*да* науке и таланту), оптимизма (*нет* хандре и *да* романтике) и т.д. Все высказались, а дальше уже без тостов, но с выпивкой, начинаются воспоминания и советы морских волков, бывалых моряков и морячек, их жен и мужей, что-то вроде этого: «Да знаю я этого капитана – он трус»; «Судно на ладан дышит, хотя и после ремонта»; «Лучший способ выжить – это завести дружбу с зав. продуктами»; «Им там, на судне, какие-то таблетки *от этого* дают, некоторым помогает»; «Чай с мятой лучше всего, ты ему положила?»; «Положи черные соленые сухарики, с сингапурским пивом – полный балдеж»; «Огурчики соленые от качки помогают». И т.д. Все, вы устали, гости пьют на посошок и уходят, повторяя вам наилучшие пожелания. Рейтинг вашего путешествия растет, а успех предприятия, если не гарантирован, то, по крайней мере, возможен.

Проводы на судне. Проводы экспедиции в рейс уже на судне длятся недолго, правда, если отход не переносят на следующие сутки. Последнее означает, что не все в полном порядке, и это первый сигнал, что и в дальнейшем что-то может быть не в полном порядке. Вот основные причины, по которым могут отложить рейс:

- нерадивые начальники назначили отход судна на понедельник или в черную пятницу, и любой капитан (даже отчаянный) будет ждать наступления следующих суток, чтобы скомандовать «Отдать концы!»;
- хитрый капитан приглашает «пожарника» в день отхода, чтобы не накрывать на стол дважды и подписать документы, не выходя из каюты; пренебрежительное отношение к «ключевому» проверяющему возмущает последнего, и он находит причину, чтобы подписать документы на следующий день;
- отсутствует (не прилетел, заболел, отказался от рейса) кто-то из науки или экипажа. Необходимо срочно искать замену (если из экипажа) или ждать опаздывающего (если из науки), и хорошо, если рейс задержится только на сутки;
- начальник порта не дает «добро» на выход – или объявили штормовое предупреждение, или неполадки в порту (столкнулись суда, пожар, теракт), или ваш капитан когда-то «насолил» тому, кто дает «добро» на выход;
- проводы судна в рейс сорваны (кража, драка, убийство или другое ЧП во время проводов), и члены экипажа и господа ученые из категории участников экспедиции, сразу же и надолго, переходят в

категорию участников происшествия (подследственные или свидетели). А время неумолимо бежит вперед, сокращаются сроки экспедиции, изменяются даты захода в порты, заканчиваются разрешения на работу в «строгих» странах. И пошло-поехало.

Сегодня все идет по плану, и утром, наняв такси или договорившись с товарищем, имеющим машину, обязательно взяв с собой жену и детей, отправляетесь на судно (время отъезда зависит от времени отхода судна). Перенеся багаж в каюту (как-то язык не поворачивается называть эти все крайне нужные вам в экспедиции вещи багажом) и свалив его в кучу (надо подождать напарника по каюте, который должен вот-вот подойти), вы со всей семьей выбираетесь на палубу для осмотра судна, на котором папа/мама пойдет в далекий и долгий рейс. Вахтенные на судне готовы к приему гостей, и вы обязательно побываете с детьми на мостике, в машинном отделении, в лабораториях, в водолазном отсеке. Уверяю вас, что дети запомнят это на всю их жизнь и, может быть, захотят пойти вашим путем – в науку о море.

Вот уже пришел и ваш напарник по каюте, и ваши ближайшие соседи. Вы вместе решаете, что для «отвальнющей» лучше всего подойдет каюта одного из ваших соседей, так как она чуть больше. Ваши жены накрывают «поляну», хвастаясь селедочкой под шубой или без шубы, огурчиками, помидорчиками, перчиками и прочей снедью собственного изготовления (особенно заботливые многое из этого положили в ваш багаж «на первое время»). Ну а вы – самогоном или домашним вином, что тоже положили в багаж «на первое время». И вот «отвальная» в процессе, к вам в каюту заходят приятели из науки и экипажа, вы заходите на соседние празднования, выходите на палубу подышать, где гуляют с детьми и знакомятся семьями ваши жены. У вас прекрасное настроение, все желают вам здоровья, успехов и 7 футов под килем, а это, согласитесь, не фунт изюму!

Итак, опираясь на опыт российских мореплавателей далекого и недалекого прошлого и наш собственный опыт, можем с уверенностью сказать, что только такое многоуровневое прохождение обеспечит вам 7 футов под килем и успех предприятия.

Переход экватора

Следующим, после проводов, и не менее важным этапом экспедиции в тропики, является давняя морская традиция пересечения судном экватора. Вот как описывается эта традиция в

памятке военным морякам Военно-Морской академии им. адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова: «Значение традиций, церемоний и обычаев, освященных веками, – громадно, и они есть тот фундамент, на коем покоится дисциплина и порядок. Церемония перехода линии экватора есть комедия-фарс, соблюдаемая в силу морского обычая, как на военных, так и на коммерческих судах всех наций с целью дать развлечение команде, нарушить монотонность долгого перехода. По своей идее это было испытание новичков в морской службе в предстоящей им тяжелой, полной лишений службе на море. История указывает, что уже викинги, пересекая некоторые параллели, исполняли этот обычай. Весьма возможно, что они и были создателями этого обычая. В первые дни мореплавания эта церемония совершалась с благоговением и полным уважением к мифологическому богу Нептуну – владыке морей и морских стихий, во что тогда искренне верили моряки. И в настоящие дни его величество Нептун есть главное лицо церемонии-обычая».

Первое празднование перехода экватора русскими моряками состоялось 14 ноября 1803 года в первой русской кругосветной экспедиции Ивана Федоровича Крузенштерна и Юрия Федоровича Лисянского. Вот как описано это в статье «Флотские поверья и легенды» (<http://flot.com/publications/books/shelf/russianfleet/34.htm>): «Корабли 14 ноября впервые вошли в Южное полушарие. В честь этого события личный состав кораблей надел парадную форму, были подняты стеньговые флаги и произведен салют из орудий обоих шлюпов. «Ур-р-ра!» – гремело над волнами, отсвечивавшими ослепительными солнечными бликами. Затем на флагманском корабле устроили инсценировку: мифический морской царь Нептун, сопровождаемый красочной свитой, состоящей из телохранителей, русалок, чертей и других «придворных», медленно и важно шествовал с бака на шканцы, где была построена команда «Надежды». Дул легкий пассат, и корабли лежали в дрейфе в нескольких метрах друг от друга, чтобы и экипаж «Невы» смог принять участие в торжестве. Вид Нептуна был грозен, и мало кто из «надеждинцев» узнавал в нем своего квартирмейстера Павла Курганова – длинная лохматая борода из мочала, такие же лохматые брови закрывали почти все лицо. На голых плечах – мантия из старой парусины. В мускулистой правой руке – громадный трезубец, на славу сработанный корабельным кузнецом Михаилом Звягиным. Черти, перепачканные камбузной сажой, корчили такие рожи, что все покатывались со смеху. Моряки дергали «нечистую силу» за веревочные хвосты. Шум, крики, хохот раздавались на палубах кораблей. Важно и невозмутимо Нептун

приблизился к офицерам, стоявшим поодаль, и, трижды стукнув трезубцем о палубный настил, спросил: «Кто есть капитан судна сего? Какие люди и куда путь держат? Как осмелились потревожить меня в царствии моем?» Вперед выступил высокий худоцавый офицер. Почтительно, но с достоинствами поклонился: «Сим судном командуя я, флота капитан-лейтенант и кавалер Иван Федоров сын Крузенштерна. Все мы россияне, а путь наш долог и многотруден, потому и просим тебя, грозный владыка морских пучин, даровать нам попутного ветра и ниспослать благополучия в плавании».

Нептун свирепо посмотрел окрест, грохнул трезубцем о палубу и громовым голосом сказал: «Быть по сему!», а затем потребовал от капитана выкуп – бочонок рома для себя и свиты и приказал всех, кто впервые пересекает экватор, подвергнуть морскому крещению. С веселым смехом и шутками телохранители владыки морского окунули в «купели», которые были заранее изготовлены из дерева и запасных парусов, всех участников плавания. Этой процедуре подверглись все без исключения, кроме Крузенштерна и Лисянского, ранее плававших в Южном полушарии на кораблях британского флота. После этого морской царь поздравил экипажи с благополучным переходом в южные владения его царства, разрешил кораблям следовать далее, пообещав на всем маршруте ниспослать им попутного ветра, и затем величаво удалился» (Боголюбов, 1879).

Своевременное, безошибочное, безаварийное и беспрепятственное пересечение экватора является залогом успешного проведения морской тропической экспедиции, а веселое празднование этого момента – залогом дружбы и сотрудничества всего коллектива экспедиции. Гипотетически можно утверждать, что проведение описанных выше общесудовых мероприятий позволит морской тропической биологической экспедиции успешно решить все поставленные перед ней задачи и безаварийно и без потерь вернуться в порт приписки судна. Поэтому целью нашей настоящей работы была практическая проверка гипотетического утверждения, что природные и антропогенные условия, в которых осуществляется процесс перехода экватора научно-исследовательским судном, кардинально влияют на результаты работы экспедиционного коллектива.

Место и время работы

Празднование перехода экватора было проведено нами в Индийском океане в координатах: 0°0'0''широты и 90°59'59'' восточной долготы на научно-исследовательском судне «Каллисто» (бывший

большой морозильный траулер) с 12:00 до 15:00 судового времени 29 мая 1978 года...

Подготовка к работе

1) Выявление членов коллектива, никогда не пересекавших экватор (исполнитель – помполит).

2) Отбор (кастинг) научных сотрудников и членов экипажа в труппу исполнителей праздника (добровольное сотрудничество).

3) Изготовление оборудования: костюмы (каждый сам себе); чистилище и бассейн (боцман); труба чистилища (стармех); смазка трубы (вахтенный моторист); смотровой кабинет (судовой врач); обсерватория (главный водолазный специалист, звездочет по совместительству).

4) Стихоплетство сценария (по правилам – начальник экспедиции, по факту – зам. начальника экспедиции с сотоварищами).

Методы исполнения

Предупреждение!: В процессе выполнения работы, не грубить, не хамить, не оскорблять!

Мероприятие проводится в стихах – 2-стопный ямб, по рекомендации Его Всеморского Величества, Императора четырех океанов, Царя 55 морей, Князя 10 080 заливов и бухт, Всемогущего и Благородного Повелителя Нептуна.

Обряд крещения проводится по законам и правилам вышеуказанного повелителя, отредактированных и принятых Ее преосвященством Наядой, ясновидящей женой (здесь нет полной ясности) вышеуказанного повелителя.

По порядку выполнения работы:

– момент перехода экватора и залегание судна в дрейф;

– встреча Нептуна и его свиты;

– доклад капитана судна Нептуну о тоннаже, маневренности и живучести научно-исследовательского судна, а также о целях и задачах экспедиции (последнее можно передать начальнику экспедиции, но только по рекомендации Нептуна);

– обряд крещения тропических новичков командой Нептуна, временно внесенных в судовую роль: Нептун – 1 (один), Наяда – 1 (одна), Сексот – 1 (один из науки/команды временно командирован в группу Нептуна), звездочет – 1 (один), лекарь по кличке Эскулап – 1 (один), черти (четверо, возможно разнополые) и русалки (от двух до четырех);

– товарищеский ужин с труппой Нептуна;

– общесудовые танцы на палубе до упаду, дамы приглашают кавалеров первыми. (Однако!)

Результаты работы научной группы и экипажа научно-исследовательского судна «Каллисто» по переходу экватора представлены главным образом в виде фотографий, документирующих это мероприятие.

Морская тропическая экспедиция Института биологии на коралловые рифы Австралии вернулась во Владивосток в полном составе 17 августа 1978 года. За 120 дней работы в тяжелых тропических условиях коллектив экспедиции с большим энтузиазмом и успехом выполнил поставленные перед ним цели и задачи. Работая в просторных, оборудованных по последнему слову техники лабораториях и под водой, иногда с риском для жизни, советские ученые комплексно изучали жизнь коралловых рифов Австралии. В заключение можно с уверенностью сказать, что такой колоссальный успех экспедиции стал возможен только при строгом соблюдении морских традиций всем коллективом, начиная от начальника экспедиции и капитана и заканчивая лаборантом и матросом.

Литература

- Арзамасцев И.С.* Приключения под водой и над водой. 2000. Владивосток. 288 с.
- Беллинсгаузен Ф.Ф.* Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820 и 1821 годов. Второе издание с сокращениями и изменениями. 1949. Москва: Государственное издательство географической литературы.
- Боголюбов Н.П.* История корабля. Т. 1. М., 1879. С. 280–283.
- Конецкий В.В.* Морские повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1987. 656 с.
- Крузенштерн И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева». СПб.: Мор. тип., 1809-1812. - Ч. 1-3
- Латыпов Ю.Я.* Почему и для чего мы появляемся на Земле. 2015, издательство Сталинград: Москва. 191 с.
- Лелеткин В.А.* Сокровища Чамов. 2005. Владивосток. 159 с.
- Лисянский Ю.Ф.* Путешествие вокруг света. 1812. Санкт-Петербург, 1812 год. Типография Ф. Дрехслера. 342 с.

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ ПИНАЕВ
И ИНСТИТУТ БИОЛОГИИ МОРЯ
София ХАЙТЛИНА, Нэлия ОДИНЦОВА

Георгий Петрович Пинаев (1929–2013) большую часть своей жизни проработал в Институте цитологии РАН (Санкт-Петербург). После окончания кафедры биохимии биолого-почвенного факультета Ленинградского университета и аспирантуры на кафедре биохимии Ленинградского медицинского педиатрического института под руководством академика Ильи Ильича Иванова в 1964 году с большим успехом защитил кандидатскую диссертацию на тему «Качественные изменения структуры сократительных белков в процессе развития мышечной ткани». Еще до защиты диссертации был принят в Институт цитологии в лабораторию биохимических основ репродукции клетки, которой руководил Владимир Иосифович Воробьев. В этой лаборатории, созданной для изучения проблем молекулярной биологии, исследование сократительных белков было невозможно. Продолжить эту работу Георгию Петровичу удалось благодаря созданию Института биологии моря ДВО РАН.

Как пишет Георгий Петрович в своих воспоминаниях, к нему обратился директор Института биологии моря, бывший сотрудник Института цитологии Алексей Викторович Жирмунский с просьбой подготовить молодых сотрудников для новой лаборатории биофизики клетки, которая занималась бы биофизическими, биохимическими и молекулярно-биологическими исследованиями морских организмов. Это предложение позволило Георгию Петровичу собрать группу молодых сотрудников, аспирантов Института биологии моря (Николай Шелудько, София Хайтлина, Александр Тартаковский, Владимир Матвеев, Олег Глебов, Ольга Подгорная и примкнувший к ним Борис Маргулис) и продолжить исследования структуры и свойств мышечных белков сократительного аппарата моллюсков. В конце 60-х годов сотрудники группы начали осваивать лабораторию на биостанции «Восток» (Находкинский район Приморского края), а после 1972 года в лаборатории начались систематические исследования, в том числе, при совместной работе с сотрудниками Института биофизики РАН (Пущино). Таким образом, благодаря Г.П. Пинаеву была создана одна из ведущих в нашей стране научных школ в области изучения биологической

подвижности. В настоящее время это пять докторов наук и их ученики, уже вырастившие немалое количество своих учеников.

Георгий Петрович вложил много собственного труда и организаторских усилий для строительства и функционирования биостанции «Восток» как филиала Национального научного центра морской биологии ДВО РАН. До сих пор на потолке веранды лаборатории биофизики клетки на биостанции есть благодарные подписи людей из разных уголков нашей страны, проработавших там какое-то время. И, конечно, никто из приехавших на биостанцию «Восток» не забудет легендарных балетов, поставленных под руководством Пинаева к празднику Дня моря в разные годы. Это была еще одна грань его творческой натуры. Многим удалось не только увидеть эти замечательные балеты, но и поучаствовать в них.

После того, как первые аспиранты Г.П. Пинаева защитили кандидатские диссертации, в Институте биологии моря была создана лаборатория биофизики клетки, заведующим которой с момента ее основания стал д.б.н. Николай Семенович Шелудько. Исследования, проводимые в лаборатории, направлены на выявление особенностей сократительного аппарата моллюсков. Свойства основных белков и состав регуляторных сократительных белков в разных сократительных системах различны, и именно эта вариабельность может определять функциональные свойства систем и их отличие друг от друга.

По инициативе профессора Георгия Петровича Пинаева в 1986 г. в лаборатории биофизики клетки была организована группа по культивированию клеток морских беспозвоночных. В 2009 году на базе этой группы создана новая лаборатория клеточных технологий под руководством профессора Нэлии Адольфовны Одинцовой для разработки технологий индукции пролиферации стволовых клеток морских гидробионтов и их дифференцировки в определенный клеточный тип, поскольку для решения целого ряда задач современной биологии и медицины необходимо исследование стволовых клеток разного происхождения. Пинаев всегда считал, что важно понять различия между стволовыми клетками беспозвоночных и позвоночных животных. К настоящему времени достигнут значительный прогресс в исследовании регуляторных механизмов роста и дифференцировки эмбриональных стволовых клеток морских гидробионтов. Проведен поиск генов, участвующих в процессах специализации стволовых клеток: при пигментной и спиккулогенной дифференцировке у иглокожих, при мышечной дифференцировке у моллюсков. Особое внимание уделено анализу экспрессии генов, связанных с внеклеточным матриксом и рецепторами адгезии. Для исследования молекулярных механизмов

наследования у различных беспозвоночных животных с детерминированным эмбриогенезом изучены процессы, происходящие в их первичных половых клетках при подавлении транскрипции. Кроме того, в новой лаборатории клеточных технологий ведется разработка технологий криосохранения клеток морских гидробионтов и исследование механизмов криоустойчивости их клеток, начатые еще Г.П. Пинаевым. В настоящее время установлена мембран-стабилизирующая роль экзогенных липидов морских гидробионтов и различных антиоксидантов; обнаружено, что некоторые компоненты криозащитных растворов обладают способностью существенно изменять форму и размеры микрочастиц льда, продолжено исследование путей гибели клеток морских беспозвоночных в ответ на холодовой стресс. Впервые установлено, что помимо механического разрушения клеток, которое было связано с самим процессом замораживания, большинство клеток личинок морских беспозвоночных погибали в результате некроза или апоптоза, которые развивались в процессе их культивирования после оттаивания. Апоптоз – не основной путь смерти клеток этих животных после криоконсервации, но его индукция происходила в значительной части клеток сразу после оттаивания и зависела от типа используемого криопротектора. Были обнаружены нарушения в структуре ядер, которые следует учитывать при оценке эффективности криоконсервации. Если бы ингибиторы апоптоза, известные для клеток млекопитающих, могли заблокировать апоптоз после замораживания клеток морских беспозвоночных, это способствовало бы более высокому выходу жизнеспособных клеток. Однако уменьшить апоптоз после замораживания-оттаивания пока не удалось. Анализ изменений, происходящих в клетках морских гидробионтов после холодowego стресса, проведенный с помощью разных методов, может стать ключом для идентификации механизмов их приспособления к изменению условий среды.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
Бал Сатаны в Институте биологии моря
НЕБУЛГАКОВ*
Вячеслав ОДИНЦОВ (рисунки)

1977 год

ИБМ угрюмо темнел на фоне звездного неба. Лишь в кабинете директора горел яркий свет. Там в большом кресле скрючился озлобленный молодой человек. Это я – единственный, кому по существующей дурацкой инструкции «повезло» отдежурить новогоднюю ночь в институте.

– Пора, – сказал я и поставил на стол бутылку грузинского коньяка, украденную дома с праздничного стола. Стакана у директора не оказалось. Пришлось сбежать в отдел снабжения. Выбрал там себе фужер и, вернувшись, наполнил его до краев.

– Прощай, старик 77-й, – я чокнулся с бутылкой. Закуску взять с собой, конечно, не догадался. До Нового года оставалось секунд 20. Я налил вторую.

– Ну, пусть 78-й продолжится не так, как начался, – вторая прошла пташечкой.

Внизу послышался бой курантов в чьем-то кабинете. Вдруг дверь распахнулась и вошел невысокий юркий человек в потертых джинсах. На глумливой роже криво сидели очки в металлической оправе и с одним разбитым стеклом, а на голове красовалась сдвинутая на затылок жокейская кепочка.

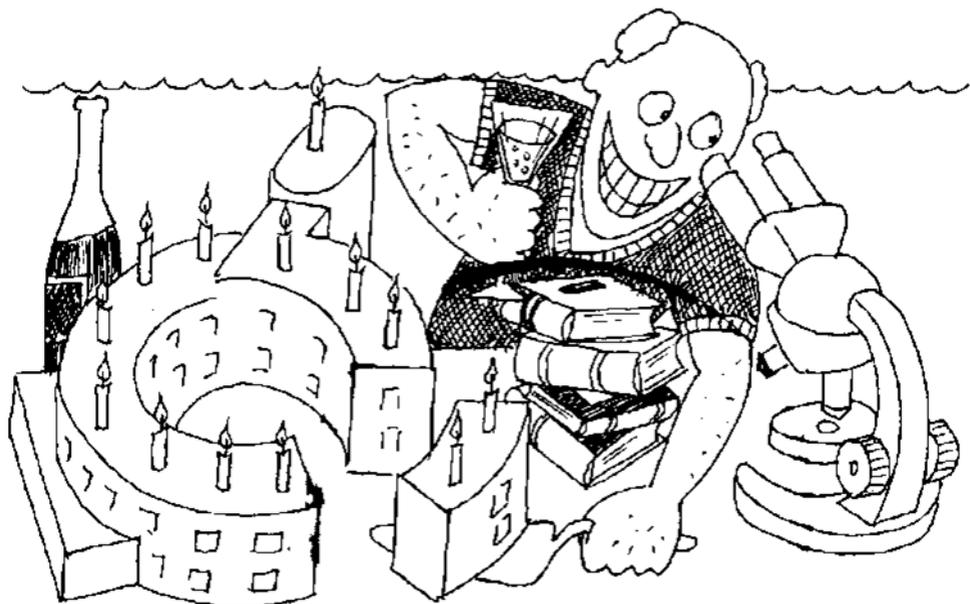
– Иван Сергеич! Дорогой! С Новым годом! – Он тискал мою руку своими липкими ладонями.

– Вы из Президиума с проверкой? – глупо спросил я и смутился, ибо пришелец менее всего походил на представителя Президиума Дальневосточного научного центра.

– Почти, почти угадали, милейший, – и он нахально развалился в моем, то есть в директорском кресле.

– Сейчас здесь соберется Нечистый совет, то бишь ученый шабаш, – развязно продолжил он. – Обслужите, дорогой!

* Небулгаков – псевдоним И.С. Арзамасцева

От такой наглости у меня сперло дух, и я собрался..., но позади громко хлопнула дверь. Меня грубо оттолкнули, и мимо прошел Николай Васильевич, наш замдир по общим вопросам.

– Коровьев! – резко сказал он. – Почему гостей не встречают?

Фамилия показалась мне знакомой, и тут бы догадаться – какое светопреставление сейчас начнется. Но я был обижен, зол и слегка пьян – именно в том состоянии, когда человек совсем не дружит с головой.

– Почему он, – продолжал Николай Васильевич, указуя на меня перстом, – не принимает пальто и шляп?

– Сей секунд! – Коровьев угодливо прогнулся, схватил меня за локоть и поволок к выходу. Я потерял всякую способность сопротивляться. Николай Васильевич обернулся и посмотрел нам вслед. У меня мурашки побежали по телу. Глаза у него были не голубые, как обычно, а белые, без зрачков, как у гипсовых атлетов в парках культуры и отдыха.

В приемной из стены вышел огромных размеров черный кот и, вежливо убрав когти, поздоровался со мной за руку.

– Бегемот! Ваш покорный слуга! – представился он, и у меня что-то опустилось внутри. Я понял, в какую историю влип. Бал! Бал сатаны в ИБМ! Но я-то тут при чем?

– Иван Сергеевич, – мурлыкал кот, щекоча мне ухо жесткими усами, – ведите себя смирно, улыбайтесь, принимайте пальто и шляпы, и вы проживете долгую и счастливую жизнь.

Он оставил меня в приемной. Затрещала штукатурка, и из стены, как грибы, полезли ветвистые вешалки. Линолеум на полу с чваканьем лопнул, из него выросла гардеробная стойка. Прямо от входа вниз вела неизвестно откуда взявшаяся мраморная лестница, по которой бодро стал спускаться Бегемот.

Коровьев критически окинул взглядом приемную и пробормотал:

– Чего-то здесь не хватает... Ага? – и плюнул на стоявший в углу стул. Тот сейчас же скорчился, побелел, ножки его подломились, и он превратился в белоснежный импортный унитаз, в бачке которого весело зажурчала вода. Коровьев удовлетворенно потер руки и ушел в кабинет.

Я остался один в предчувствии ужасных событий.

Внизу громыхнула дверь. Раздался ликующий вопль Бегемота, и вот первый гость топает по лестнице. Юрий Дмитриевич Чугунов – директор Морского заповедника и музея бодро тащил на веревке скелет кита. Скелет шумно дышал, задевая ребрами развешанные по стенам канделябры. Рядом семенил сотрудник музея Саша Нечипоренко с подвязанной рукой. Пинками он подгонял неповоротливую скотину и поминутно останавливался, чтобы подобрать отрубленные пальцы, вываливающиеся из грязного узелка, зажатого в зубах.

– Здравсьте! – сказал я и растянул губы в умопомрачительной улыбке.

Вместо ответа я получил шапки, пальто и холодный белесый взгляд, как плевков в душу. Аж перекреститься захотелось.

Они вошли в кабинет, а скелет застрял в дверях.

– С китом нельзя! – задрезжал Коровьев.

– Как же так! Это останки животного – наш научный экспонат, – заупрямился Чугунов.

– Эти останки пожрут всю закуску, а потом поминай как звали. Нельзя!

Кита вытолкали обратно и он, обиженно пыхтя, стал разворачиваться, потерял равновесие и покатился по лестнице, теряя на ходу позвонки, ребра, челюсти. Бегемот вмиг сложил прах млекопитающего в большую кучу и затянул ее брезентом.

Двери опять захлопали – гости пошли косяком. Я сновал с одеждой взад и вперед, затравленно улыбаясь. Ведь мне хотелось прожить «долгую и счастливую жизнь», как обещал кот. Публика была вроде знакомая. Все сотрудники института. Но, боже, как они изменились! Клыки, копыта, рога, хвосты и бородавки украшали их. Хлопая перепончатыми крыльями, пронеслась лаборатория экспериментальной гидробиологии во главе с Проппом. Перебирая

лапками, они расселись на гардинах, а Михаил Владимирович водрузился на водолазный шлем, стоявший на сейфе возле директорского кресла. Сейф тут же закачался, зазвенели в нем потайные пружины, ручка повернулась, и из него вышла Фаина Семеновна, наш главный бухгалтер. За ней показалось было какое-то неясное лицо, но Фаина Семеновна со стуком захлопнула дверцу и села возле сейфа, прикрывая телом несметные сокровища. К ней сразу бросились, путаясь в хвостах, два молодых человека с потертыми трамвайными билетами.

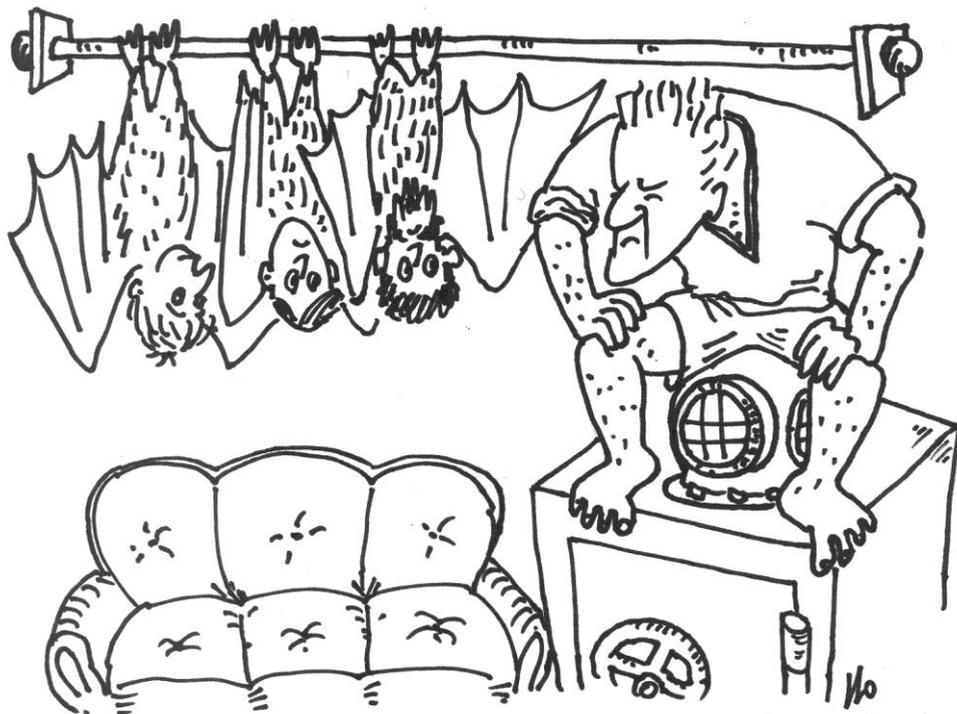
– Не оплачу! Прошлогодние! – отрезала главбух. Молодые люди покраснели, потом побелели и, наконец, вспыхнули бенгальским огнем.

Внизу на лестнице недовольно замаявкали Бегемот. Раздались протестующие вопли, шум борьбы. Вдруг возня прекратилась, и по лестнице вверх, стуча черненькими копытцами, бросился голый человек в юбочке из докладных записок и выговоров, в котором я без труда узнал Мурика. Кот в два прыжка достиг беглеца, схватил его за шкуру и, как волк зарезанного барана, вынес вон, мурлыча сквозь зубы:

– Мурикам не велено!

Гремя веригами, в лохмотьях, с переметными сумами через плечо, грустно продефилировал отдел снабжения. Протопали

грязными сапогами какие-то люди в строительных робах. С песней прошли труженики села.

Народ все прибывал и пропадал в кабинете, как в бездонной бочке.

– Обезьянова несут! – радостно завизжали женские голоса, и гигантских размеров слайд пронесли мимо меня и водрузили на стеллаж в кабинете. Изображенный на нем Константин Яковлевич зашевелился и тут же поведал пикантный анекдот. Послышалось нестройное хихиканье. Засиженный Проппом медный шлем улыбнулся и мигнул иллюминатором, а из сейфа раздалось лошадиное ржание.

Переливаясь изумрудными телами и фотосинтезируя на ходу, прошли Титлянов и К°.

Коровьев деловито сновал между гостей. Он на минуту остановился около меня, чтобы отдышаться. В этот момент в кабинет входила личность физически изношенная, с одухотворенным лицом проповедника. Из личности выпирали кости и исходил запах тленного тела.

– Кто это? – спросил я Коровьева.

– Недавно работаете в институте, молодой человек! Таких людей не знаете. Это же Голый Энтузиаст!

Голый Энтузиаст вошел в кабинет, головка его радостно затряслась, ноги разъехались. Он грохнулся об пол и испустил дух.

– Преставился великомученик, – мерзко ухмыльнулся Коровьев.

– Ка-р-р! – крикнул Пропп. В воздухе зашумели крылья, и вся его лаборатория бросилась терзать тело усопшего. Михаил Владимирович выхватил самый лакомый кусочек – печень Энтузиаста без всяких признаков желчи.

Кабинет был уже полон, а народ все подходил. Стоял невообразимый шум. Галдела очередь у коровьевского унитаза. Из кабинета слышались крики, топот и звон посуды.

Раздался оглушительный удар гонга, и все разом стихло. По лестнице опрометью бежал Бегемот, ликуя:

– Едет! Едет!

В тишине хлопнула входная дверь, и на лестнице появился хозяин бала – Сатана, Мессир и он же, боже мой, директор нашего института! Затянутый в черное трико, в кокетливой тирольской шляпе с огромным пером, он опирался на шпагу, а его черный с блестками плащ несла за ним свита. Из-за обыкновенных очков на окружающих по-доброму поглядывали нормальные человеческие глаза. Я обрадовался. Бросился с криком:

– Алексей Викт... – Мощный тычок под ребра оборвал мой вопль.

На меня двинулся Касьянов с двумя наганами за поясом и с белым клыком, торчащим изо рта.

«Азazelло, – понял я. – Это вам не Владимир Леонидович. Этот чик – и готово, мастер убийств» – и я юркнул под вешалку.

– Здравствуйте, дети мои! – проворковал Алексей Викторович.

– Здраст! Па! Па! – по-солдатски слаженно громынуло под сводами.

– Давайте рассаживаться, – задрезжал Коровьев.

Директор расположился во главе стола. По правую руку поигрывал револьверами Касьянов-Азazelло, а слева кокетливо показывала вампирские зубки и стыдливо прикрывала розовый шрам на шее Синяя Гела, то есть Светлана Макаровна, наш ученый секретарь. Остальные расселись согласно чину и званию.

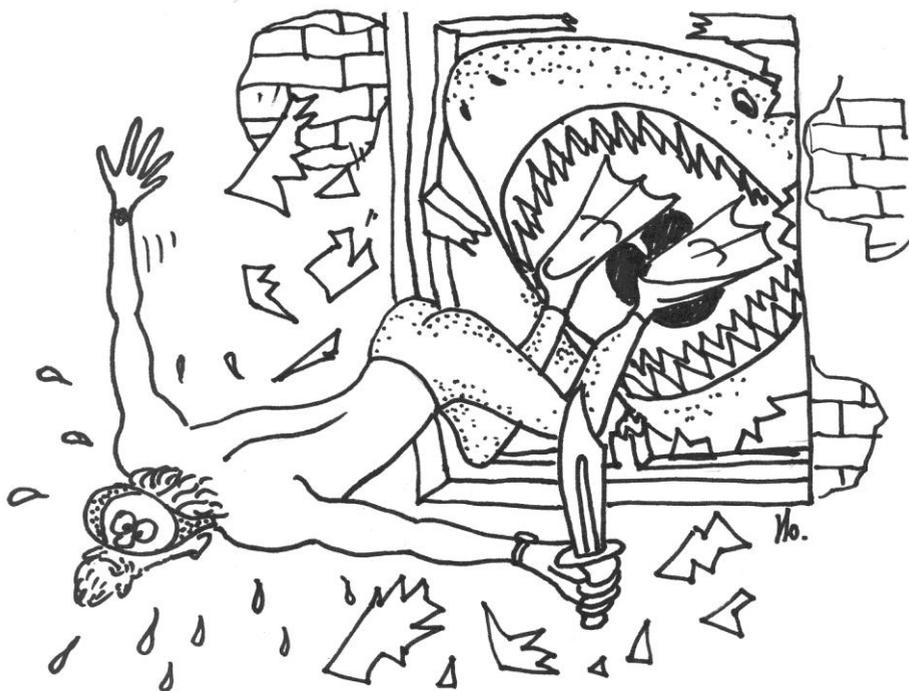
– Все мы здесь? – мягко спросил хозяин кабинета.

– Никак нет, Мессир, – замурлыкал кот. – Нет Преображенского и Кусакина.

В этот момент оконное стекло со звоном разлетелось, и в радуге осколков на пол плюхнулся мокрый Борис Владимирович в ластах, маске и с огромным водолазным ножом в руках. За ним об оконную раму что-то ударило, и все увидели мелькнувшую огромную акулю пасть.

– Фу! Пристала еще около Новой Гвинеи. Еле отмахался! Я не опоздал?

– Присаживайтесь, – любезно кивнул Мессир.

– А где же Олег Григорьевич? – Светлана Макаровна с любопытством завертела головой.

– Сейчас будут-с! – сказал Коровьев.

И точно. Раздался глухой удар, потом еще один. Стена дала трещину. После третьего удара в образовавшемся проломе появился Кусакин.

– А вот известочку-то со лба надо убрать. Не дай бог, в стакан попадет. – Бегемот ловким движением смахнул мусор с мощного черепа ученого и усадил Олега Григорьевича за стол.

– Вот и славненько. Все собрались, – сказал директор. – Повестка ночи известна. Начнем.

– Первыми у нас стажеры, – заглянув в бумажку, сказала Светлана Макаровна.

Народ оживился в предчувствии чего-то интересного. А Бегемот мечтательно мяукнул:

– Ух, кровушки попьем!

На середину кабинета вышли стажеры-исследователи. Они были как после битвы при Грюнвальде: с проломленными головами, перебитыми руками, а один и вовсе без головы.

– Ну, что, голубчики? – сказал Алексей Викторович. – Эк вас наука поломала. Экзамены, поди, не сдали?

Голубчики молча переминались с ноги на ногу. Тот, что без головы, бухнулся на колени и забулькал внутренностями:

– Пожалей, отец родной! Не губи!

– Пожалею, пожалею, – мягко сказал директор.

– А ну-ка, милейший, – обратился он к Бегемоту, – подвесь-ка их на веревочке. Кровушку спусти – пусть гости попьют.

Гости обрадованно зазвенели бокалами. Через минуту стажеры заняли все свободные гвозди, покорно свесив ножи.

– Следующим идет сообщение. Прошу вас, Виктор Евгеньевич, – сказала Гела–Светлана Макаровна.

– Братья и сестры! – загремел голос Васьковского: – в Соединенных Штатах вышел новый информационный бюллетень всего за 800 долларов, который включает индексы... – И он посыпал цифрами.

Публика заинтересовано оживилась. Библиотекарь стала деловито выяснять курс американского доллара на сегодня. Васьковского перебил гнусавый голос какого-то завлаба:

– Спирту мне! Спирту!

– Всем спирту! – грубо оборвал его Коровьев.

–У меня тема горит. Слесаря установку не монтируют. Машина, чтобы оборудование вывозить, думаете, на бензине ездит? Нет, на спирте! А лодочные моторы, а веревки к экспедиции, думаете, на дороге валяются? А работа стоит! – со слезой в голосе гундосил завлаб.

– Дать! Дать! – закричали со всех сторон.

Мессир кивнул головой, и из ничего появилась алюминиевая канистра с «топливом науки». Завлаб прижал ее к груди и, боязливо оглядываясь, как бы не отобрали, помчался к выходу.

Потом длинная вереница просителей выклянчивала денег, повышения оклада и лаборанток с хорошей фигурой. Самому назойливому вырвали язык, просившему подаяние отрубили руку и выгнали вон.

Светлана Макаровна встала и интригующе произнесла:

– Нам дали две квартиры, – и подняла вверх руку с ордерами.

– Мне! Мне! – десятки рук потянулись к заветным бумажкам. Стало шумно. Первоочередники сцепились на полу, пытаясь перегрызть друг другу глотки. Пока они кувыркались в партере, квартиры быстро распределили, а первоочередники теперь тихо плакали в углу, обнимаясь покалеченными конечностями.

Квартирный вопрос разрядил обстановку. Стало веселее. Загремела музыка, затопали копыта. Стажерская кровь явно носила в себе следы алкоголя. Начались танцы и игры. В углу завязалась новая драка.

– Что там? – устало спросил Алексей Викторович.

– Это из ФИФы, Мессир. Раковую опухоль бьют. Без приглашения прорвалась, зараза! – пояснил Коровьев.

– Пусть их, – умиротворенно вздохнул директор.

В общем бедламе, шуме и пыли Мессир обходил свой бал. И тут взгляд его остановился на мне.

– А, Арзамасцев! А как он вел себя сегодня? – обратился Мессир к Бегемоту.

– Ой, плохо, Мессир. Шляпы ронял, нашим ведьмочкам подмигивал, к вам здороваться первым полез. – Кот удрученно покачал головой.

– Ну, раз он плохо себя вел, то мы его накажем. – Алексей Викторович мне мило улыбнулся.

– Азазелло! – позвал он.

– Да, Мессир, – из-за угла вынырнул Азазелло-Касьянов.

– Возьмите его!

Владимир Леонидович засвистел пронзительно, как реактивный самолет. Воцарилась гробовая тишина.

– Ребята! – неожиданным басом крикнул он. – Выпить хотите?

– Да! – рявкнули иссушенные глотки.

– Берите его!

И вся нечисть, оскалась, бросилась на меня. Я попытался бежать, но поскользнулся на полу, забился и потерял сознание...

Яркий свет ударил сквозь открывшиеся глаза и заставил болезненно запульсировать головной мозг – я проснулся. Стол стоял на месте. Стулья аккуратненько выстроились в линию. Только я лежал на полу. Рядом валялась пустая бутылка из-под грузинского коньяка, да на медном водолазном шлеме, где сегодняшней ночью гордо восседал Михаил Владимирович Пропп, были видны следы птичьего помета.

День при дворе короля Ибэзма I

1978 год

Действующие лица и знаменательные явления:

Король – директор ИБМ, академик А.В. Жирмунский, большой знаток акупунктуры.

Его Преосвященство кардинал – зам. директора по научной работе В.Г. Голотин.

Виконт Де Кафан – А.И. Кафанов, ученый секретарь ИБМ, проткнувший спортивной рапирой своего дружка в честном состязании после отмечания очередной годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции.

Великий Прево – господин Тертычный, по несчастью назначенный ответственным за отправку людей на сельхозработы в так называемую провинцию.

Жад Ан – П.М. Жадан, классный ученый, по молодости – большой гусар.

Герцог Манн Брех – И.И. Брехман, доктор наук, профессор, руководитель отдела фармакологии в ИБМ.

Капитан Преображенье – доктор Б.В. Преображенский, зав. лабораторией тропических морей.

Лейтенант Гробб – доктор М.В. Пропп, зав. лабораторией продуктивности.

Лейтенант Де Титлян – доктор Э.А. Титлянов, зав. лабораторией фотосинтеза.

Барон Де Лобье – Н.В. Лобов, зам. директора по общим вопросам.

Маркиз Д'Обезьян – К.Я. Обезьянов, подводный фотограф, материально ответственное лицо и большой бонвиван.

Ман Глик – Л.С. Гликман, в России ведущий специалист по акулам.

Фельдмаршал Кусакэ – заслуженный деятель науки, профессор О.Г. Кусакин.

Папа Римский – В.П. Ломакин, первый секретарь Приморского крайкома КПСС, широко поддерживавший практику посылки ученых не только на сельхозработы, но и на народные стройки, как условно-досрочно освобожденных зэков.

Великая Война за Истину – повседневный труд ученых, за что им Родина регулярно платит зарплату.

Великий Пожар – жуткий пожар в здании Дальневосточного геологического института.

«Великая летопись подвигов» – журнал «Биология моря».

...Во дворце была та утренняя тишина, нарушать которую в столь раннее время считалось дурным тоном. Если быть более точным, то часы показывали 9.00. Король еще не принимал. Редкие придворные бесшумно и безмолвно мелькали на лестницах и в анфиладах комнат.

К десяти утра народу прибавилось, и послышался ровный гул толпы, из которого можно было уловить обрывки разговоров.

Провинциальный дворянин в побитом молью плаще жаловался, что уже третье прошение он подает королю, а ответа нет.

– Не волнуйтесь, – успокаивал его опытный в дворцовых делах придворный. – Король их не читал. Они все потеряны. Пишите на имя Его Преосвященства кардинала. Там вам хотя бы определенно откажут, а может быть, все решится благополучно.

В будуарах шло оживленное утреннее чаепитие, и дамы обсуждали наряды к грядущему балу. Обстановка была такая, будто страну не раздирала Великая Война за Истину. К ней привыкли. И, как светскую хронику, читали известия о защитах и поражениях, экспедициях и победах, изгнании из Храма и возвеличивании героев.

Вдруг спокойствие чинного светского сборища нарушил резкий хлопок дверью, и по коридору, звеня шпорами, залепанный грязью и кровью, быстро прошел виконт Де Кафан, задевая стены болтающейся на боку длинной рапирой. Из потайного хода выскочил, как чертик из шкатулки, Великий Прево – господин Тертычье.

– Господин виконт! – окликнул он, незамедлив цепко ухватиться за плащ Де Кафана.

– А, господин Тертычье! Здравствуйте! – любезно ответил Де Кафан, безуспешно пытаясь освободить свой плащ.

– Сударь, а не съездить ли вам в провинцию, друг мой? – ласково продолжил Тертычье.

– Завтра! – резко ответил Де Кафан.

– Что завтра? – спросил Великий Прево.

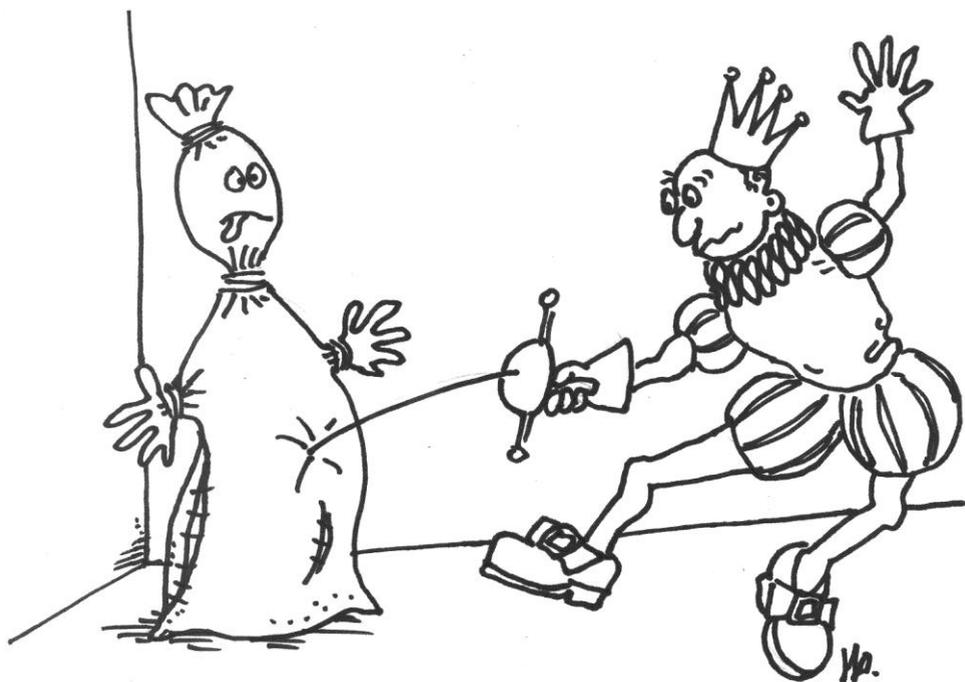
– Приходите ко мне завтра, и я откажусь от такой чести в пользу кого-нибудь более достойного. – Де Кафан пальцем указал в шевелящуюся массу мелких дворян. Тертычье оценивающе на них взглянул, и дворяне стали исчезать, словно уносимые гипнотической силой взгляда Великого Прево.

– Господин виконт, – обернулся Тертычье, но его собеседник уже скрылся в королевской приемной. Протиснувшись сквозь толпу придворных, Де Кафан вошел к королю.

Король был занят. Он задумчиво изучал чучело человека в натуральную величину, стоящее в углу его апартаментов. Иногда он делал резкий выпад и протыкал чучело шпагой.

– Ваше Величество! – Де Кафан рухнул на колени.

– А, виконт! Как хорошо, что вы пришли, – сказал король и сделал еще один укол.

– Посмотрите. Такой удар лечит язву желудка. Сегодня одного дворянина я избавил от головной боли ударом шпаги в живот. А у вас ничего не болит? – спросил король.

– Нет, нет! – поспешно ответил Де Кафан, косясь на прекрасный испанский клинок в руках короля.

– Виконт, а почему вы до сих пор стоите на коленях? Вы опять немножко нашалили?

– Да, Ваше Величество! – и голова виконта склонилась на грудь.

– Ну, так рассказывайте быстрее! – король удобно уселся в кресло.

– Ваше Величество, сегодня на дуэли я заколол Жад Ана.

– Насмерть? – спросил король.

– Я проткнул ему легкое, – кающаяся голова виконта склонилась еще ниже и рассыпавшиеся кудри скрыли абсолютно бесстыжие развеселые глаза.

– О, так он болен! – обрадовался король, беря в руки шпагу. – Я его вылечу!

– Ваше Величество! – испуганно завопил виконт. – Он совсем здоров! Только маленькая дырочка в боку и чуть-чуть при ходьбе посвистывает воздух. Она ему почти не мешает.

– Ну, тогда пустяки. Я берусь только за тяжелые случаи.

– Ваше Величество! Но меня же накажут! Гвардейцы кардинала уже несут выговор прибывать на городские ворота.

– Не расстраивайтесь, виконт! Они объявят выговор и приколотят его на восточные ворота, а я объявлю вам благодарность, и повесим приказ на западные. Там, кстати, въезд иностранных делегаций, а мнение черни у восточных ворот никого не интересует.

Де Кафан был уже на ногах и деловито смахивал пыль с колен.

Зазвонил телефон, прикрытый шляпой. Король взял трубку и услышал голос дежурной фрейлины:

– Герцог Манн Брех просит аудиенции.

– Пусть войдет, – ответил король.

– А вы, Де Кафан, отправляйтесь на свой пост, а то без вас придворные абсолютно распустились.

Виконт вышел и любезно раскланялся с входившим в кабинет герцогом. Герцог – это сила. Страной правил король, но все министры и кардинал были вассалами герцога. Высочайшие повеления проходили через их руки, и ссориться с Манн Брехом было небезопасно.

В коридоре раздался вопль. Гвардейцы кардинала кого-то заломали и повели. Сзади шел Тертые и, потирая руки, бубнил:

– Я вас научу любить сельские пейзажи.

Герцог, войдя в покои короля, отвесил полный достоинства поклон и сказал:

– Ваше Величество, я поставлен в ужасное положение и прошу вашей помощи.

– Что случилось? – спросил король.

– Наша страна уже десятый год ведет Войну за Истину. Во время Великого Пожара погибло мое герцогство, и земли мои завоевали другие королевства. Мой двор ютится в лачугах и влачит жалкое существование. Я уже не раз просил построить для меня маленький дворец, окруженный стеной цвета желтого сахара. Мои вассалы в нынешних убийственных условиях не могут разгадать секрет Эликсира Жизни и дать нашим доблестным воинам бессмертие. А в вашем дворце, Ваше Величество, пустуют целые покои, ибо их владельцы в полевых лагерях понастроили прекрасные шатры и виллы. Этих вояк не видно ни на полях сражений со шпагой в руках, ни здесь, в столице, у ваших ног. Плюс к тому они получают баснословные гробовые из вашей казны.

– Что же вы предлагаете? – спросил король и продолжил: – А, понимаю! Давайте лишим фронтовиков гробовых, а на эти деньги построим вам дворец.

За гобеленами кто-то заскребся, и раздался возмущенный шепот подслушивающих придворных. Собеседники не обратили на эту возню никакого внимания.

– Я думаю, воинство не будет приветствовать такое решение, и поля сражений лишатся пушечного мяса, – глубокомысленно заметил герцог.

– Хорошо, я подумаю, – ответил король, но его слова заглушил могучий залп корабельных пушек.

– О! Это, наверное, вернулась кругосветная экспедиция! – воскликнул король. – Пойдемте встречать наших путешественников.

И точно. Под гром литавр из гавани тянулась длинная процессия. Впереди, под развевающимся штандартом, выступал сам капитан Де Преображение, покрытый с головы до ног неувядаемой славой землепроходца и мореплавателя. За ним поротно двигались отряды конкистадоров с лейтенантами во главе.

Мрачный лейтенант Гробб угрюмо переставлял свои длинные ноги. Лицо его ясно выражало, что там, где он был – гадко, и там, куда он сейчас идет, будет еще гаже.

Его противоположность – лейтенант Де Титлян расточал восторженной толпе широкие улыбки и воздушные поцелуи.

Конкистадоры, мерно печатая шаг, в такт покачивали лохматыми шапками из страусиного пуха. Солнце играло на многочисленных застёжках, пуговицах и языческих надписях, украшавших яркие, цвета индиго, наряды воинов. Большие заплечные мешки с колониальными товарами вызывали нездоровый интерес у прекрасных дам.

Великий Прево поглядывал из-за портьеры на бравых молодцов и прикидывал: насколько они поправят его пошатнувшиеся дела в местах не столь отдаленных?

Первым приветствовал Де Преображение барон Де Лобье – поверенный короля по общим вопросам. Лобызая капитана, он доверительно сообщил о том, что не даст обоза для разгрузки галеонов. Но это не омрачило радости встречи, так как все знали, что на королевских конюшнях овес и возницы есть только для королевского выезда.

По обочине дороги рядом с колонной шел материально ответственный маркиз Д'Обезьян, обвешанный оружием, фотоаппаратами и с попугаем на плече. Дамы из казначейства приветственно замахали платочками. Д'Обезьян навел на них фотоаппарат, и блеснула молнией вспышка. Дамы упали в обморок, а напуганный попугай заорал противным голосом: «Пиа-а-стры! Меняю пиа-а-стры!» – чем усугубил переполох в женском финансовом обществе.

Через анфилады комнат и коридоров процессия двигалась к покоям короля. Во дворце стало тесно. Уже давно король повелел

строить новую резиденцию, но междуусобица и частые войны с другими государствами не дали даже заложить фундамент нового дворца. Однако король не унывал и надеялся, что хотя бы его потомки справят новоселье в круглом замке с башней, глядящей бойницами в море.

Навстречу мореплавателям вышли король с кардиналом и их пышная свита. Трубадуры поднесли дудки к губам, но тут из бокового прохода вывалилась компания дворян, вернувшихся из ссылки в провинцию. Торжественность момента была безвозвратно утеряна. Дворяне в пыльных дорожных костюмах с помятыми жабо, распространяя бодрящий запах навоза, приправленный крепким перегаром, бросились прятаться в толпу.

Король расстроился, развернулся и ушел в свой кабинет. Стройные ряды колонны рассыпались, и конкистадоры потянулись к выходу, чтобы засветло вернуться в свои девятиэтажные казармы.

На шум появился отшельник Ман Глик, который покидал свою келью лишь в дни раздачи жалованья.

– Ой, что это? – спросил он Д'Обезьяна, указывая пальцем на попугая, сидевшего у него на плече, и тут же утащил маркиза в сторону.

Через минуту Ман Глик пробирался к дверям своей кельи, прижимая к груди пеструю птицу, которая кричала, хлопая крыльями: «Я не вкусный! Берегите редких птиц! Помогите!»

В покоях короля собрался военный совет. Шла война. Военачальники и полководцы в который раз обсуждали кратчайшие пути к победе. После долгих дебатов из кабинета первым вышел фельдмаршал Кусакэ и, утирая пот со лба, оповестил двор, что военный совет решил выпускать «Великую летопись подвигов» и рассылать в другие королевства, чтобы повергнуть их в ужас и чтоб не повадно было. В ответ громовое «Ура!» потрясло стены дворца.

Солнце клонилось к закату, а государственные дела не давали королю покоя. Вошел господин Тертычье. Как Великий Прево он мог посещать короля в любое время. Страшная слава о нем была досужей выдумкой толпы. Это был добрый, мягкий человек, но служба ему досталась тяжелая. Относясь к ней добросовестно, он с тяжелым сердцем выходил на работу, как палач восходит на эшафот к своим неприятным, но очень важным должностным обязанностям.

– В чем дело, милый Тертычье? – спросил король.

– Ваше величество, дела в провинции...

– Да, да, да! Я знаю, что там, как всегда, не хватает людей! – воскликнул король. – Но где их взять? Дворяне проливают кровь в

боях за Истину, часть их пропадает в провинции, придворных не сдвинешь с места... Так где же их взять?

Вошел дворецкий и, ударив посохом, возвестил:

– Гонец от Папы Римского!

Дверь распахнулась, и в кабинет вступил посланец Его Святейшества, одетый в черный камзол с серебряным шитьем на галстук.

– Ваше Величество! – произнес гонец. – Папа Римский сообщает вам, что вашему королевству выпала честь принять участие в строительстве новых корпусов Ватикана. Как верный вассал, вы не вправе отказаться и должны выставить тысячу отборных дворян на священную стройку.

Посланец поклонился и вышел.

Господин Тертычье с квадратными от ужаса глазами скрылся за гобеленом.

Король, уставившийся на всплывшую из-за горизонта луну, испытывал страстное желание завывать. Но королевский сан обязывал быть бесстрастным.

– Вот и прошел день, – пробормотал король. – А что готовит нам следующий?

Он зябко повел плечами и отправился в опочивальню.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фотографии к очерку А.Л. Дроздова

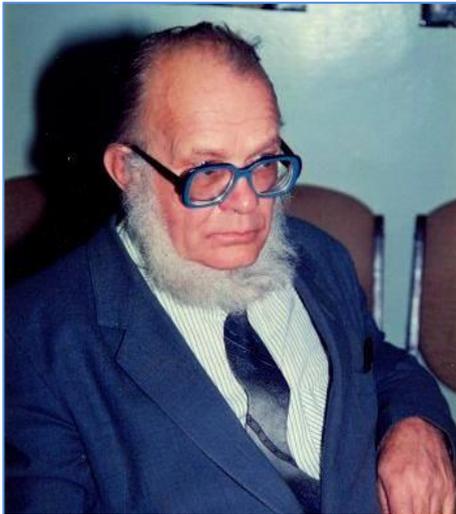
Кандидат в президенты РФ Григорий Алексеевич Явлинский (слева) в Институте биологии моря. Принимают гостя Владимир Леонидович Касьянов и Михаил Константинович Глубоковский. 1994 год

Владимир Леонидович Касьянов и Александр Иванович Пудовкин обсуждают с основателем Института научной информации (США) Юджином Гарфилдом перспективы издания англоязычной версии журнала «Биология моря». Владивосток, 1996 год

Валерия Васильевна Исаева, Нина Львовна Лейбсон, Владимир Леонидович Касьянов. Встреча нового, 1999 года

Всеми любимый мудрый Олег Григорьевич Кусакин

Валентина Ивановна Кощенец (1924–2001), в 1952 году она окончила филологический факультет ЛГУ, в 1974–2001 годах заведовала редакцией журнала «Биология моря», относясь к своему делу с величайшей преданностью и любовью

Так выглядели обложки журнала «Биология моря» в разные годы его издания

Сотрудники лаборатории биофизики за чаепитием. Самовар электрический, но почти настоящий. Биостанция «Восток», 1978 год

Доктор биологических наук Виталий Георгиевич Тарасов (1948–2010). После окончания биолого-почвенного факультета ЛГУ в 1975 году начал работать в лаборатории экспериментальной гидробиологии ИБМ, прошел путь от стажера-исследователя до заведующего лабораторией

Сотрудники лаборатории экспериментальной гидробиологии Владимир Борисович Погребов, Алексей Николаевич Тюрин на празднике «День моря» на биостанции «Восток», 1979 год

ПРИЛОЖЕНИЕ

Татьяна Сергеевна Тарасова (крайняя слева) и Григорий Михайлович Воскобойников на биостанции «Восток», 1976 год

Алексей Викторович Жирмунский и Олег Григорьевич Кусакин

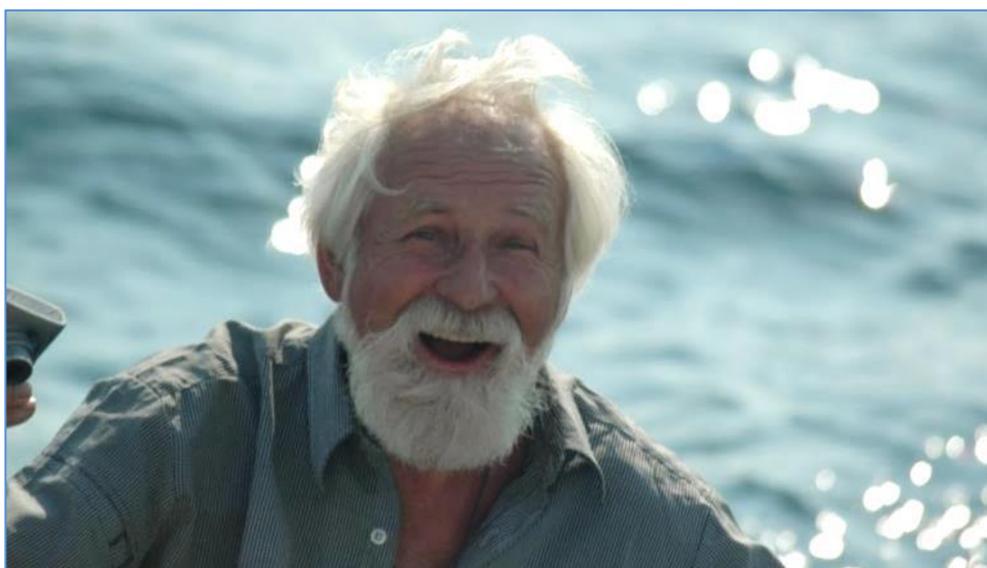
Научный
руководитель
лаборатории
сравнительной
цитологии доктор
биологических наук
Игорь Юрьевич
Долматов

Ольга Игоревна Подгорная, Анатолий Леонидович Дроздов, Владимир Леонидович Касьянов и Герман Петрович Святогор. Кафедра эмбриологии ЛГУ, 1971 год

Одесситка Татьяна Владимировна Лаврова окончила биолого-почвенный факультет ЛГУ в 1986 году, в ИБМ работала в 1995–2014 годах

Дмитрий Иванович Вышкварцев (1939–2014) – ученый, влюбленный в залив Посьета. В 1966 году окончил биолого-почвенный факультет ЛГУ, работал в ИБМ более 40 лет

Член-корреспондент РАН Владимир Николаевич Парфенов, директор Института цитологии РАН. В 1971–1974 годах аспирант ИБМ

Кандидат биологических наук Александр Александрович Карпенко за работой на оригинальной установке сверхразрешающей видеомикроскопии

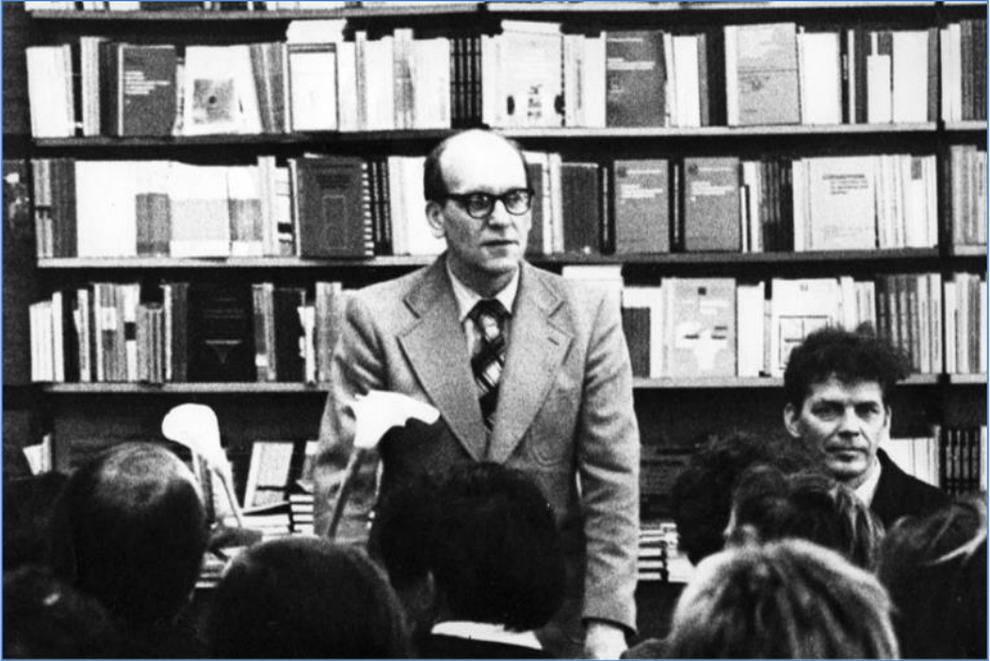
Фотографии к очерку Е.В. Краснова

Евгений Васильевич Краснов, доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры геоэкологии Балтийского федерального университета им. И. Канта. В 1967–78 годах руководил лабораторией палеоэкологии и отделом экологии ИБМ

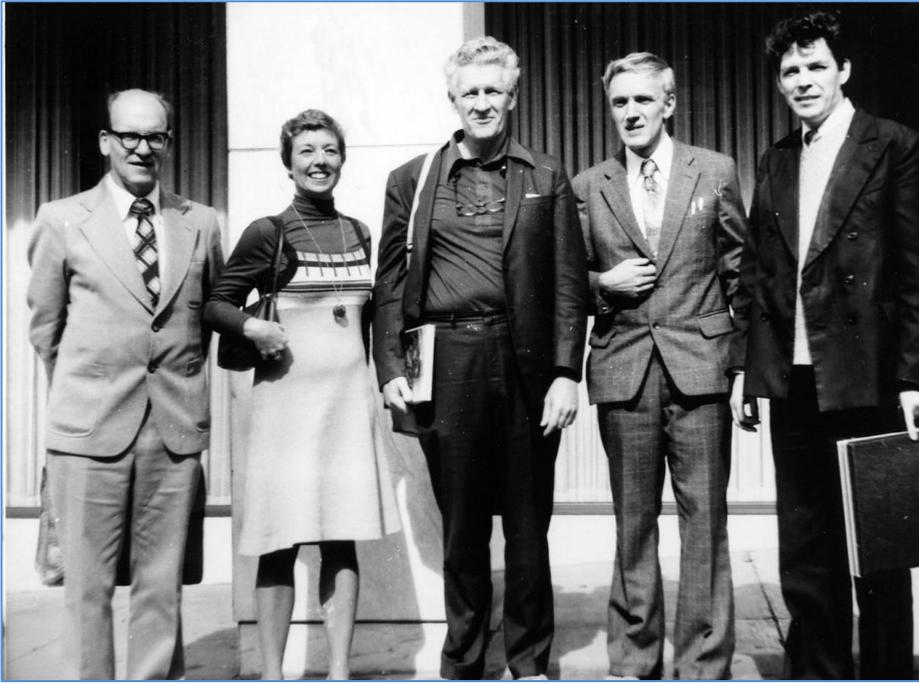
Первое заседание Спецсовета по гидробиологии, защита кандидатской диссертации Владимиром Григорьевичем Чавтуром. 1977 год

На презентации книги «Животные и растения залива Петра Великого». Выступает А.В. Жирмунский. Справа – Е.В. Краснов. Владивосток, 1977 год

Встреча с японскими морскими биологами. 1975 год

Участники конференции по морской биологии в Вашингтоне. Крайний слева – А.В. Жирмунский, крайний справа – Е.В. Краснов, рядом с ним – М.В. Пропп. Вашингтон, США

В гостях у директора морской лаборатории Университета Дьюка доктора Дж. Костлоу. Бофорт, США

Симпозиум по изучению коралловых рифов, докладывает Е.В. Краснов

Встреча со знаменитым норвежским путешественником и ученым Туром Хейердалом. Владивосток, 1981 год

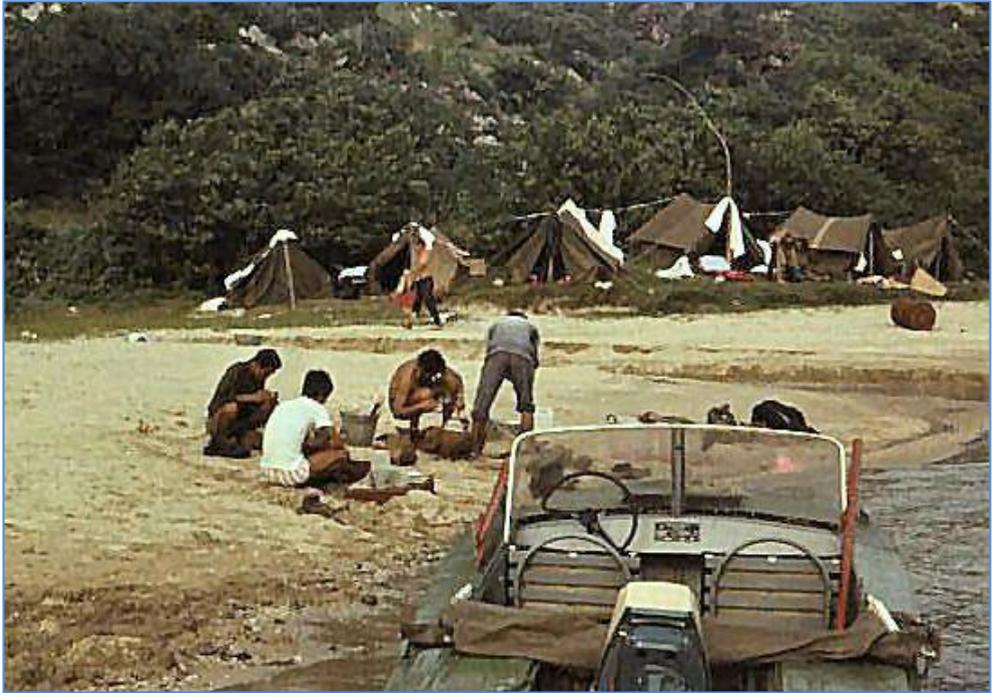
Фотографии к очерку Ю.Я. Латыпова

За разборкой проб в одной из точек на побережье Каспия. Крайний справа – Юрий Михайлович Яковлев

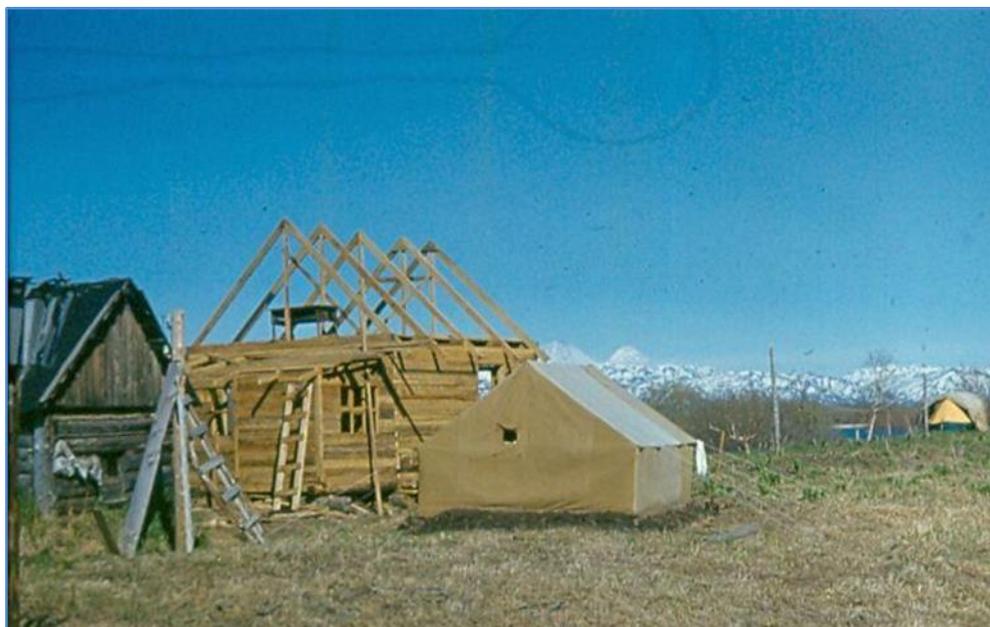

Работаем на вьетнамской литорали в окружении любопытной детворы. 1980 год

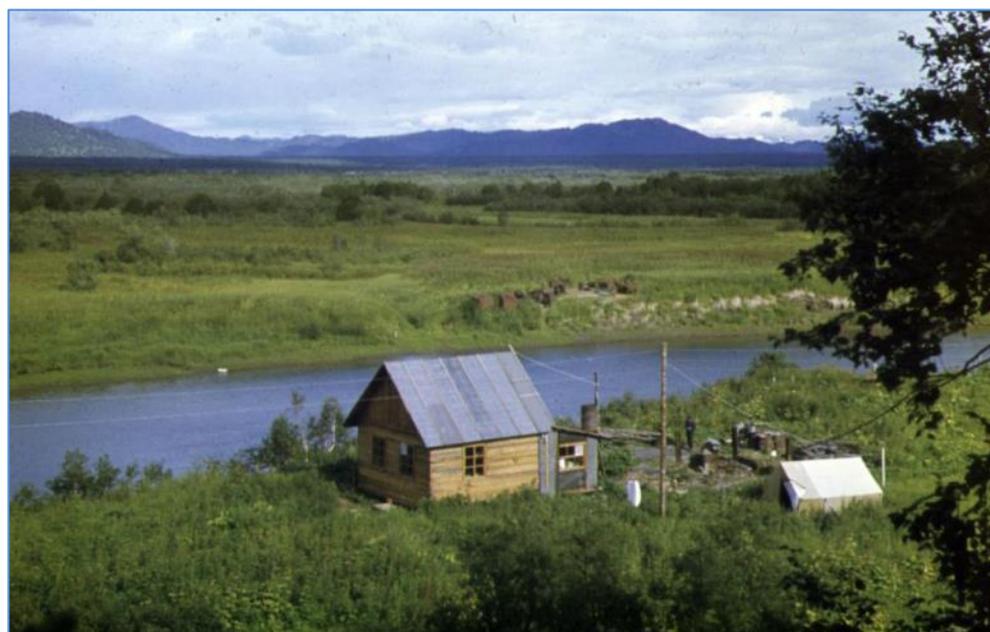

Рабочий момент экспедиции на одном из вьетнамских островов

Фотографии к очерку В.Т. Омельченко

Строим лабораторию генетики на берегу протоки Азабачьей. 1972 год

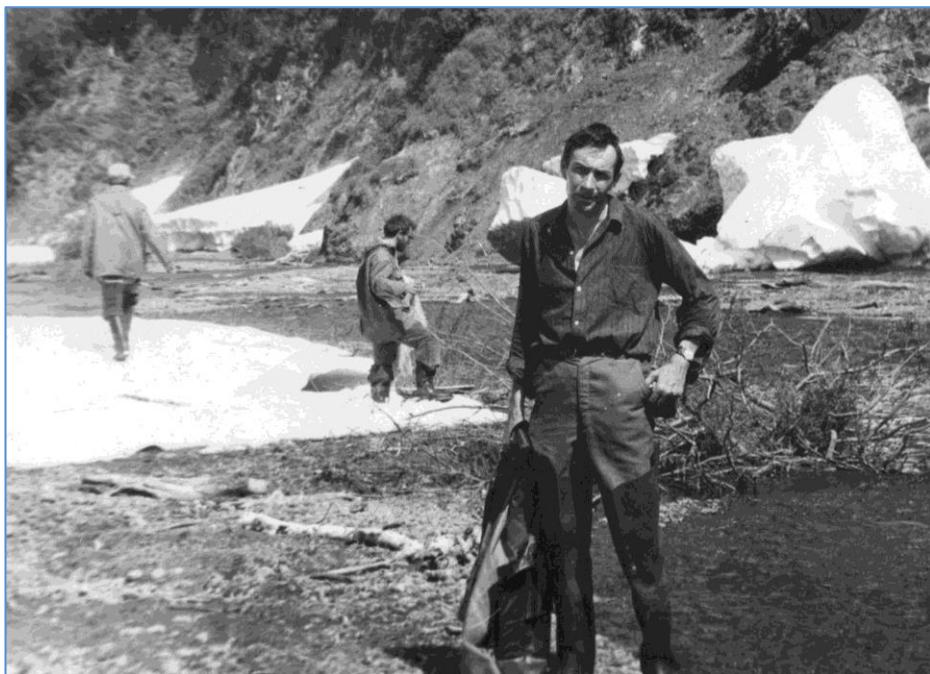
Лаборатория генетики построена и работает. 1972 год

Нерестовый ход нерки в реке Бушуйке, озеро Азабачье. Фото М.Ю. Ковалева

Вид на вулканы с реки Камчатки. Фото М.Ю. Ковалева

Юрий Петрович Алтухов на озере Азабачьем. 1971 год

Буйное сахалинское разнотравье

Фотографии к очерку Е.А. Салменковой

Вид на биостанцию «Сокол» с ближней сопки

Владимир Тимофеевич Омельченко возглавляет поход в поселок Сокол после тайфуна Филлис. 1981 год

Инкубационные цеха Соколовского рыбоводного завода

Отлов горбуши на нерестовой реке Фирсовке

Скалы в верховьях реки Фирсовки

Участники генетического семинара на биостанции «Сокол». 1990 год
Фотографии к очерку Т.А. Тереховой

Морская экспериментальная станция в бухте Троицы залива Посьета. 1967 год

Преподаватель английского языка Даяна Конвей (в середине второго ряда) со своими учениками-ибээмовцами. Май 1992 года

Праздничный вечер в столовой нового здания ИБМ. 1990 год

Алексей Викторович Жирмунский внимательно следил за новинками. На выставке японской офисной техники

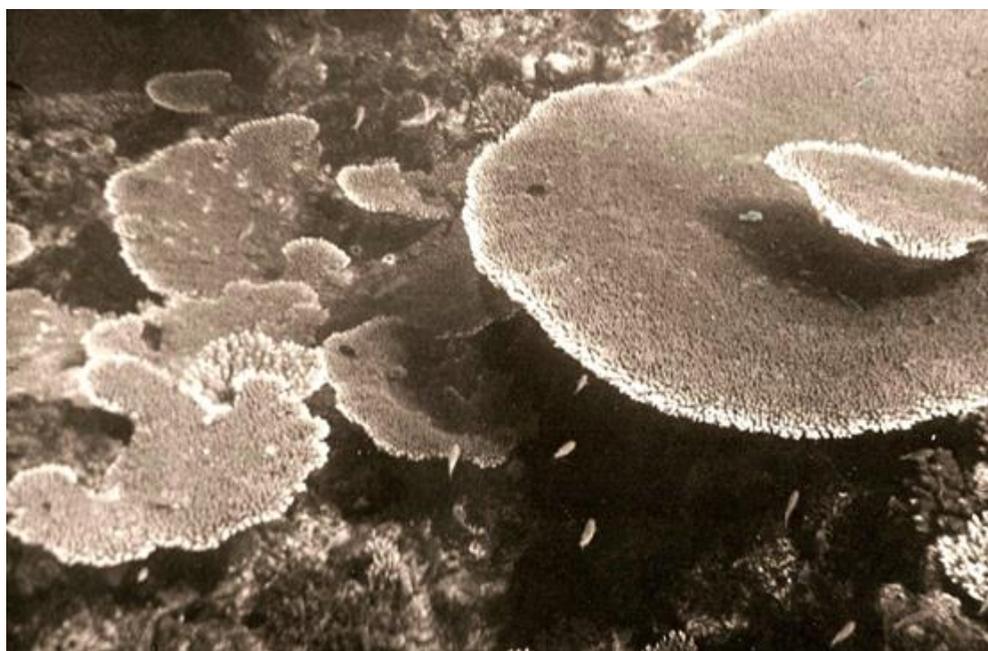
Фотографии к очерку Э.А. Титлянова

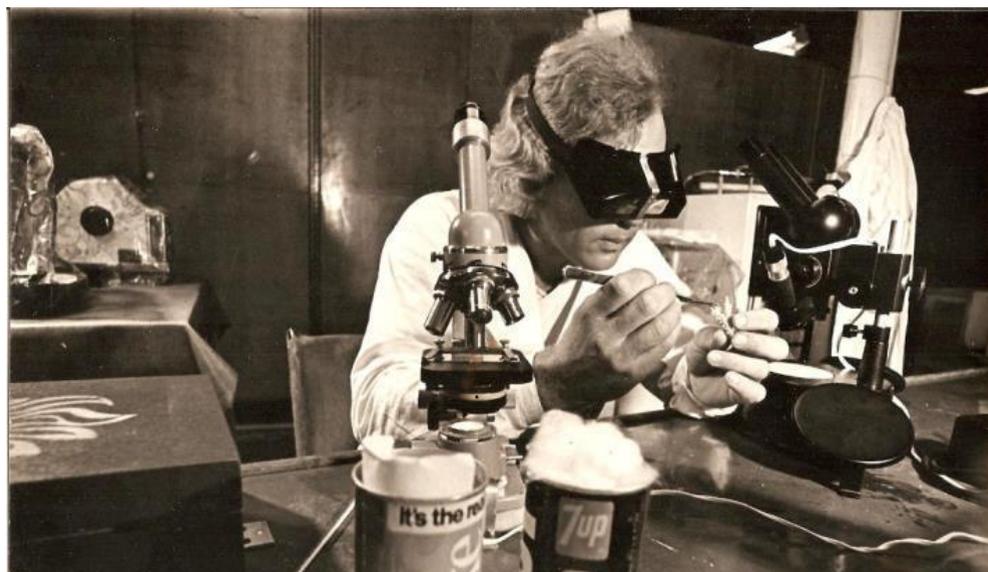
Переход экватора, обряд крещения. Фото Романа Денисова

Научно-исследовательское судно «Каллисто» в Индийском океане

Коралловый риф острова Херон (Австралия), глубина 1,5 метра

За работой в лаборатории на НИС «Каллисто»

Автор очерка Э. А. Титлянов (слева) перед погружением с борта НИС «Каллисто». Банка Фантом, Тиморское море

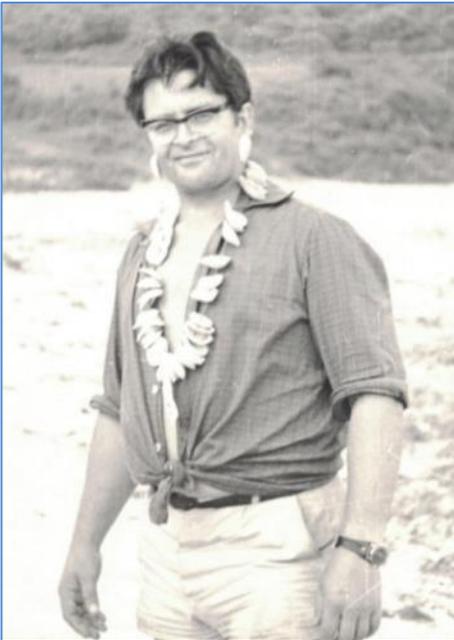

Дружный коллектив (наука и команда) при подходе «Каллисто» к порту Владивосток

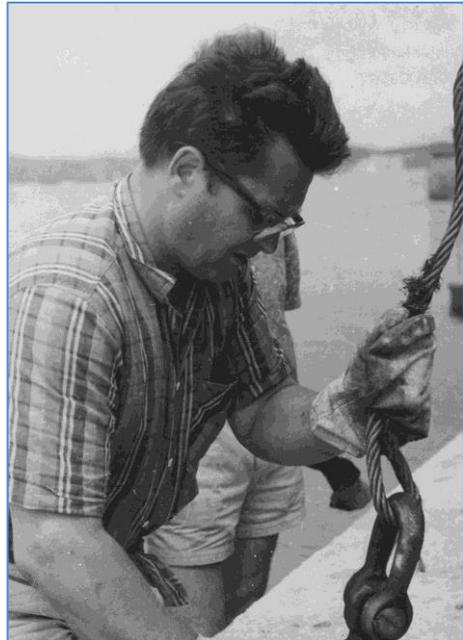
Фотографии к очерку С.Ю. Хайтлиной и Н.А. Одинцовой

Биостанция «Восток», первые палатки

Георгий Петрович Пинаев, тогда еще кандидат биологических наук, на биостанции «Восток». 1970 год

Трудовые будни на «Востоке». Г.П. Пинаев. 1972 год

Один из первых балетов под руководством и при участии Г.П. Пинаева на биостанции «Восток»

Праздник «День моря». Сцена из балета в постановке доктора биологических наук, профессора Георгия Петровича Пинаева (Институт цитологии РАН). Биостанции «Восток», 1979 год.

Из фотолетописи института

Алексей Викторович Жирмунский – основатель и директор ИБМ в 1970–1989 годах и Владимир Леонидович Касьянов – директор ИБМ в 1989–2005 годах

А.В. Жирмунский с сотрудниками института С.Д. Кашенко, В.А. Брыковым, С.И. Кияшко, С.К. Понуровским, С.В. Явновым и Н.И. Селиным. 1978 год

Лидия Ивановна Апухтина в Отдел биологии моря пришла в 1969 году, с 1970 по 2009 год – начальник отдела кадров ИБМ

Заместитель директора по экономическим вопросам Марина Васильевна Апухтина. В 1984 году окончила Дальрыбвтуз, в ИБМ работает с 1986 года

Кандидат биологических наук
Малютина Марина Валентиновна
– известный специалист по
равноногим ракообразным

Ученый секретарь кандидат биологических наук В.Е. Жуков, в ИБМ пришел в 1978 году после окончания биолого-почвенного факультета ДВГУ

Подготовка к подводным работам по мониторингу биоразнообразия залива Восток Японского моря. Слева направо: С.В. Кондрашов, А.В. Адрианов, В.Г. Тарасов, Д.А. Некрасов

Спуск ТПА «Фалкон» с борта судна-носителя «Владимир Касьянов»

Сотрудники библиотеки Любовь Исааковна Лейбович (на втором плане) и Ольга Павловна Иванчишина. 2010 год

Кандидат биологических наук Людмила Семеновна Белогурова и доктор биологических наук профессор Владимир Григорьевич Чавтур за работой

Доктор биологических наук Евгений Станиславович Балакирев пришел в ИБМ в 1979 году после окончания биолого-почвенного факультета ДВГУ

Член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ Виктор Евгеньевич Васюковский (1935—2016). В 1958 году окончил химический факультет МГУ, в 1974–1995 годах руководил лабораторией биохимии ИБМ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Научный руководитель лаборатории генетики д.б.н., профессор Владимир Алексеевич Брыков. В 1973 году окончил Уральский государственный университет, с 1974 года работает в ИБМ

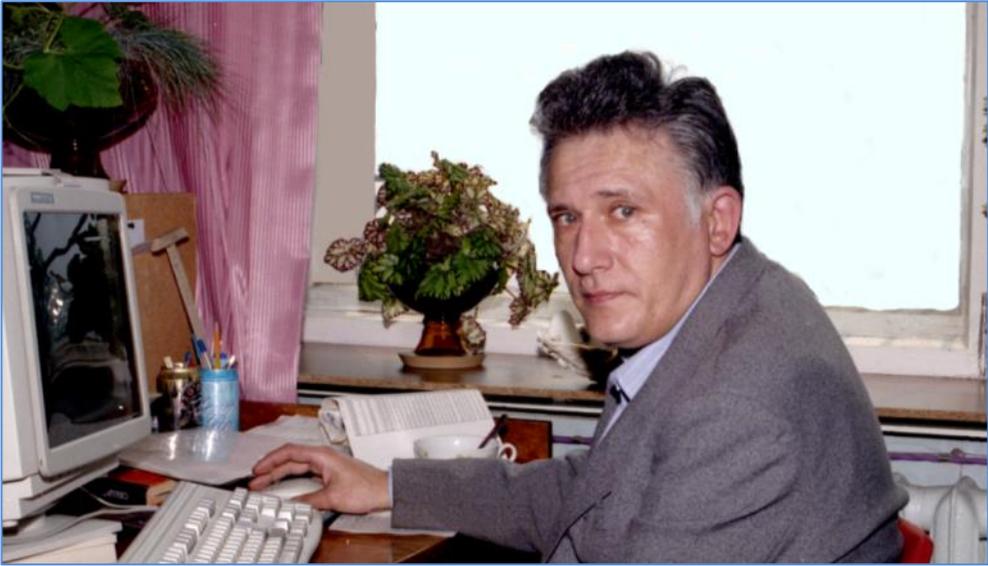
Кандидат биологических наук Валерий Алексеевич Брыков в ИБМ с 1971 по 2016 год: прошел путь от стажера-исследователя до заведующего лабораторией экологии беспозвоночных

Одна из первых сотрудниц ИБМ Мария Борисовна Иванова окончила биолого-почвенный факультет ДВГУ в 1968 году, в институте работает с 4 января 1970 года

Специалист по систематике хрящевых рыб, происхождению и расселению ихтиофауны Мирового океана, доктор биологических наук Владимир Николаевич Долганов работает в ИБМ с 1995 года

Заслуженный деятель науки РФ, основатель Дальневосточного малакологического общества доктор биологических наук Александр Иванович Кафанов (1947–2007). В ИБМ пришел в 1971 году по приглашению А.В. Жирмунского

Кандидат биологических наук Светлана Дмитриевна Кашенко. В 1967 году окончила биолого-почвенный факультет ДВГУ, работала в ИБМ с 1974 по 2011 год. Биостанция «Восток», 2010 год

Сотрудники лаборатории биохимии. Слева направо: нижний ряд – А.Б. Имбс, А.С. Хардин; верхний ряд – М.В. Высоцкий, С.А. Родькина, В.И. Светашев, С.В. Хотимченко, Т.И. Шабаева, В.П. Шеина, В.Б. Стехов, Н.В. Жукова. 2003 год

Участники конференции «Чтения памяти академика В.Л. Касьянова». Владивосток, 2008 год

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сотрудники отдела компьютерных технологий. Слева направо: нижний ряд – В.О. Пойс, Л.Г. Ерофеева, верхний ряд – И.И. Деридович, Г.В. Долгов, З.И. Сахапов, Ю.Н. Заславский

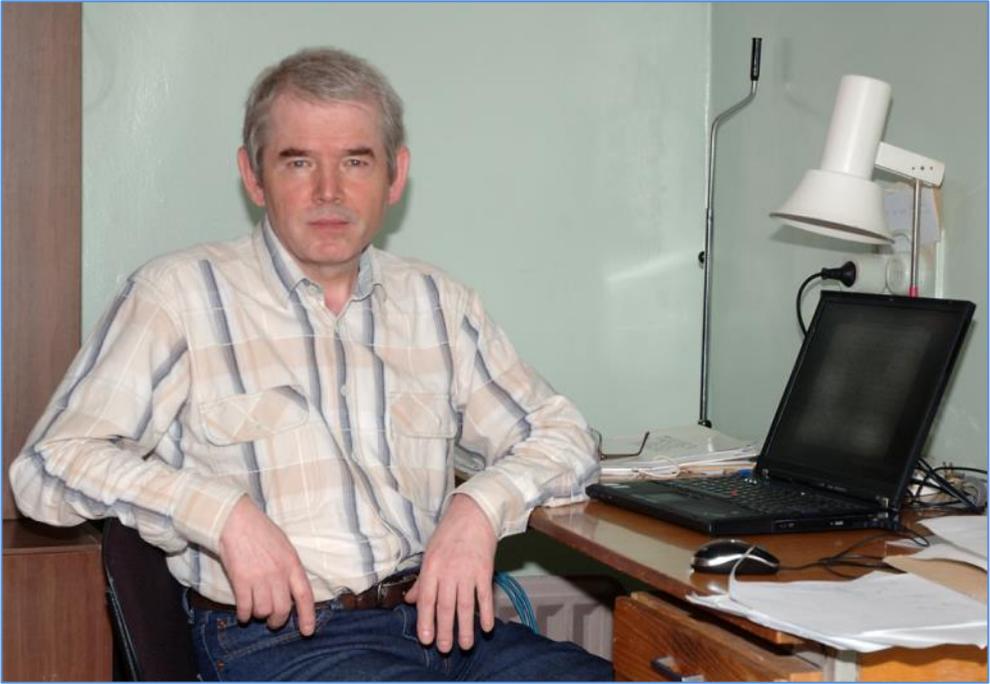
В лаборатории биофизики клетки. Слева направо: нижний ряд – М.Д. Колтыпина, Г.Г. Матусовская с дочерью, Н.С. Шелудько, Н.Н. Трошкина, Г.П. Пинаев, А.В. Добржанская; верхний ряд – А.Г. Грибов, А.С. Шиллов, И.Г. Вятчин, С.С. Лазарев, О.С. Матусовский. Биостанция «Восток», 2011 год

Анализ статистических данных о состоянии здоровья водолазов проводят профессор Олег Иванович Кириллов и кандидат медицинских наук Анна Юрьевна Горькая

Кандидат биологических наук. Ольга Анатольевна Головань за работой на стереомикроскопе Zeiss Stereo Discovery V12

Кандидат биологических наук Сергей Ильич Кияшко, ведущий специалист по природному изотопному составу биогенных элементов, в ИБМ работает с 1979 года после окончания МГУ им. М.В. Ломоносова

Сотрудники лаборатории ихтиологии. В первом ряду – А.С. Соколовский, И.В. Епур; во втором – В.В. Земнухов, П.А. Савельев, В.Е. Харин. 2011 год

Кандидат биологических наук
Тамара Александровна
Терехова – ученый
секретарь института в 1983–
1997 годах

Сотрудники лаборатории цитофизиологии. Слева направо: нижний ряд –П.А. Мотавкин, А.А. Вараксин; средний ряд – Е.П. Коцюба, И.Г. Сяпина, Р.В. Королева, В.Б. Дуркина, А.В. Хлопова, Е.А. Пименова, М.А. Ващенко; верхний ряд –Н.А. Швед, Е.В. Пущина

Доктор биологических наук Евгений Иванович Шорников (1940–2016) – специалист по морским, пресноводным, современным и ископаемым остракодам. В 1962 году окончил Донской сельскохозяйственный институт, в ИБМ работал с 1966 года

Лаборатория эмбриологии празднует свое 40-летие. На переднем плане – руководитель лаборатории В.В. Юшин, стоят слева направо: О.В. Юрченко, Л.А. Глизнуца, Т.И. Инжутова, А.Л. Дроздов, Е.С. Корниенко, Я.Н. Александрова, В.А. Куликова, С.Ю. Незнанова, Ю.К. Зограф, В.Н. Радашевская, В.И. Радашевский, О.М. Корн, А.В. Чернышев, Ю.М. Яковлев, С.А. Тюрин. 2013 год

Научный руководитель лаборатории эмбриологии член-корреспондент РАН, доктор биологических наук Владимир Владимирович Юшин. В ИБМ работает с 1983 года после окончания МГУ им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель лаборатории морской микробиоты кандидат биологических наук Татьяна Юрьевна Орлова работает в ИБМ с 1981 года после окончания биолого-почвенного факультета ДВГУ

Доктор биологических наук, профессор Анатолий Леонидович Дроздов

За электронным микроскопом кандидат биологических наук Любовь Александровна Глизница

Научный руководитель лаборатории систематики и морфологии кандидат биологических наук Константин Анатольевич Лугаенко. Сборы малакофауны на литорали Желтого моря, Циндао, Китай

Сотрудники лаборатории систематики и морфологии Наталья Константиновна Колотухина (справа) и Вера Сенкиевна Мун за определением двустворчатых моллюсков

Доктор биологических наук Алла Геннадьевна Олейник работает в лаборатории генетики ИБМ с 1982 года после окончания биолого-почвенного факультета ДВГУ

Смыв мейобентоса с водоросли *Ahnfeltia tobuchiensis* проводят кандидаты биологических наук Татьяна Сергеевна Тарасова, Ольга Николаевна Павлюк и Иван Никитич Будин. Залив Петра Великого, 2005 год

Кандидаты биологических наук Иван Иванович Чербаджи и Людмила Ивановна Сабитова за определением содержания биогенных элементов в воде

Эдуард Антонинович и Тамара Викторовна Титляновы на Морской биологической станции университета Рюкю (Япония)

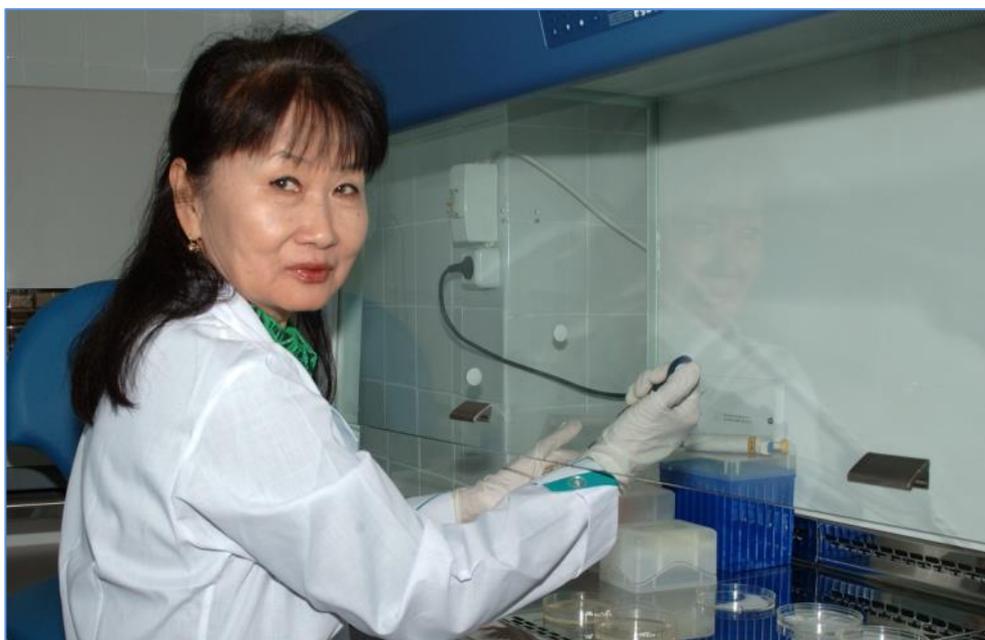
Кандидат биологических наук Юрий Михайлович Яковлев. Фотоидентификация серых китов сахалинской популяции. Охотское море, 2011 год

Сотрудники лаборатории фармакологии. Слева направо: нижний ряд – О.И. Кириллов, Ю.С. Хотимченко, Н.Е. Ламаш, С.П. Касьянов, А.Ю. Горькая, О.Н. Мирошникова; верхний ряд – А.В. Щеблыкина, Е.В. Демиденко, О.В. Савченко, А.А. Астахова, Т.В. Кушнерова, М.Н. Сгребнева, Е.В. Хожаенко, В.В. Ковалев, Е.А. Коленченко, Е.В. Ефиценко

Кандидат биологических наук Инна Валентиновна Стоник (справа) в лаборатории центра мониторинга вредоносных микроводорослей и биотоксичности прибрежных морских акваторий Дальнего Востока

Кандидат биологических наук Неонила Полякова окончила ДВГУ в 1968 году, в лаборатории генетики работает с 1980 года

Экспериментально-технологический участок лаборатории фармакологии

ПРИЛОЖЕНИЕ

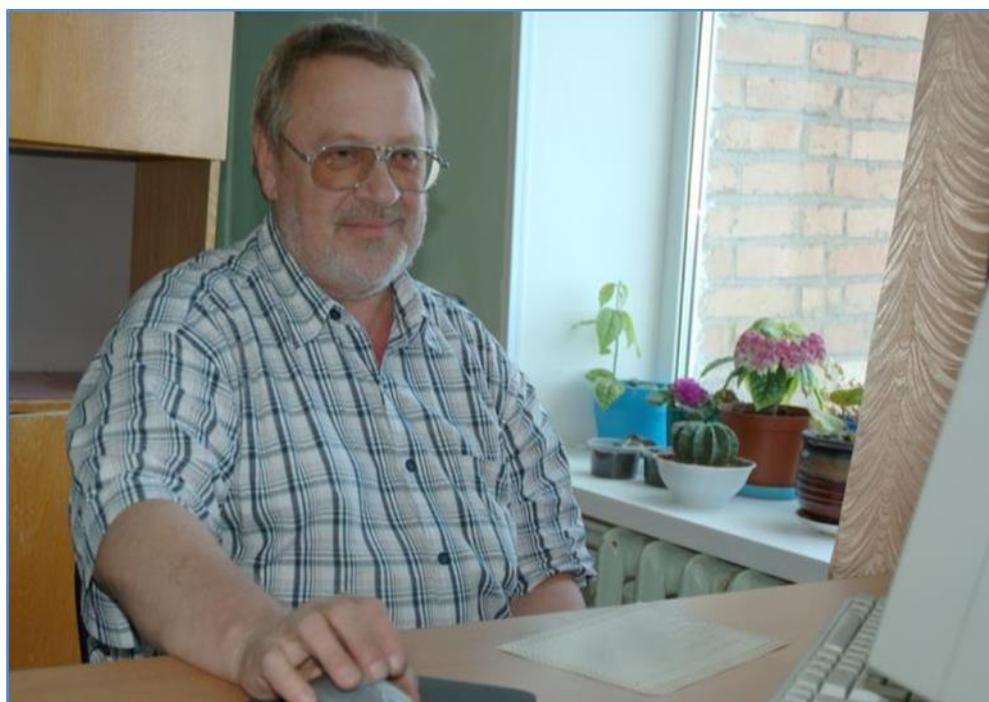
Кандидат биологических наук Владимир Иванович Харламенко (1950–2019). После окончания биологического факультета Днепропетровского университета в 1972 г. пришел на работу в ИБМ

Лаборатория клеточных технологий. Кандидат биологических наук Константин Владимирович Яковлев за изучением морфологии клеток в культуре

Доктор биологических наук Фролов Сергей Владимирович работает в ИБМ с 1976 года после окончания биолого-почвенного факультета ДВГУ

Кандидат биологических наук Сергей Кузьмич Понуровский в 1974 году окончил Пермский государственный университет. Работает в ИБМ с 1975 года

Владимир Тимофеевич Омельченко (1939–2007) и Александр Григорьевич Шевляков (1944–2013) стояли у истоков биологической станции «Радуга»

Кандидат биологических наук Василий Иванович Радашевский за определением видовой принадлежности полихет. Работает в ИБМ с 1980 года после окончания МГУ им. М.В. Ломоносова

Доктор биологических наук
Виталий Викторович Суханов
в 1971 году окончил ДВГУ, в
ИБМ работает с 1992 года

Начальник биостанции «Радуга» кандидат биологических наук. Валерий
Александрович Паренский в ИБМ работает с 1979 г. после окончания
биолого-почвенного факультета ДВГУ

Кандидат биологических наук Николай Серафимович Романов окончил МГУ им. М.В. Ломоносова в 1968 году, с 1989 года работает в ИБМ

Александр Андреевич Омеляненко, работает в ИБМ с 1979 года, он автор многих фотографии, помещенных в этой книге

Кандидат биологических наук Луиза Николаевна Пропп проводит отбор проб заборной воды. НИС «Академик М.А. Лаврентьев», Охотское море

Кандидат биологических наук Ирина Романовна Левенец (слева) и Людмила Николаевна Хорольская за работой с коллекциями макрофитов

Доктор медицинских наук, профессор Павел Александрович Мотавкин (1922–2015), заслуженный деятель науки РФ, почетный гражданин г. Владивостока. В 1967–1988 годах – заведующий лабораторией гаметогенеза ИБМ

Сотрудник лаборатории генетики биологических наук кандидат наук Андрей Данилович Кухлевский работает в ИБМ с 1982 года после окончания ДВГУ

Переводчик Татьяна Николаевна Кознова работает в ИБМ с 1980 года после окончания филологического факультета ДВГУ

Заведующая редакцией журнала «Биология моря» Нина Михайловна Долгова в 1976 году окончила филологический факультет ДВГУ, с 1978 года работает в редакции журнала

Кандидат биологических наук Михаил Юрьевич Ковалев работает в ИБМ с 1982 года после окончания биолого-почвенного факультета ДВГУ

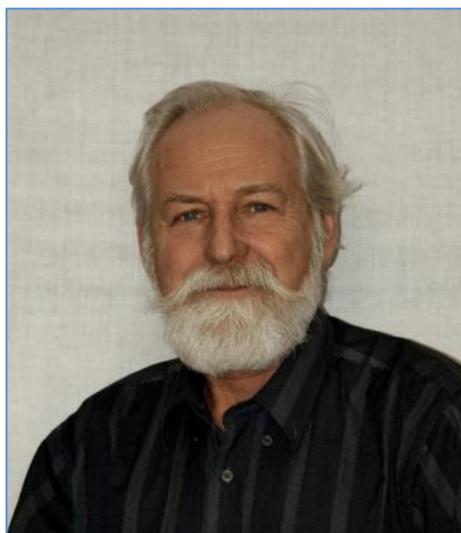
Кандидат биологических наук Андрей Аркадьевич Бегун. Работы в районе морской нефтедобывающей платформы «Моликпак», Охотское море, северо-восточный Сахалин

Научный руководитель лаборатории ихтиологии кандидат биологических наук. Андрей Анатольевич Баланов работает в ИБМ с 1988 года после окончания ДВГУ

Переводчик Ирина Анатольевна Барсегова, в 1962 году окончила филологический факультет ДВГУ, в 1975 году поступила на работу в ИБМ

Заслуженный эколог РФ, кандидат биологических наук Дмитрий Иванович Вышкварцев (1939–2014)

Научный руководитель лаборатории клеточных технологий доктор биологических наук, профессор Нэлия Адольфовна Одинцова работает в ИБМ с 1977 года после окончания биолого-почвенного факультета ДВГУ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Доктор биологических наук Александр Юрьевич Звягинцев работает в ИБМ с 1971 года после окончания биолого-почвенного факультета ДВГУ

Доктор биологических наук Юрий Яковлевич Латыпов – специалист по современным и ископаемым кораллам. Автор не только научных трудов, но и многих художественных произведений

Исследование физиологических параметров водолаза при работе в зимних условиях

Кандидат биологических наук Андрей Викторович Борода. Извлечение криовиалы с клетками гидробионтов из жидкого азота

Кандидат биологических наук Анастасия Сергеевна Майорова. Сбор животных на литорали

Научный руководитель лаборатории физиологии кандидат биологических наук Сергей Львович Кондрашев в 1972 году окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, в ИБМ работает с 1975 года

Кандидат биологических наук Андрей Николаевич Малютин (1960–2018), в 2001–2011 годах – директор Дальневосточного морского биосферного государственного заповедника

Семинар в лаборатории физиологической экологии. Слева направо: В.И. Засельский, А.В. Жирмунский, А.В. Морозов, Г.М. Колдаева, Э.П. Сергеева, А.Н. Тюрин, С.Д. Кашенко, Л.М. Ярославцева, А.М. Макарычева. 1987 год

Гости института знакомятся с обитателями зал. Петра Великого. Слева направо: директор ИБМ академик А.В. Адрианов, председатель ДВО РАН академик В.И. Сергиенко, председатель РФФИ академик В.Я. Панченко, доктор биологических наук. В.Г. Тарасов, вице-президент РАН академик Г.А. Месяц. Биостанция «Восток»

Кандидат биологических наук Сергей Михайлович Долганов в 1982 году после окончания биолого-почвенного факультета ДВГУ поступил на работу в ИБМ, в 2002– 2011 годах – начальник биостанции «Восток»

Сотрудник биостанции «Восток» Наталия Федоровна Зяблицкая работает в ИБМ с 2002 года

Валерия Васильевна Исаева и Владимир Леонидович Касьянов

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Дальневосточном морском заповеднике. Андрей Борисович Имбс, Алексей Викторович Жирмунский, Петр Васильевич Колмаков

Заместитель директора по научной работе кандидат биологических наук Вячеслав Сергеевич Одинцов.1997 год

Заместитель директора по научной работе доктор биологических наук Андрей Борисович Имбс в 1982 году окончил Институт тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова, в ИБМ работает с 1986 года

Людмила Михайловна Ярославцева (в середине второго ряда) с одним из первых выпусков Малой академии морской биологии

Заведующий отделом гипербарической физиологии и водолазной медицины кандидат медицинских наук Евгений Георгиевич Мирошников проводит подготовку к мониторингованию по Холтеру во время водолазного погружения

Руководитель научного архива Тамара Васильевна Матвеева работает в ИБМ с 1979 года

Начальник отдела аквариальной Виктор Павлович Найденко в 1978 году окончил ДВГУ, в ИБМ работает с 1987 года

Руководитель центра аквакультуры и прибрежных ресурсов кандидат биологических наук Сергей Иванович Масленников

Кандидат биологических наук Геннадий Петрович Манченко (1944–2006) окончил факультет естественных наук Новосибирского государственного университета, с 1973 года работал в лаборатории генетики ИБМ

Начальник отдела документационного обеспечения Вероника Леонидовна Буренина работает в ИБМ с 1992 года

Михаил Юрьевич Ковалев за проведением биологического анализа нерки *Oncorhynchus nerka*. Биостанция «Радуга»

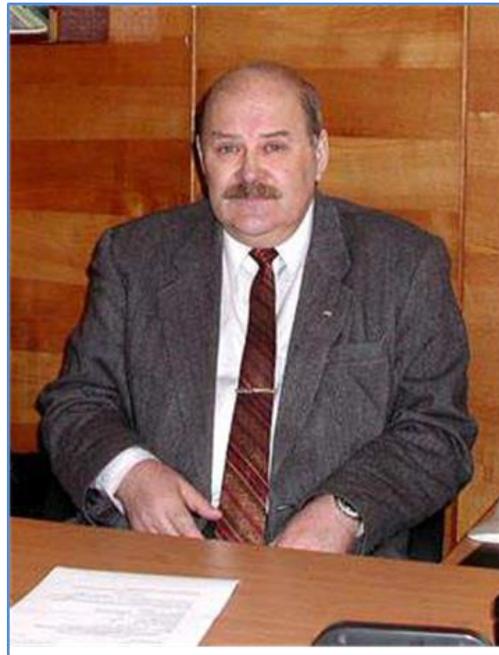
Нина Львовна Лейбсон (1933–2008) в 1957 году окончила Ленинградский мединститут, с 1967 по 1996 год работала в ИБМ, основатель лаборатории сравнительной цитологии

Ольга Александровна Дутова, ведущий экономист, работает в ННЦМБ с 2009 года

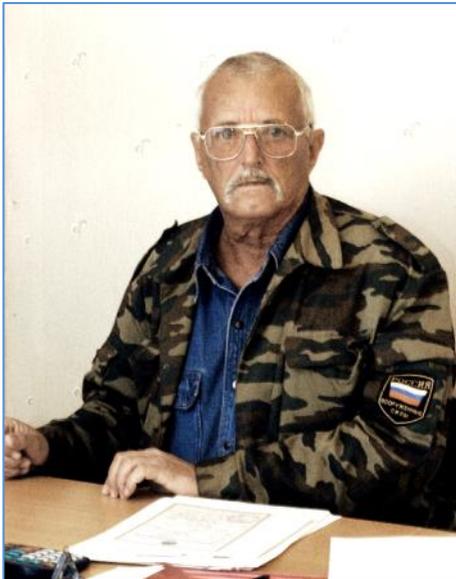
Доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Георгий Петрович Пинаев в лаборатории на МБС «Восток»

Валерий Александрович Кудряшов (1939–2007). С 1976 по 1980 год – декан биолого-почвенного факультета ДВГУ в 1975–1985 годах заведующий лабораторией шельфовых сообществ Института биологии моря на общественных началах

Инженер центра электронной микроскопии Кирилл Александрович Шефер за трансмиссионным электронным микроскопом Zeiss Libra 120

Виктор Петрович Кашенко (1942–2007), в ИБМ работал с 1970 года, первый начальник биостанции «Восток»

Алексей Александрович Михеев, начальник биостанции «Восток» работает в ННЦМБ с 2004 года

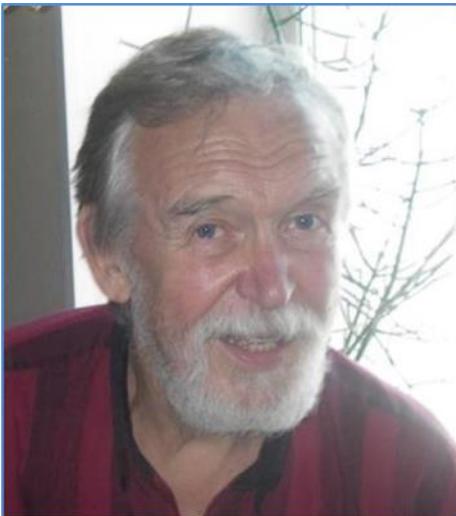
Кандидат биологических наук Владимир Андреевич Воробьев (1945 – 1997) работал в ИБМ с 1972 года, в 1990–1997 годах начальник биостанции «Восток»

Биостанция «Восток» с высоты птичьего полета. 2015 год

Олег Витальевич Рычков возглавляет биостанцию «Сокол» (остров Сахалин) с 1990 года

Заслуженный эколог РФ, доктор геолого-минералогических наук, профессор Борис Владимирович Преображенский (1937–2016)

Специалист по фораминиферам дальневосточных морей, кандидат геолого-минералогических наук Тамара Валентиновна Преображенская (1935–2016)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Руководитель отдела глубоководного оборудования Виталий Андреевич Денисов работает в ИБМ с 1974 года

Доктор биологических наук, профессор Вячеслав Николаевич Иванов и доктор биологических наук, профессор Анатолий Леонидович Дроздов

Доктор биологических наук Александр Иванович Пудовкин работал в ИБМ в 1971–2007 годах

Кандидат биологических наук Владимир Васильевич Гульбин за определением моллюсков на борту НИС «Академик Опарин». Вьетнам

Семинар в лаборатории биофизики клетки. В центре – руководитель лаборатории, доктор биологических наук Николай Семенович Шелудько. Биостанция «Восток», 2006 год

Подготовка к эксперименту по исследованию сократительных свойств мышц моллюсков. Сотрудники лаборатории биофизики клетки за отбором материала

Главный специалист центра электронной микроскопии Денис Владимирович Фомин обучает Викторю Шарманкину работе на сканирующем электронном микроскопе Zeiss EVO 40

Сотрудники лаборатории клеточных технологий. 2019 год

Сотрудница
лаборатории клеточных
технологий кандидат
химических наук Наталья
Викторовна Агеенко
индуцирует нерест у
плоских морских ежей

В музее института. Кабинет «старого ученого»

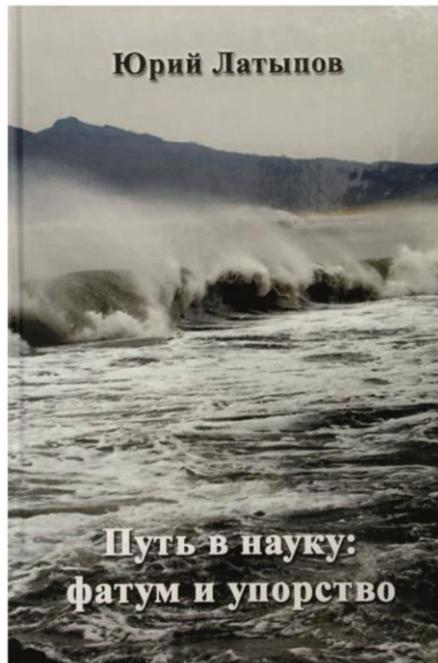
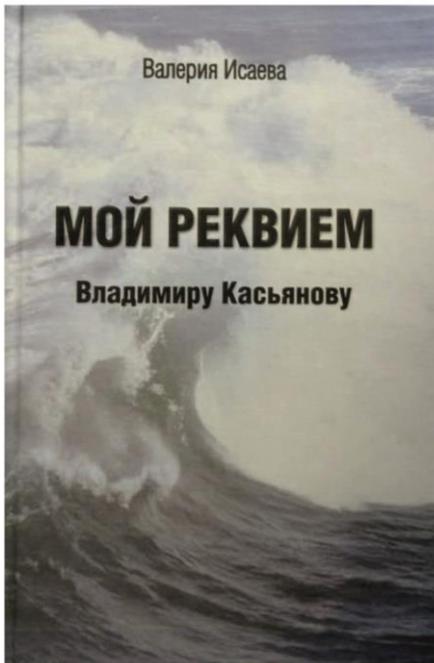
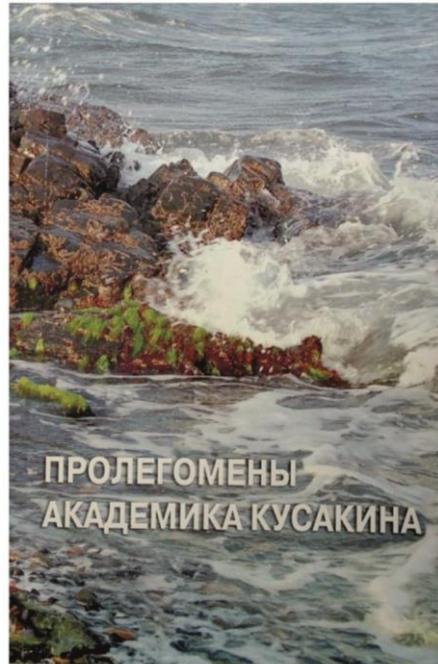
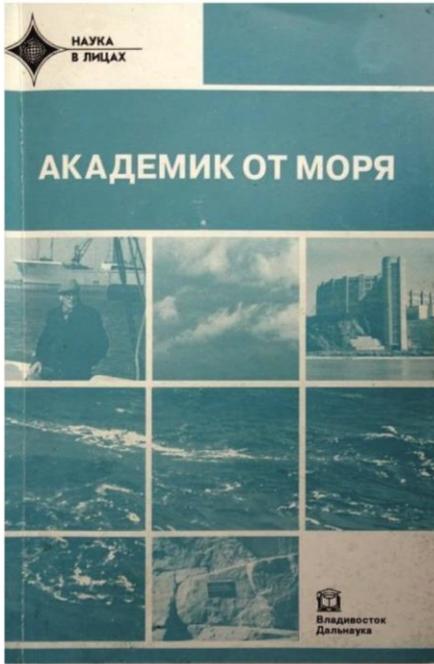

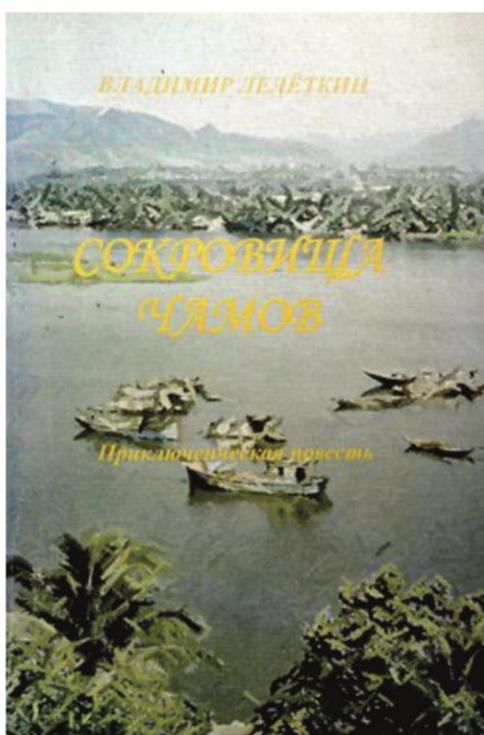
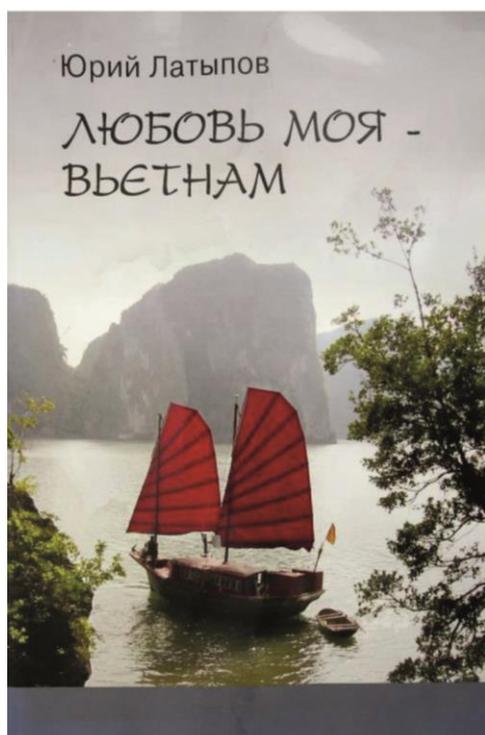
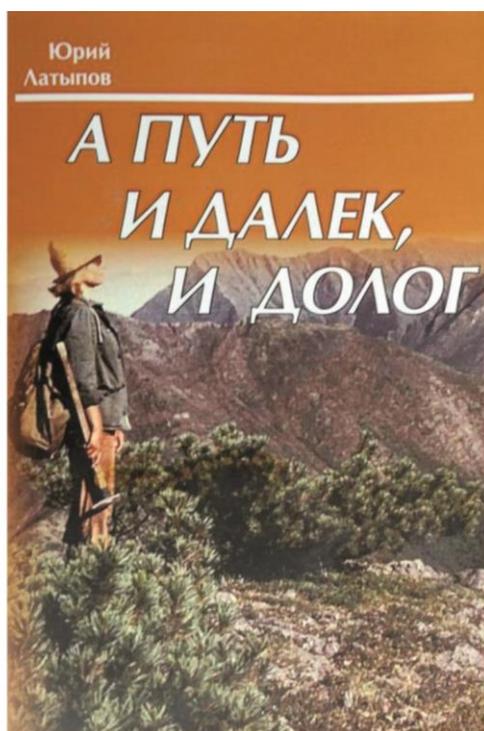
В музее института. Скелет кита малого полосатика

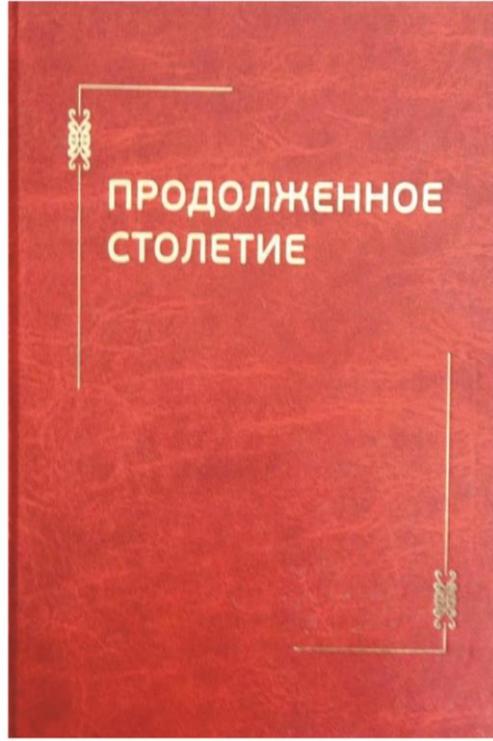
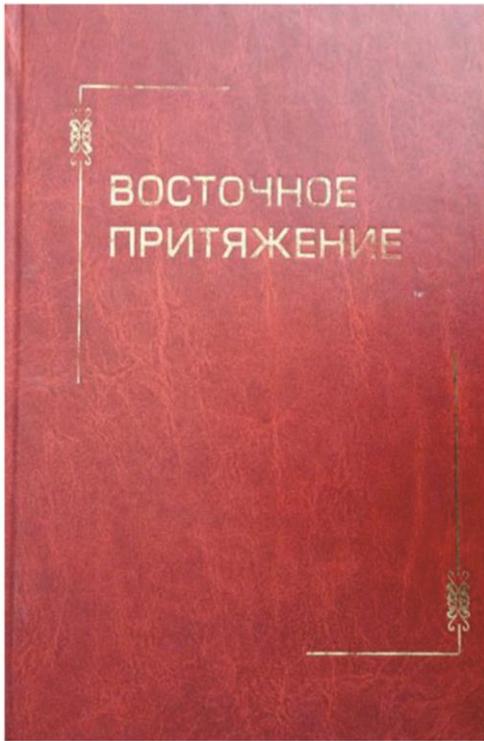

Школьники на экскурсии в музее института

Книги и публикации сотрудников и о сотрудниках института

В институтах ДВО РАН

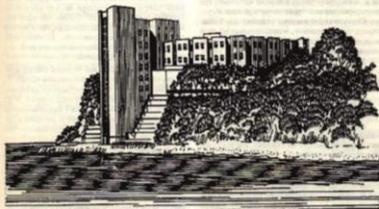

К 25-летию Института биологии моря

Институт, который стоит на разломе

Есть опасность, что Институт биологии моря построит так, как строит его было когда-то. Есть опасность, что ученые работать не смогут — уровень их существования колеблется на грани выживания. Но здание ИБМ стоит шесть лет. Сотрудники занимаются наукой (и делают это, как полагается со дня основания института, на хорошем уровне), читают лекции, пишут монографии, диссертации и гранты. Жизнь продолжается.

Мы разговаривали с доктором биологических наук, членом-корреспондентом РАН, профессором Владимиром Леонидовичем Касиным в его директорском кабинете, за окном море и море, в аквариуме плавают рыбы. В рабочей обстановке на консультационном приеме директора по научным связям Леонида Ивановича Долгов. Рыбачья обстановка...

Владимир Леонидович, как появилась такая история — время за последние считала за свою роль «звезды в истории»? В ту эпоху было решено строить Демонстрационный научный центр — и началось освоение слабого наполья: Сибирского отделения АН. В центральном институте была не очень хорошая ситуация, и люди приезжали сюда. Так что время пошло.

Но нужно говорить о «времени дикости и истерии». Очень важна роль Алексея Викторовича Журавского, который основал институт. Какой институт получился, зависит от человека. По-моему, институты эти и не состоялись. Вероятно, их организовали или не те люди, или те, кому негодил было этот замысел.

В каком институте не было ошибок с «кадрами»?

Т.А.ТЕРЕХОВА

Почетные члены ИБМ

26 февраля 1992 г. Ученый совет Института биологии моря принял решение об учреждении звания почетного члена Института биологии моря. В положении о звании сказано, что почетными членами избираются отечественные и зарубежные ученые, внесшие большой вклад в развитие биологии, а также ученые, связанные с деятельностью института и оказавшие содействие в его развитии.

Почетными членами ИБМ являются: президент Российского палеонтологического общества, академик Борис Сергеевич Соколов, директор международного Экологического института, профессор Отто Кинне (Германия), куратор малакологии Зоологического музея Гарвардского университета, профессор Рут Тернер (США), почетный директор Института научной информации в Филадельфии Юджин Гарфальд (США), член Национальной академии наук США, биохимик Эдвард Бенсон (США), директор Института общей генетики РАН, член-корреспондент РАН Юрий Петрович Алтухов, заведующий отделом Института биологии южных морей АН Украины, профессор Станислав Максимович Коновалов.

Борис Сергеевич Соколов

Борис Сергеевич Соколов родился в 1914 г. Известный геолог и палеонтолог, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, академик-секретарь Отделения геологии, геохимии и геофизики АН СССР (1975—1991 гг.). В 1980 г. избран президентом Международной палеонтологической ассоциации. Он — почетный президент-организатор Международной ассоциации по изучению кораллов (1983 г.), президент палеозоологической секции Международного союза биологических наук — перенес почетных званий и титулов можно продолжать. Борис Сергеевич сыграл огромную роль в формировании и развитии региональных научных центров, в частности, Отдела палеонтологии и стратиграфии Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР.

В ИБМ сейчас работают кораллисты — представители его научной школы. С самого начала научной деятельности он тяготел к биологии и палеонтологии. Учился на геофаке, год занимался на биологическом факультете Ленинградского университета.

Палеонтология морских беспозвоночных занимает главное место в научной деятельности Бориса Сергеевича. Он изучал различные группы ископаемых морских организмов, ему удалось исследовать сабэллиты докембрия — ранние кембрия и выделить их в новый отряд, близкий к современным погонифорам. С ранней юности самый большой интерес у него вызывали ископаемые кораллы. Изучение эволюции, строения, развития и географии кораллов, особенно границы протерозоя и фанерозоя, позволило ему выделить венский комплекс.

Татьяра Александровна Терехова — кандидат биологических наук, научный секретарь ИБМ.

Морские «звезды»

И. Олег Кусакин, академик

О нем говорят: легендарная личность. Говорят в самом Институте биологии моря, в котором Олег Григорьевич Кусакин с первого дня. Во Владивостоке приехал работать в отдел морской биологии Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук в начале 1967 года. Но если быть точным, знакомство Олега Григорьевича с городом и ближайшими морями произошло восемнадцатилетними годами раньше, когда еще перекрестилась Ленинградского университета, жила в экспедицию на курьинский остров Шикотана профессор Евпраксин Гурьянова. Тогда ему было меньше летнадцати.

Это была, по сути, не практика, а настоящая научная работа на шельфе. И была эта работа, как выразился один из журналистов, посвятивший О Кусакину, «началом Великой инвентаризации».

Кусакин заблел Куралом. На следующее лето, в 1980 году, поехал на кор Кусакина. Дольному посылал латерали этого острова.

Потом Кусакин бывал на Курлах много раз, эти острова стали самым близким участком его «экспедиционного поля», протянувшегося от Чукотки до Вьетнама.

После аспирантуры, пройденной в Ленинградском университете, Олег Григорьевич начал работать в Зоологическом институте.

... Разговаривали мы с Олегом Григорьевичем в большой палате. Вместо разговора удивленно улыбался из-под очков и пробавал улыбаться меня толстым титом европейского пулутского романа. Рядом лежала такая же пухлая рукопись, в которую он что-то вписывал.

— Знаете, я посылал в американский журнал статью. И слугу, совершенно слугу, думалось написать: работа выполнена на средства фонда Сороса. Ну, думаю, получал же 246 «зеленовизки», значит, выполняю свое моральное обязательство.

Показывает письмо из редакции журнала: «Предполагаемый объем вашей статьи — 21 страница. Печатание одной страницей у нас обходится в 60 долларов. Просим прислать 1.260 долларов, чтобы мы могли опубликовать статью в нашем журнале».

— Попад в капкан! — горячо возмущается. — По своей же глупости! Он, видите, прочитав мое преступное указание — работа выполнена на «грант», — не мог даже предположить, какой он извратил. Он, я думаю, считает, что я пользуюсь каким-то финансовым фондом. Написать же должны, грант в пять раз меньше, — глупо писать туда об этом. Вообще-то я знал, что сейчас многие журналы переходят на печатание статей, беря за это плато с автора. Скажи, правда, делается — для маломужичьих ученых на сборных восточных стран, от них денег не просит.

И что мне этот грант, — продолжает горячиться Кусакин, — пусть бы он был в миллион рублей! Сейчас, чтобы напечатать книгу, надо несколько миллионов. Я сдал написанную с моим учеником, Владимиром Ивановичем Лукиным, научно-популярную книгу о Курлах в Гидрометиздат. Пролетала

А.Л.ПРОЗДОВ

Клуб ученых ИБМ

Ученые хотят общаться, они любят рассказывать о своей работе, им необходимо услышать мнение коллег. Для этого часто бывает недостаточно узкоспециальных симпозиумов и конференций — на этих высоконучных собраниях не всегда уместны выступления с глобальными построениями, с «бездумными» гипотезами или же рассуждения о проблемах, смежных с разными науками. Поэтому весной этого года в ИБМ группой авторитетных ученых института учрежден Клуб ученых.

Членом Клуба может быть любой специалист, имеющий научную степень и активно работающий в науке или увлеченный интересной проблемой. Для вступления ему необходимы рекомендации двух членов Клуба и одобрение научного доклада, посланного на заседание Клуба.

В 1994 г. помимо организационных проведено четыре рабочих заседания, первые три назывались «Биоразнообразие и принципы таксономии». Тема выступления академика О.Г.Кусакина (ИБМ) — «Биоразнообразие: таксоны и экоморфы». Он дал критический анализ современного состояния в построении биологических систем, когда смешиваются два подхода — экоморфический и филогенетический. В естественной филогенетической классификации каждый таксон должен представлять монофилетическую группу организмов. В большинстве же современных систем, особенно на уровне крупных таксонов, смешиваются понятия экоморф, или жизненных форм, и таксонов.

Эта тема продолжена в докладе «Биоразнообразие и проблемы систематики» д.б.н., ведущего научного сотрудника Биолого-почвенного института Л.И.Васильевой. Доклад был посвящен принципам биологической систематики, разработанной автором на примере грибов пиренициев. Это обширная и сложная в систематическом отношении группа, широко распространенная на Дальнем Востоке. Бытовало мнение, что нельзя классифицировать эти организмы, поскольку они обитают на других растениях (травах и деревьях) и очень зависят в строении и физиологии от организмов-хозяев. Автору пришлось проанализировать литературу от Платона и Линнея до современной молекулярно-биологической и выработать собственные принципы систематики, которые позволили ей успешно классифицировать пиренициев.

Доклад к.б.н., ведущего сотрудника Тихоокеанского океанологического института С.В.Точилкина был посвящен таксономии радиоларий. Это очень древняя группа протистов значима для стратиграфии. Поэтому построение ее естественной системы важно не только в теоретическом, но и в творческом плане.

ПРОЗДОВ Анатолий Леонидович — доктор биологических наук ИБМ ДВО РАН, председатель Клуба ученых.

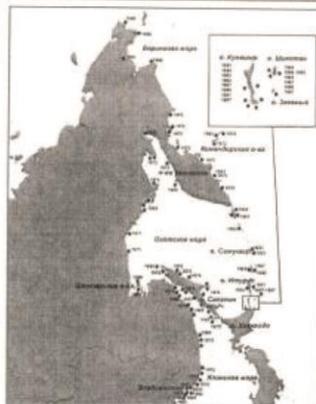

Схема экспедиций на литорали дальневосточных морей России, проведенных под руководством академика О.Г. Кузнецина

ЖИЗНЬ ОТДАННАЯ МОРСКОЙ БИОЛОГИИ

Печально украшать наш дом такими досками, - сказал, открывая митинг, первый заместитель председателя Дальневосточного отделения Российской академии наук, директор Института биологии моря академика Владимир Леонидович Касьянов. Это мажора дань нашего глубочайшего уважения к великим людям, основателям института, выдающимся ученым.

О.Г. Кузнецин внес неповторимый вклад в развитие гидробиологии, зоологии, общей биологии. Он воспитал много учеников, оставил после себя одну из лучших в Российской Федерации школ морской биологии. Кроме множества опубликованных книг и статей, немало почти забытых работ Олега Григорьевича, надо надеяться, будут возвращены его талантливым ученикам и последователям.

То, что эти два дня редки - это закономерное, поскольку Алексей Викторович и Олег Григорьевич шли рядом несколько десятилетий, рука об руку и делили общие дела, начав с создания института морской биологии. Ныне этот институт олене из сильнейших в мировой биологической науке, - говорят заведующий кафедрой зоологии бесполовых организмов биологического факультета Московского государственного университета, член корреспондент Российской академии наук Владимир Васильевич Мылков.

Еще лет сорок назад для че-

ловья, решившего посвятить себя науке, было довольно оптимистично ждать для этого работу во Владивостоке. Беда города был закрытым для свободного его посещения, следовательно, общение между учеными из других городов и разных стран было ограничено. Владивосток был тогда большой городом военных моряков, городом рыбной промышленности и мало - городом науки. Но еще в студенческие годы у Олега Григорьевича зародилась и позже окончательно выкристаллировалась мечта не газетная любовь к омашинам Дальний Восток моряки, к ученикам в них жизни. Своими трудом исследованию дальневосточных морей О.Г. Кузнецин поднял здесь морскую биологию на высочайший уровень, и сам достиг здесь высочайшего научного уровня.

Будучи выдающимся ученым, О.Г. Кузнецин никогда никому не представлялся «ничкой» от науки, а был очень доступным, выматывали в то же время живым, не чуждым тонкого юмора, остроумным человеком. Всегда и него его науки, ее чистота и авторитет стояли на главном месте. О своей науке он думал и занимался ею большую часть суток ежедневно.

О.Г. Кузнецин был удивительно дисциплинированным и организованным человеком, - сказал об академике заведующий отделом молекулярной иммунологии Тихоокеанского

В этом здании в 1959-2001 годах работал выдающийся морской биолог, заслуженный деятель науки Российской Федерации академик Олег Григорьевич Кузнецин

Момент открытия мемориальной доски

Академик Олег Григорьевич КУЗНЕЦОВ

За один день до первой годовщины со дня кончины выдающегося ученого академика Олега Григорьевича Кузнецина (12 июня 1930 года - 22 августа 2001 года) - доктора биологических наук, профессора, заместителя начальника Института биологии моря, профессора Дальневосточного государственного университета, заслуженного деятеля науки Российской Федерации - 21 августа в память о нем на здании Института биологии моря открыта мемориальная доска. Она украсила рядом с этой же доской, посвященной памяти организатора и первого директора института академика Алексея Викторовича Жермуцкого, иной написанно.

В этом здании в 1959-2001 годах работал выдающийся морской биолог, заслуженный деятель науки Российской Федерации академик Олег Григорьевич Кузнецин

института биоорганической химии член-корреспондент Российской академии наук Виктор Евгеньевич Василькович. Он встречал Олега Григорьевича на не как на коллегу по профессии, а сам был много лет сотрудником Института биологии моря. Все знали, что О.Г. Кузнецин был суперупруду, тем не менее он нередко перепроверял свое память по документам, первичным описаниям, а много знал и умно хороших людей, и Олег Григорьевич был из лучших, - сказала В.Е. Василькович.

Профессор Вячеслав Петрович Шунтов из Тихоокеанского научно-исследовательского центра (ТИНРО-Центр), возглавляя должное сотрудничество О.Г. Кузнецина в области морской биологии аспиранта В. Жермуцкого, говорил также, что они были талантливейшими преподавателями великих предшественников, работавших на Дальнем Востоке, образцового, стояли на их плечах.

Не только автором прекрасных научных трудов является академик О.Г. Кузнецин, - сказал доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института биологии моря Андрей Иванович Леонидович Дроздов. Вместе с Олегом Григорьевичем они направили тогда «Физическим организмом» о мире - труда фундаментального и в то же время весьма смелого по своей научной концепции и даже научной

защитности, в котором (разные филогенетические «родовые древа») отношения между царствами органического мира.

Олег Григорьевич опубликовал и несколько научно-популярных хороших написанных, интересных для рядового читателя, книг о жизни моря. К его трудам будут обращаться новые и новые поколения морских биологов.

Он остался с нами своими идеями, своими работами, своими учениками, - говорил доктор биологических наук, заведующий кафедрой зоологии Академии экологии, морской биологии и биоресурсологии Дальневосточного государственного университета Андрей Владимирович Аджиева. Вокруг себя О.Г. Кузнецин умел создавать интеллектуальную среду, комфортную и для других. Он был открытым человеком, доброжелательным и для других. Он не ставил и никому не наругивал. Он даже хвалил, прокомментировал, добрым и не обидно. Он был биологом-эволюционистом, высококлассным старой петербургско-лянской раскопки биологической школы. Его идеи будут развивать его ученики. Как и другие выступавшие на открытии памятной доски, введущий лабораторий зоологии Института биологии моря, доктор биологических наук Евгений Иванович Соколовский говорил об О.Г. Кузнецине как выдающемся ученом, заместителем предсе-

дателя Дальневосточного отделения РАН по общим вопросам - начальником управления делами Юрий Федорович Степанов высказал большую уважительные тем, что так много людей заинтересовано в сохранении памяти об Олеге Григорьевиче Кузнецине - прекрасном человеке, нашем современнике.

К слову, на которой украшена доска в память академика О.Г. Кузнецина, были возложены цветы.

Затем состоялось знакомство с «книжкой», в которой Олег Григорьевич Кузнецин оставил до последних дней его жизни, отрывки выступавшие на митинге у главного входа Института биологии моря - «завтра Жермуцкий» - на высоком скалистом берегу Амурского залива.

Есть постановление Президиума Дальневосточного отделения РАН о подготовке и опубликовании книги об академике О.Г. Кузнецине. Для нее собираются статьи, воспоминания, фотографии - любые материалы, которые помогут сорганизовать и показать нашим потомкам значимость результатов исследований Олегом Григорьевичем дальневосточных морей, рассказать о его жизни, полностью сознательно отданной развитию морской биологической науки на Дальнем Востоке России.

О. АЛЕКСАНДРОВ
Фотоснимки доктора биологических наук Анатолия ПРОЗДОВА

Выступает доктор биологических наук Андрей Владимирович АДРИАНОВ

После окончания митинга (правый снимок)

Выступает член-корреспондент РАН Владимир Васильевич МАЛЮХОВ (г. Москва)

4 сентября 2002 г.

ЧАШКА КОФЕ У АКАДЕМИКА

РАССКАЗЫВАЕТ
АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ
ЖИРМУНСКИЙ

ОТОМ, ЧТО хранил этой квартиры во владивостокском Академгородке давно и тесно связан с морем, говорит обстановка - от старой кухни до его рабочего кабинета. Встретился же мы с почетным директором Института биологии моря неожиданно среди четырех домов "академического квартала", и он пригласил зайти на чашку кофе.

НЕ ВЕЗДЕ НЕ ЛЮБИТ НАУКУ

В сентябре был в Германии на столетии старейшего и крупнейшего не только в этой стране, но и во всей Европе морского Биологического института Гельголаанда, говорит Алексей Викторович. Между делом надо сказать, что ранее ведущим морским биологическим институтом в Европе была Лаборатория в Плимуте. Но приездоме Т. чер, аналитично тому, как ныне у нас в стране, к науке относились плохо и сократили этот институт с 80 ученых до пяти, обрели англйскую морскую биологию на прибавление. Уже сейчас она утратила свои лидирующие позиции.

Биологический институт Гельголаанда (БИГ) - большое учреждение. Его история такова. Сто лет назад пять крупных морских биологов, и не только германских, решили заняться вместе морской биологией. Выбрали на острове Гельголаанда. Там многообразные животные, хотя это место давно эксплуатируется рыбацкислужителями. Красные скалы из известняка, довольно много каменитые дно, развиты маленькие песчаные острова. Дно в изобилии имеет место гинкго. То есть там две

ге параметры, то есть моделировать условия: делать зимой лето, летом - зиму. Как уродно. А работают человек пять. Современное дорожное оборудование пропавшее.

Я предлагаю, но они пока не отпустили, а потом позволяют, что мало приглашают наших ученых. Оплачивать им дорогу (теперь мы не можем сами это делать), платить зарплату, то есть, чтобы наши работали у них на контрактной основе. Пока там обрабатывали два месяца только физиологи растений сурруге Татталома из нашего института. Такие работы были бы очень полезны не только нам, но и немцам. А так пусть роскошные, прекрасные оборудованные лаборатории. У них

НАШИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РАСПИРЯЮТСЯ

В этом большая заслуга ректора Института биологии моря доктора Касьянова. Когда некоторое время назад во Владивостоке проходила встреча ректоров стран Азиатско-Тихоокеанского региона, мы с Владимиром Лениновичем были там, выступали, познакомились со многими гостями нашего города. Был там и представитель ЮНЕСКО. Он спросил: могли бы мы устроить курсы для молодежи из стран АТР, уже окончившей университет,

ВИДЯТ СМЫСЛ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Вот был у меня на кафедре морской биологии студент Коста Лурасенко. В этом году он окончил университет. За время своего студенчества сделала девять научных работ. Часть их напечатана в журнале "Доклады Академии наук", "Известия РАН. Серия биологическая" и в зарубежных, другие направлены в печать. Вот один его работа. Он сопоставил, как распространялись некоторые моллюски в период температурной оптимума - шесть тысяч лет назад. Тогда было теплее. И как они распространяются сегодня. Сравнил его и зоологий,

альных возлагать работами на глубинах до 40 метров. Мы тогда работали. В то же время самые скальные лаборатории по моллюскам - в Сиднее. Там, однако, очень уважают наших моллюсков. Например, перевели на английский язык монографию Коналлова и ряд наших статей. По некоторым аспектам экспериментальной морской биологии хотели бы сотрудничать с рядом американских лабораторий.

Важной для нас задачей является создание нового международного журнала на английском языке, который мы могли бы готовить и издавать с американцами.

Сегодня мы находимся на четвертом этаже среди институтов, которые занимаются морской биологией и рыбохозяйственной наукой и на первом среди морских биологических институтов. Но мы пишем на русском языке, печатаемся в основном на русском. Поэтому, если даже потенциальное содержание наших работ выше американских, нас все равно не заметят. Такие уж американцы ленивы. Они, за редким исключением, не читают на других языках. Они не угадывают восторг больше, чем на тридцать лет. Они довольно поверхностно знают литературу. Но они много участвуют на языке международного общения ученых - английском.

Конечно, и мы должны больше печататься в таких журналах. Но мы делаем совместно с американцами свой морской биологический журнал. И тогда американцы, да и ученые других стран, наука не думает - будут это читать.

КОММЕРЦИЯ НЕ ДОЛЖНА ПОМЕШАТЬ

Чашка давно пуста. Академик трогает чашку - горький, можно говорить еще по чашке.
- Не устаю слушать? Вот что меня еще занимает сегодня. Идея создать

Телега жизни

№ 12 (1118)

Заседание дирекции института. Директор А.В. ЖИРМУНСКИЙ и заместитель директора В.Л. КАСЬЯНОВ. Фото 1987 года

Вспомнить свое прошлое, над какими-то случаями задуматься над тем, что-то наматать на ус молодым коллегам - ради этого собралась однажды "камерный посиделки" в Институте биологии моря. Ванюшиным этого несколько, но своеобразного товарища стали здравствующие киты от морской биологии - академики Алексей Викторович Жирмунский и Олег Григорьевич Кузнецов, пригласившие 30 лет назад во Владивосток для создания академической морской биологической науки, про-

МИНУВШИЕ ДНИ ВСПОМИНАЯ

сти наук, старшему сотруднику Ленинградского Института цитологии Кузнецов, тоже кандидат биологических наук, сотрудник Зоологического института, был назначен заместителем заведующего отделом. Одновременно первый был определен и как директор-организатор будущего

был умелый ученый, только назвать Олег Кузнецов. Можно представить, как прыгал по прибрежным скалам, какие загадочные до той поры Курби злот оный олень, привезенный из биологией петровской станицы своей морской профессору Гурьновской. Она носила редчайшие чудесные старинные меха - Гельголаанда,

сражений и пожаров. Студент Олег Кузнецов с того года заболел Курбином. На следующие лето поехал на кот Кузнецова, говорит, с кораблями макром вместо флота тушения - так было дешево. Дистанционно глядя про живность приливно-отливной зона этого острова. В 83-м он стал читать лекции и проводить практику со студентами Дальневосточного университета.

Об этом вспоминали, оживленно переговаривались, подкашлявали друг другу забытое. Но вот поднялся почетный гражданин Владивостока доктор медицинских наук Павел Александрович Мозакин, ввел разговор в новое русло, и потом уже узнали коммерческого холста не раз всей своей историей своей обучивалась на небольшой зал.

- Институт действительно начал свою деятельность с разного рода происшествий, которые теперь могут показаться немыслимыми, - оправдывался профессор такому повороту разговора, не сдержав улыбки. - Все это было, как и то, что тогда мы были почти в два раза моложе. Самой, может быть, интересной - в те дни наш коллега этого вот закончил своей

Первая дирекция Института Биологии моря: заместитель директора С.М. КИРОВАЛОВ, директор А.В. ЖИРМУНСКИЙ, ученый секретарь А.А. МАКСИМОВИЧ

Фото 1971 года

Мозакин радостно и с удивлением: - и к Дейковскому! - А как же вы? - с ирравой озабоченностью спрашивает

идея из ветреного института. Она повела о том, как разгневаться летом на морской станции "Восток" Жирмунского: урядый урядый колдовские оны на крыше колдовские бугры цветов... Мы скупались и не знали, что сказать, как пригласить в нашу обитель? Раздражаться не решились. И вот только сегодня пришло: это мы тогда аутили.

Жирмунский с легким любопытством слушает рассказывающую сестру. И уже отдавая отчет и знает: трибуную прозвонит и с женой, и пригласит не с женой. И вот тогда, когда Павел Александрович стал отменять эту самую Дейкову, то жених почему-то последовал за мной.

Брак с женой, не лишней полоти. Мы пошла в "Сорате" - где еще собирались биологи, как не в заданном с миром названием? Был шумный вечер, музыка, песни на задан. Но жених почему-то заставил нас идти кучкой. Оправдываясь в этом дело. Дело в том, что там был еще один приятель со студенческой тютельной кура. Она,

рассказчика слушательница. - А я не что? Я влюбился... Профессора Мозакина учеником профессор Кузнецов. - Павел Александрович с женой и с женой, и пригласит не с женой. И вот тогда, когда Павел Александрович стал отменять эту самую Дейкову, то жених почему-то последовал за мной.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акулин Валерий Николаевич, кандидат биологических наук, главный специалист Федерального государственного бюджетного научного учреждения ТИНРО-Центр. Родился в 1938 году в г. Владивостоке, в 1961 окончил биолого-почвенный факультет ДВГУ, в 1972–1974 годах – старший научный сотрудник ИБМ.

Арзамасцев Иван Сергеевич, кандидат биологических наук. Родился в 1951 году в г. Казани, окончил Ленинградский гидрометеорологический институт по специальности инженер-океанолог. После армии работал в ИБМ, затем перешел в Тихоокеанский институт географии.

Барсегова Ирина Анатольевна. Родилась в 1940 году в г. Владивостоке, в 1962 окончила филологический факультет ДВГУ, с 1975 сотрудник отдела научно-технической информации ИБМ, переводчик.

Брыков Владимир Алексеевич, доктор биологических наук, профессор, научный руководитель лаборатории генетики ННЦМБ. Родился в 1951 году в Челябинской области, в 1973 окончил Уральский государственный университет, в ИБМ с 1974 года.

Дроздов Анатолий Леонидович, доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории эмбриологии ННЦМБ. Родился в 1950 году в Псковской области, в 1972 окончил биолого-почвенный факультет ЛГУ им. А.А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский университет), в ИБМ с 1972 года.

Иванков Вячеслав Николаевич, доктор биологических наук, профессор кафедры биоразнообразия и морских биоресурсов Школы естественных наук ДВФУ. Родился в 1938 году в г. Новомосковске Тульской области, в 1961 окончил биологический факультет Горьковского университета (ныне Нижегородский), в 1966–1970 годах сотрудник ИБМ.

Касаткина (Кусакина) Алла Петровна, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник ТОИ ДВО РАН. Родилась в 1939 году в г. Сталинграде (ныне Волгоград), в 1962 окончила Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, в ИБМ с 1967 по 1986 год.

Кондрашев Сергей Львович, кандидат биологических наук, научный руководитель лаборатории физиологии ННЦМБ. Родился в 1949 году, в 1972 окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, в ИБМ с 1975 года.

Краснов Евгений Васильевич, доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры геоэкологии Балтийского федерального университета им. И. Канта. Родился в 1933 году в г. Уржуме Кировской области, в 1957 окончил Кишиневский государственный университет, в 1967–1978 годах заведовал лабораторией палеоэкологии и отделом экологии ИБМ.

Латыпов Юрий Яковлевич, доктор биологических наук. Родился в 1940 году, в 1973 окончил Новосибирский государственный университет, в ИБМ с 1976 года.

Малютин Андрей Николаевич (1960–2018), кандидат биологических наук. Родился в г. Новосибирске, в 1982 окончил ДВГУ по специальности гидробиология, в 2001–2011 годах – директор Дальневосточного морского биосферного заповедника, с 2011 – старший научный сотрудник лаборатории систематики и морфологии ННЦМБ.

Одинцов Вячеслав Сергеевич, кандидат биологических наук. Родился в г. Лиепая в 1955 году, в 1977 окончил ДВГУ по специальности гидробиология, в ИБМ работал с 1977 по 1995 год, вернулся в 2015, в 2018–2020 годах – ВРИО директора ННЦМБ.

Одинцова Нэлия Адольфовна, доктор биологических наук, профессор, научный руководитель лаборатории клеточных технологий ННЦМБ. Родилась в г. Новосибирске в 1954 году, в 1977 окончила ДВГУ по специальности цитология – биохимия, в ИБМ с 1977 года.

Омельченко Владимир Тимофеевич (1939–2007), кандидат биологических наук. Родился в г. Москве, в 1961 окончил Сельхозакадемию им. К.А. Тимирязева, в ИБМ с 1969 года.

Пропп Луиза Николаевна, кандидат биологических наук. Родилась в 1933 году, в 1957 окончила ЛГУ, с 1980 по 2018 – старший научный сотрудник лаборатории продуктивности.

Пудовкин Александр Иванович, доктор биологических наук, профессор. Родился в 1940 году в г. Ленинграде, в 1962 окончил биолого-почвенный факультет ЛГУ им. А.А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский университет). В лаборатории генетики ИБМ работал в 1971–2007 годах.

Савруев Вячеслав Михайлович. Родился в 1958 году в г. Владивостоке, в 1980 окончил биолого-почвенный факультет ДВГУ по специальности гидробиология, в 1989–1991 – помощник директора ИБМ по внешним связям.

Салменкова Елена Александровна, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории популяционной генетики Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН. Родилась в 1938 году в г. Москве, в 1960 окончила биолого-почвенный факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1967–1970 годах работала в ИБМ.

Светашев Василий Иванович, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительной биохимии ННЦМБ. Родился в 1949 году в с. Хайрюзово Камчатской области, в 1969 окончил химфак ДВГУ, в ИБМ с 1972 года.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков ДВО РАН. Родилась в 1948 году в г. Магнитогорске, в 1970 окончила Магнитогорский педагогический институт. С 2006 года работает на кафедре иностранных языков.

Терехова Тамара Александровна, кандидат биологических наук. Родилась в 1945 году в с. Токаревка Тамбовской области, в 1968 окончила биолого-почвенный факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, в ИБМ с 1971 по 2016 год, в 1983–1998 – ученый секретарь ИБМ.

Титлянов Эдуард Антонинович, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Родился в 1940 году в г. Чкалове (ныне Оренбург), в 1963 окончил биофак ДВГУ, в ИБМ с 1970 года.

Хайтлина София Юрьевна, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник отдела клеточных культур Института цитологии РАН (г. Санкт-Петербург). Родилась в 1945 году в Ленинграде, в 1968 году окончила биолого-почвенный факультет ЛГУ им. А.А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский университет) по специальности биолог-биофизик. В ИБМ работала в 1968–1982 годах.

СОДЕРЖАНИЕ

АКУЛИН Валерий. Несколько страниц нашей истории.....	10
АРЗАМАСЦЕВ Иван. Ему тогда было семьдесят.....	16
БАРСЕГОВА Ирина. Снились наши круглые коридоры.....	25
БРЫКОВ Владимир. Генетикой рыб интересовался еще со студенчества.....	27
ДРОЗДОВ Анатолий. Ленинградцы-петербуржцы в развитии морской биологии на Дальнем Востоке.....	28
ИВАНКОВ Вячеслав. Первые десятилетия (1960 – 1980 годы).....	37
КАСАТКИНА Алла. Вспомнить и отметить нужно многих.....	46
КОНДРАШЕВ Сергей. О советско-американском симпозиуме по физиологии и биохимии адаптаций морских животных.....	50
КРАСНОВ Евгений. Задачи и уроки.....	53
ЛАТЫПОВ Юрий. Кораллы изучают самые пытливые.....	57
МАЛЮТИН Андрей. Былое и думы.....	64
ОМЕЛЬЧЕНКО Владимир. Камчатская «Радуга». Хронология становления и некоторые результаты.....	71
ПРОПП Луиза. Институт, к которому, кажется, приросла пуповиной. От Дальних Зеленцов до залива Петра Великого.....	81
ПУДОВКИН Александр. Всегда оставались полные энергии.....	85
САВРУЕВ Вячеслав. «Преображенцы, вперед!».....	88
САЛМЕНКОВА Елена. Биостанция «Сокол» – в памяти и в сердце ...	91
СВЕТАШЕВ Василий. Лаборатория сравнительной биохимии. Вид с биологической станции «Витязь».....	97
ТЕРЕХОВА Евгения. Юбилеи. Какой важнее?.....	99
ТЕРЕХОВА Тамара. Как отдел биологии моря стал институтом.....	101
ТИТЛЯНОВ Эдуард. С колоссальным успехом и без потерь. На коралловые рифы Австралии.....	120
ХАЙТЛИНА София, ОДИНЦОВА Нэлия. Георгий Петрович Пинаев и Институт биологии моря.....	130
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. НЕБУЛГАКОВ, ОДИНЦОВ Вячеслав (рисунки). Бал Сатаны в Институте биологии моря.....	133
День при дворе короля Ибээма I.....	141
Приложение.....	149
Сведения об авторах.....	238

Научно-популярное издание

ПРИСЯГНУВШИЕ МОРЮ

Составители

Дроздов Анатолий Леонидович
Терехова Тамара Александровна

Подписано в печать 12.04.2020 г.
Формат 70×100 / 16. Усл. печ. л. 19,68.
Тираж 350 экз. Заказ **xxx**.

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Дальневосточном федеральном университете
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
(Типография Издательства ДВФУ,
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10)